ВЫСШІЙ КУРСЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

В. Стоюнинымъ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНІЕ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отношеніями отъ 15 Іюня за № 14064 и 6 Іюля 1899 за № 15955, одобрены всѣ сочиненія Владиміра Яковлевича Стоюнина.

Цѣна 70 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

ВЫСШІЙ КУРСЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

В. Стоюнинымъ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНІЕ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отношеніями отъ 15 Іюня за № 14064 и 6 Іюля 1899 за № 15955, одобрены всѣ сочиненія Владиміра Яковлевича Стоюнина.

Цѣна 70 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

4508

Предисловіе къ третьему изданію.

Въ третьемъ изданіи «Высшій курсъ русской грамматики является со значительными измѣненіями и дополненіями. Измѣненія касаются классификаціи грамматическаго матеріала, большая часть котораго уже знакома ученикамъ по элементарному курсу, и сдѣланы по той причинѣ, что *повтореніе* обыкновенно получаетъ интересъ тогда, когда части курса излагаются въ новой комбинаціи; это способствуетъ и самой памяти прочнѣе удержать подробности. Принятая мною классификація даетъ болѣе возможности изложить курсъ въ сжатомъ видѣ, о чемъ я особенно заботился, зная, что на повтореніе грамматики можетъ быть удѣлено очень немного времени въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Но при этомъ я не измѣнилъ тѣхъ соображеній, которыми руководствовался и при первыхъ изданіяхъ своего труда:

1. Высшій курсъ русской грамматики долженъ быть изложенъ на основаніи практическихъ знаній русскаго и церковно-славянскаго языка. Онъ подводитъ уже извѣстные ученику факты подъ общіе законы и, слѣдовательно, будучи какъ бы повтореніемъ стараго, въ то же время представляетъ это старое въ новомъ болѣе ясномъ свѣтѣ.

2. Не все изъ практической грамматики должно войти

въ составъ «Высшаго курса». То, что̀ служитъ только однимъ простымъ повтореніемъ давно извѣстнаго, будетъ здѣсь занимать лишнее мѣсто, такъ, напр., подробныя таблицы склоненій и спряженій и т. п.; все это займетъ много страницъ, но при изученіи онѣ всегда будутъ пропускаться.

3. Равнымъ образомъ не вдаваться въ подробныя филологическія изслѣдованія, напр., въ ученіи о звукахъ, о корняхъ и т. п.

4. При изложеніи обращаться къ историческому развитію русскаго языка и къ сравненію его съ другими, преимущественно съ тѣми, которые изучаются въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Но, чтобы не затруднять незнакомыхъ съ этими языками, приводить болѣе подробныя сравненія въ особыхъ примѣчаніяхъ.

5. Орѳографическую часть, касающуюся собственно не языка, а искусства письма, не вводить въ высшій курсъ; эта часть должна быть очень хорошо знакома ученику изъ прежнихъ занятій, слѣдовательно, здѣсь была бы излишнимъ повтореніемъ. Впрочемъ, многіе этимологическіе законы сами собою должны объяснять орѳографическія правила.

Дополненія относятся къ синтаксической сторонѣ языка; всѣ синтаксическія подробности въ настоящемъ изданіи сгруппированы въ особую главу.

Въ заключеніе повторяю то же, что̀ сказалъ уже при второмъ изданіи: задача составить курсъ, сколь возможно сжатый и вмѣстѣ полный, особенно затрудняла меня и, вѣроятно, главная причина тѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть найдены въ моей книгѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Языки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русская фонетика.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Словообразованіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Словопроизведеніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Слова составныя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Словоизмѣненіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Словосочетаніе.

Высшій курсъ русской грамматики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе языковъ. § 1. Первыя прсданія самыхъ древнихъ народовъ умалчиваютъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ овладѣлъ первыми словами для выраженія своихъ первыхъ мыслей. Наука также не можетъ пока разрѣшить *исторически* вопросъ о происхожденіи языка, т.-е. не можетъ сказать, какъ явились въ языкѣ первоначальные корни, каждый съ опредѣленнымъ значеніемъ. Она только доказываетъ, что языкъ развивается изъ нѣсколькихъ корней, и затѣмъ объясняетъ, какъ можетъ совершаться его дальнѣйшее развитіе. Выводы свои она дѣлаетъ изъ наблюденій надъ всѣми языками, на которыхъ говорили или говорятъ разные народы. Сравнивая ихъ между собою, она находитъ во многихъ одинаковое грамматическое строеніе, одинакіе корни и потому раздѣляетъ всѣ ихъ на классы или семьи.

Корней въ языкѣ немного, отъ 300 до 400. Нѣкоторые изъ нихъ звукоподражательные, т.-е. повторяютъ звуки природы, которыми обозначаютъ себя тѣ или другія явленія, напр., шипъ, хлопъ, стукъ, трескъ и пр. Первоначальные корни всѣ сказуемые или знаменательные, т.-е. выражаютъ какое-либо понятіе о предметѣ, явленіи, признакѣ или дѣйствіи, и притомъ односложные, т.-е. состоятъ или изъ одного гласнаго звука, или изъ соединенія его съ согласными.

Корни не дѣлятся по частямъ рѣчи; одинъ и тотъ же ко-

ренъ въ первобытномъ языкѣ могъ означать и предметъ, и признакъ, и явленіе, и дѣйствіе, глядя по употребленію его въ рѣчи, подобно какъ корни, сохранившіеся въ русскомъ языкѣ: *бацъ, брысь, брякъ, бухъ, глядь, ляпъ, моргъ, ну, прыгъ, скокъ, толкъ, тяпъ, хвать, хлопъ, цапъ, чу, чуръ, шасть, шлепъ* и др. Они могутъ употребляться, какъ имена существительныя и какъ глаголы, вмѣсто всѣхъ глагольныхъ формъ.

Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и *хлопъ*,
Людская *молвь* и конскій *топъ* (существит.).

—

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой (вм. изъявит. накл.).

—

И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, *хвать* друга камнемъ въ лобъ (изъяв. накл. прошед. вр.).

—

Какъ вдругъ изъ лѣса *шасть*
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть (наст. вр. изъяв. накл.).

—

И *бухъ* оселъ и съ филиномъ въ оврагъ (наст. врем.).

—

Ко рву ль примчится, разомъ *скокъ* (будущ. вр. изъяв. накл.).

—

А ты ему *брякъ* въ ноги, куманекъ! (повел. накл.).

—

Чу! полночный часъ звучитъ (повел. накл.).

—

Эти корни, выражая краткость, быстроту дѣйствія, придаютъ слогу особый живописный оттѣнокъ. Тѣми же качествами отличался и первобытный языкъ, выражая своими корнями полную свѣжесть впечатлѣнія.

Изъ корней по разнымъ впечатлѣніямъ на внѣшнія чувства образовывались слова производныя, и начинался ростъ языка.

По мѣрѣ того какъ народъ размножался и разселялся, образуя особые роды, семьи, общества, села, волости, языкъ развивался въ разныя *нарѣчія* или *діалекты*. Съ развитіемъ образованія одинъ изъ этихъ діалектовъ выдѣляется и дѣлается языкомъ общихъ интересовъ, языкомъ письменнымъ, литературнымъ и, мало-по-малу вырабатываясь, обращается въ языкъ классическій; но литературное его употребленіе нисколько не уничтожаетъ жизни отдѣльныхъ діалектовъ. Настоящая жизнь языка заключается въ нихъ, въ этихъ низшихъ слояхъ народной рѣчи, отъ которыхъ первоначально и произошелъ тотъ или другой классическій языкъ, и отъ которыхъ онъ постоянно заимствуетъ свои жизненные соки. Лишь только онъ прерываетъ свою связь съ діалектами, онъ дѣлается языкомъ мертвымъ, искусственнымъ, неспособнымъ далѣе развиваться.

Такая судьба постигла нашъ церковно-славянскій языкъ. Нынѣшній русскій литературный языкъ развивается въ тѣсной связи съ діалектами и питается ими. Литературный языкъ установляетъ одинъ какой-либо терминъ, діалекты доставляютъ пятьдесятъ и каждый съ своимъ особеннымъ оттѣнкомъ значенія. Если въ общественномъ развитіи являются новыя комбинаціи мысли, діалекты доставляютъ новыя названія изъ запаса своихъ излишнихъ словъ. А такой запасъ въ діалектахъ бываетъ очень обиленъ. Рѣчь людей простыхъ, живущихъ въ тѣсной связи съ природою, какъ, напр., земледѣльцевъ, пастуховъ, охотниковъ, рыбаковъ и др., много выигрываетъ въ чувственномъ представленіи и въ полнотѣ, такъ какъ глазъ такихъ людей, живущихъ на вольномъ воздухѣ, видитъ дальше, ухо ихъ слышитъ тоньше. Отсюда они успѣли подмѣтить всѣ малѣйшія видоизмѣненія въ природѣ и выразить ихъ соотвѣтственными названіями; такъ, языкъ пастуха богатъ выраженіями для разныхъ видоизмѣненій въ жизни скота: рожденіе, смерть, убиваніе почти для каждаго животнаго называются иначе, или охотникъ означаетъ походку и отдѣльные члены тѣла различной дичи особыми выраженіями. Все это потомъ въ языкѣ общемъ дѣлается излишнимъ и обременительнымъ. Такъ, въ языкѣ Слова о Полку Игоря (XII стол.) мы встрѣчаемъ особое названіе для крика или голоса каждаго живот-

наго; орлы *клектомъ* звѣри на кости зовутъ; лисицы *брешутъ* на черленые щиты; *щекотъ* славій (соловьиный) успѣ; *говоръ* галичь убуди; враны *граяхуть* (каркали), зеглицею *кычетъ;* сороки *встроскоташа;* дятлове *тектомъ* путь къ рѣцѣ кажутъ. Такое обиліе словъ съ теченіемъ времени забывается, когда народъ отстаетъ отъ того образа жизни, въ которой онъ выработалъ всѣ эти слова для выраженія своихъ ежедневныхъ наблюденій.

Примѣч. Наблюденія надъ языками дикихъ народовъ объясняютъ, какимъ образомъ появляются въ языкѣ діалекты. Напр., у обитателей пустыни, разобщенныхъ между собою, нѣтъ никакихъ общихъ собраній, никакихъ вѣче. Они часто вынуждены уходить въ пустыни иногда на большое разстояніе отъ своей родной деревни. Въ такихъ случаяхъ отцы и матери и кто только можетъ нести тяжесть отправляются иногда на нѣсколько недѣль, оставляя своихъ дѣтей подъ присмотромъ двухъ или трехъ старыхъ слабыхъ человѣкъ. Дѣти, изъ которыхъ одни только-что начинаютъ лепетать, другія прямо могутъ составлять фразы, третьи болѣе развиты, всѣ дѣти природы, рѣзвясь и играя вмѣстѣ, привыкаютъ въ долгій день къ своему собственному языку. Болѣе говорливый снисходитъ къ менѣе бойкому, и такимъ образомъ отъ этой дѣтской неурядицы происходитъ діалектъ, состоящій изъ множества смѣшанныхъ словъ и фразъ, связанныхъ между собою безъ всякаго правила, и весь характеръ языка перемѣняется въ продолженіе одного поколѣнія *). У народовъ же, собирающихся въ публичныя собранія или на празднества, или для исполненія разныхъ обрядовъ, образуется языкъ общественный изъ одного какого-либо діалекта. Рѣчи на собраніяхъ, народныя баллады, національные законы, религіозныя прорицанія производятъ почти то же вліяніе, какъ и литературный языкъ. Они сдерживаютъ

*) Миссіонеры утверждаютъ, что между сѣверо-американскими племенами едва-ли одна деревня говоритъ, какъ другая, и даже два семейства одной и той же деревни говорятъ не совсѣмъ одинаковымъ языкомъ; прибавляютъ, что ихъ языкъ измѣняется съ каждымъ днемъ и уже такъ много перемѣнился, что древній гуранскій языкъ совершенно отличенъ отъ настоящаго. Миссіонеры въ Центральной Америкѣ старались записывать языки дикихъ племенъ и заботливо составляли словарь всѣхъ словъ, какія только могли уловить. Возвратясь къ тѣмъ же племенамъ по прошествіи только десяти лѣтъ, они нашли, что этотъ словарь устарѣлъ и сталъ безполезнымъ: старыя слова пошли ко дну, а новыя всплыли на поверхность, и по своему внѣшнему виду языкъ совершенно измѣнился. (Лекціи объ языкѣ Макса Миллера).

естественное теченіе языка въ безчисленныхъ ручейкахъ его діалектовъ и придаютъ постоянство нѣкоторымъ образованіямъ рѣчи, которыя безъ этихъ внѣшнихъ вліяній могли бы существовать лишь кратковременно. Изъ этого видно, что первое стремленіе языка направляется къ неограниченному разнообразію. Но оно встрѣчаетъ естественную задержку, которая съ самаго начала приготовляетъ возрастаніе національныхъ и литературныхъ языковъ *). Языкъ отца сталъ языкомъ семейства, а языкъ семейства сдѣлался языкомъ племени. Въ одной и той же волости различныя семейства могли сохранять между собою свои собственныя семейныя формы и выраженія; они могли прибавить новыя слова, изъ которыхъ иныя были столь прихотливы и странны, что были едва понятны другимъ членамъ той же волости. Такія выраженія, разумѣется, были подавляемы въ большихъ собраніяхъ, гдѣ сходились всѣ члены, чтобы участвовать въ общихъ преніяхъ, какъ мы подавляемъ мѣстныя выраженія и наши любимыя слова; но чѣмъ болѣе общій діалектъ получалъ формальный характеръ, тѣмъ болѣе эти особенности сохранились у очага отдѣльныхъ шатровъ. Могли также явиться особые діалекты слугъ, конюховъ, солдатъ, пастуховъ и проч. У женщинъ создались свои домашнія слова, и возраставшее поколѣніе недолго оставалось безъ своей собственной болѣе остроумной фразеологіи. Даже и мы въ нашемъ литературномъ вѣкѣ, удаленные отъ давнихъ прародителей языка цѣлыми тысячелѣтіями, не говоримъ дома такъ, какъ говоримъ публично. Тѣ же обстоятельства, которыя даютъ начало формальному языку въ отличіе отъ семейныхъ діалектовъ, производятъ въ большомъ размѣрѣ языки союза нѣсколькихъ волостей, рождающихся колоній, возникающихъ національностей. Въ округахъ, въ городахъ, въ селахъ и семействахъ всегда были сотни діалектовъ до образованія національнаго языка; отличительныя черты ихъ не сглаживаются даже и во времена образованія, когда установляется одинъ литературный языкъ, обращаясь въ классическій. Такъ, напр., классическій латинскій языкъ есть одинъ изъ многихъ діалектовъ, которыми говорили обитатели Италіи; онъ былъ діалектъ Лаціума, въ Лаціумѣ діалектъ Рима, въ Римѣ діалектъ патриціевъ; онъ былъ установленъ разными писателями, былъ, слѣдовательно, языкъ ограниченнаго класса, политической партіи, литературнаго кружка. По-

*) Миссіонеры, посвящая себя изученію дикихъ и невѣжественныхъ племенъ, рѣдко бывали въ состояніи изучить болѣе одного изъ многихъ діалектовъ, и когда они достигали успѣха, то тотъ діалектъ, который они переложили въ письменность и сдѣлали средоточіемъ своего образовательнаго вліянія, достигалъ въ скоромъ времени нѣкотораго литературнаго первенства, исключая тѣмъ прочіе діалекты, какъ варварскіе. (М. Миллера лекціи).

либій говоритъ, что образованнѣйшіе римляне не могли безъ труда разобрать языкъ древнихъ трактатовъ между Римомъ и Карѳагеномъ, а Квинтиліанъ замѣчаетъ, что сами салійскіе жрецы едва понимали свои древніе гимны. Извѣстно также, что Цицеронъ, воспитанный въ Арпиніумѣ на провинціальномъ діалектѣ, вступивъ въ модное общество и начавъ писать для своихъ новыхъ патриціанскихъ друзей, долженъ былъ отвыкать отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ провинціализмомъ. Если бы вмѣсто патриціевъ одержали верхъ плебеи, то общественнымъ и, слѣдственно, литературнымъ языкомъ сдѣлался бы другой діалектъ, и латинскій языкъ много отличался бы отъ языка Цицерона и Юлія Цезаря. Ставъ языкомъ законодательства, религіи, литературы и общей образованности, классическій латинскій языкъ сдѣлался неподвижнымъ и стоячимъ. Онъ не могъ расти, потому что не могъ измѣняться или уклоняться отъ своей классической точности. То же самое можно сказать и о каждомъ классическомъ языкѣ. Они, являясь литературными діалектами, платятся за свое временное величіе неизбѣжнымъ упадкомъ *). Съ этой точки зрѣнія нельзя сказать, чтобы отъ классическаго языка произошли какіе-либо діалекты, или чтобы онъ былъ отцомъ другого языка. Какъ

*) Такіе языки, говоритъ Максъ Миллеръ, подобны стоячимъ озеркамъ возлѣ большихъ рѣкъ; они образуютъ резервуаръ того, что нѣкогда было живою и текущею рѣчью, но что теперь не захватывается уже теченіемъ главнаго русла. Иногда можетъ казаться, будто весь потокъ языка былъ поглощенъ этими озерами, и мы едва можемъ примѣтить маленькіе ручейки, продолжающіе течь въ главномъ руслѣ. Но если далѣе, ниже по теченію, т.-е. позднѣе въ исторіи, мы снова встрѣчаемъ новое тѣло подвижного языка, образующееся или образовавшееся, то можемъ быть увѣрены, что его данниками были тѣ же самые ручейки, на время исчезнувшіе предъ нашимъ взоромъ. Классическій или литературный идіомъ можно вѣрнѣе сравнить съ замерзшею поверхностію рѣки, блестящею и гладкою, но оцѣпенѣвшею и холодною. Эта поверхность болѣе утонченной и образованной рѣчи по большей части ломается политическими потрясеніями и уносится волнами, поднимающимися съ глубины, что бываетъ въ такія времена, когда высшіе классы подавляются религіозными и соціальными борьбами или снова смѣшиваются съ низшими классами для отраженія чуждаго нападенія,... тогда народные или, какъ ихъ называютъ, простые діалекты, составлявшіе подобія нижняго теченія, поднимаются надъ хрустальной поверхностью литературнаго языка и, подобно весеннимъ водамъ, уносятъ формаціи прошедшаго времени, сдѣлавшіяся уже излишними. Въ болѣе спокойныя времена новая народная литература является въ языкѣ, который, *повидимому*, образовался завоеваніями и переворотами, но на дѣлѣ выросъ гораздо раньше и только вскрылся, уже готовый, посредствомъ историческихъ событій (М. Миллеръ).

скоро языкъ теряетъ свою неограниченную способность измѣняться, свою готовность мгновенно исполнять требованія ума и сердца, то его естественная жизнь обращается въ чисто искусственное существованіе. Онъ можетъ жить еще нѣсколько времени, но, представляясь на видъ главнымъ побѣгомъ, на дѣлѣ онъ только сломанная и вянущая вѣтвь, медленно отпадающая отъ ствола, изъ котораго выросла. Такимъ образомъ источникъ итальянскаго языка нельзя найти въ классической литературѣ Рима: онъ въ народныхъ діалектахъ Италіи; равно индустанскій языкъ не есть сынъ того санскрита, который мы находимъ въ браминской литературѣ—онъ вѣтвь живучей рѣчи Индіи, происходящей отъ того же ствола, изъ котораго выросъ санскритъ, когда онъ впервые достигъ своей литературной независимости *); точно такъ же діалекты русскаго языка никогда не происходили, какъ иные думаютъ, отъ церковно-славянскаго языка, а имѣютъ съ нимъ только одни корни, изъ которыхъ и развиваются самостоятельно.

Раздѣленіе языковъ. § 2. Дѣлая наблюденія надъ всѣми извѣстными языками, наука раздѣляетъ ихъ по образованію на слѣдующія отрасли:

1. Въ однѣхъ корни употребляются какъ знаменательныя слова, сохраняя свою полную самостоятельность. Здѣсь въ языкѣ нѣтъ еще грамматики.

2. Въ другихъ два корня соединяются вмѣстѣ, чтобы образовать слово, но такъ, что одинъ изъ нихъ лишается своей самостоятельности и обращается въ простое окончаніе. Здѣсь уже образуется грамматика языка.

3. Въ третьихъ два корня соединяются для образованія слова, и оба могутъ потерять свою самостоятельность, вслѣдствіе чего происходитъ фонетическое, или звуковое искаженіе.

Примѣч. Въ первыхъ знаменательные корни служатъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы употребляемъ окончанія для выраженія части рѣчи, лица, падежа и пр. Въ этомъ состояніи находится китайскій языкъ. Если китаецъ хочетъ сказать *въ домѣ*, то онъ скажетъ *домъ-нутро*—у-ли (у—домъ, ли—внутренность). Здѣсь два корня соединяются въ одно слово, не теряя своего первоначальнаго значенія. Или, чтобъ сказать *палкою*, по-китайски нужно выразиться *употреблять палка*—и-чжанъ (и—употреблять, чжанъ—палка), *день—сынъ-солнце*—жи-цзы. Здѣсь нѣтъ частей рѣчи, нѣтъ измѣненія окончаній, нѣтъ членовъ, и смыслъ рѣчи зависитъ отъ постановки

*) Лекціи по наукѣ о языкѣ Макса Миллера, глава II.

словъ. Одинъ и тотъ же корень, смотря по занимаемому имъ мѣсту въ рѣчи, можетъ выразить и предметъ, и признакъ, и дѣйствіе, слѣдовательно, и существительное, и прилагательное, и глаголъ, и нарѣчіе и пр.; напр., *во-да-ни* значитъ «я бью тебя» (я бить ты), а *ни-да-во*—ты бьешь меня (ты бить я); *во-жень*—дурной человѣкъ, а *жень-во*—человѣкъ дуренъ. Такъ какъ въ такомъ языкѣ являются только корни, а они всѣ, какъ мы сказали односложные, то и самый языкъ называется односложнымъ.

Какимъ образомъ происходитъ переходъ корней въ окончанія, можно пояснить нѣсколькими примѣрами. Возьмемъ французское окончаніе *ment*, служащее для образованія нарѣчій *bonnement, vraiment, fortement*. Этого окончанія мы не найдемъ на латинскомъ языкѣ, изъ котораго французскій образовалъ свои формы, но мы найдемъ тамъ выраженіе *bona mente* съ добрымъ намѣреніемъ, *forti mente* крѣпкимъ духомъ, гдѣ оба слова знаменательны. Во французскомъ языкѣ въ подобныхъ выраженіяхъ послѣднее слово (mente) уже не чувствовалось болѣе какъ самостоятельное отдѣльное слово, и въ то же время утратилось его внятное произношеніе. Оно обратилось въ простое окончаніе для выраженія нарѣчія «сильно, крѣпко, добровольно». Лишь только mente потеряло свое значеніе, оно, какъ окончаніе нарѣчія, стало употребляться и тамъ, гдѣ первоначально употребленіе его было бы совершенно невозможнымъ; такъ, напр., французы говорятъ, что молотъ падаетъ lourdement (тяжелымъ духомъ), не подозрѣвая, что бездушному куску желѣза приписываютъ тяжелый духъ *). Точно такъ же личныя окончанія нашихъ глаголовъ произошли отъ мѣстоименій, или полныя окончанія прилагательныхъ *ый, ой, ая, ее*—отъ мѣстоименій же *и, я, е*, окончанія будущаго времени въ малороссійскомъ языкѣ изъ глагола *имѣть* и др. Конечно, въ настоящее время не всѣ окончанія можно легко объяснить, изъ какихъ знаменательныхъ корней произошли они; но съ помощію научнаго анализа можно дойти до начала многихъ изъ нихъ.

Примѣч. Языки, въ которыхъ къ чистому неизмѣнному корню приставляются разныя окончанія для произведенія различныхъ грам-

*) Лекція М. Миллера.

матическихъ формъ, называются *приставочными*. Сюда относится самое большое число языковъ. Вся *туранская* отрасль состоитъ изъ приставочныхъ языковъ: на нихъ говорятъ всѣ кочевыя племена Азіи, въ Европѣ татары, турки, финны, венгерцы. Единственная характеристическая черта туранскихъ языковъ состоитъ въ томъ, что корень ихъ никогда не измѣняется и не затемняется никакими приставками и сокращеніями, а слоги, опредѣляющіе и измѣняющіеся, обыкновенно приставляются въ концѣ чистаго корня, и гласные звуки этихъ приставочныхъ окончаній зависятъ отъ гласныхъ корня: если въ корнѣ твердый звукъ, то и окончаніе принимаетъ твердый, и наоборотъ; то же окончаніе звучитъ уже съ мягкимъ гласнымъ звукомъ, если въ корнѣ мягкій; такъ, напр., для неопредѣленнаго наклоненія существуютъ окончанія *мек* и *мак*—сев-мек (любить) и бак-мак (смотрѣть), для множеств. числа *лер* и *лар*—*ев-лер*—дома, *ат-лар*—лошади.

Когда начинается фонетическое или звуковое искаженіе первыхъ знаменательныхъ корней, тогда языкъ вступаетъ въ другой періодъ своего развитія. Здѣсь разные элементы, входящіе въ составъ слова, могутъ до того спаяться вмѣстѣ и такъ пострадать отъ фонетической порчи, что только ученый можетъ замѣтить первоначальное различіе между корнемъ и окончаніемъ, и только сравнительное изслѣдованіе въ состояніи открыть спаи, раздѣляющіе составныя части, тогда какъ въ приставочныхъ языкахъ каждый можетъ указать на корень, окончаніе и всѣ производственные слоги. Такъ, напр., кто, произнося слова *жертва*, *жерло*, подозрѣваетъ, что они происходятъ отъ слова *горѣть*, или *ожерелье* отъ слова *горло*, *изба* отъ *топить*? Какой неученый французъ догадается, что его vingt (двадцать) происходитъ отъ корня dvi (два), или aujourd'hui повторяетъ корень *dies*? Измѣненіе звуковъ, сокращеніе, сліяніе часто до такой степени измѣняютъ корень, что отъ него не остается ни одного первоначальнаго звука.

Къ этому разряду языковъ относятся языки отраслей симической и индо-европейской, или арійской. Въ нихъ отличаются два составные элемента: корни знаменательные, или *глагольные*, и *мѣстоименные*.

Симическая, или семитическая отрасль раздѣляется на три вѣтви: арамейскую (языки сирійскій и халдейскій — мертвые), европейскую (еврейскій, финикійскій, карѳагенскій—мертвые) и

арабскую. Всѣ эти языки развились весьма рано, выразились въ богатыхъ литературахъ и удалились другъ отъ друга гораздо менѣе языковъ индоевропейской отрасли. Каждый корень въ нихъ состоитъ изъ трехъ согласныхъ; отъ корней производится множество словъ простою перемѣною гласныхъ, оставляя согласныя по возможности нетронутыми. Симическіе языки и своимъ грамматическимъ строемъ рѣзко отличаются отъ языковъ индоевропейскихъ. Современные ученые филологи стараются найти связь между этими двумя отраслями, но до сихъ поръ еще мало въ томъ успѣли. Индо-европейскіе языки подверглись значительно большей фонетической порчѣ, чѣмъ языки симическіе; и въ то же время эта отрасль, самая богатая и образованная, звучитъ на большемъ пространствѣ, раздѣляясь на нѣсколько *семействъ*.

1. Семейство индійское. Въ немъ первое мѣсто наука даетъ языку *санскритскому*, на которомъ говорили древніе индійцы. Онъ всего ближе подходитъ къ первобытному языку, сохранивъ много древнѣйшихъ формъ и корней. Онъ носитъ названіе *священнаго языка* (санскритъ), потому что на немъ написаны священныя книги древнѣйшей религіи Брамы—Веды; изъ нихъ нѣкоторыя дошли до насъ. Онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ мірѣ, и хотя сдѣлался языкомъ мертвымъ еще за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Христ., но на немъ до сихъ поръ въ Индіи совершаютъ богослуженіе, и всѣ образованные индійцы знаютъ по-санскритски. Въ наукѣ филологіи этотъ языкъ имѣетъ важное значеніе, потому что чрезъ него можно объяснить происхожденіе многихъ грамматическихъ формъ и словъ въ другихъ языкахъ; потому что онъ составляетъ какъ бы средоточіе всей индо-европейской отрасли; свойства, которыя мы встрѣчаемъ въ прочихъ языкахъ той же отрасли разсѣянно, въ немъ сохранились всѣ вмѣстѣ въ органической цѣлости; что другіе растеряли, углубляясь въ далекія земли, то онъ сохранилъ, оставаясь на родной почвѣ и перейдя въ книги еще въ древнѣйшія времена. Наука смотритъ на него, какъ на старшаго брата всѣхъ прочихъ языковъ. Въ Индіи образовались многія индійскія нарѣчія и, испорченныя постороннимъ вліяніемъ, чрезвычайно удалились отъ санскритскаго.

2. *Семейство иранское.* Сюда относятся языки обитателей Ирана. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь языкъ *зендскій*, тѣсно связанный съ санскритомъ; на немъ написанъ законъ Зороастра, книга *Зендавеста.* Это древній языкъ парсовъ, или огнепоклонниковъ. Изъ зендскаго языка въ смѣшеніи съ симическими элементами образовался языкъ *пехлевійскій*, династіи сассанидовъ (226—651 г.), затѣмъ очищенный отъ симической примѣси языкъ *парси* и наконецъ *ново-персидскій* съ примѣсью множества арабскихъ словъ и формъ.

Большое сродство съ этими двумя семействами обнаруживаютъ изъ азіатскихъ языковъ: *афганскій*, *бухарскій*, *курдскій*, *осетинскій* (на Кавказѣ) и *армянскій.* Изъ Индостана происходитъ и языкъ *цыганскій*, но онъ весьма испорченъ въ своей грамматикѣ, и словарь его состоитъ изъ словъ, выкраденныхъ изъ всѣхъ странъ.

3. *Семейство эллинское.* Сюда относятся діалекты древней Греціи, а литературный *древне-греческій языкъ* имѣетъ всемірное значеніе, благодаря высокимъ произведеніямъ греческой поэзіи. Его исторія хорошо извѣстна со временъ Гомера (1000 л. до Р. Х.). Изъ древне-греческихъ діалектовъ, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ языковъ латинскаго, турецкаго и отчасти итальянскаго и славянскаго, образовался языкъ *ново-греческій.*

4. *Семейство романское.* Его составляютъ древніе діалекты Италіи, изъ которыхъ выдается литературный языкъ древняго Рима—*латинскій* (какъ нарѣчіе *Латіума*—Latium), вмѣстѣ съ греческимъ классическій языкъ древности и среднихъ вѣковъ. Изъ латинскаго и діалектовъ древней Италіи, подъ вліяніемъ германскихъ и кельтическихъ языковъ, составились языки *провансальскій*, достигшій въ средніе вѣка въ поэзіи трубадуровъ высокаго литературнаго превосходства, *итальянскій*, *французскій*, *испанскій*, *португальскій.* Всѣ они называются также языками романскими, какъ происшедшіе отъ языка древняго Рима (Roma). Въ образованіи языка испанскаго принималъ нѣкоторое участіе и языкъ арабскій.

Къ романскому семейству должно отнести и языкъ *румынскій* или *молдаво-валашскій*, образовавшійся изъ латинскаго подъ вліяніемъ славянскаго и отчасти турецкаго.

5. Семейство кельтское. Сюда относятся діалекты *кимрскій, гальитскій, иберійскій, скоттскій, уэльскій* (въ Валисѣ), недавно вымершій. Изъ этого семейства въ настоящее время остались діалекты *ирландскій, гельскій* на западномъ берегу Шотландіи и *нижне-бретонскій* (bas-breton) въ Бретани.

6. Семейство германское или тевтонское. Нѣмецкій языкъ раздѣляется на діалекты *верхне-германскій* и *нижне-германскій.* Первый всегда былъ литературнымъ языкомъ Германіи. По древности письменныхъ памятниковъ весьма важенъ въ историческомъ отношеніи діалектъ *готтскій*, на которомъ сохранилось Евангеліе перевода епископа Ульфилы. На-ряду съ нимъ въ древности существовали другіе діалекты германскаго племени; нѣкоторые изъ нихъ образовали нынѣшніе языки *фламандскій, голландскій, фризскій*, нѣкоторые вымерли, другіе остались простонародными нарѣчіями (Ptattdeustch). Какъ самостоятельная вѣтвь германской семьи является языкъ *скандинавскій*, или *норманскій*, который въ настоящее время состоитъ изъ трехъ литературныхъ діалектовъ: *шведскаго, датскаго* и *исландскаго*, и изъ многихъ мѣстныхъ нарѣчій, особливо въ Норвегіи. По своему грамматическому строю къ германской же семьѣ принадлежитъ и языкъ *англійскій*, хотя онъ и развился подъ разнообразными вліяніями.

7. *Семейство леттское.* Его составляютъ языки *литовскій* (въ Литвѣ и восточной Пруссіи), *латышскій* (въ Курляндіи и въ части Лифляндіи) и вымершій *древне-прусскій.* Хотя эта семья не выработала ни одного литературнаго діалекта, но она очень важна для филологической науки, потому что въ ея діалектахъ встрѣчаются грамматическія формы, болѣе древнія и болѣе сходныя съ санскритскими, нежели соотвѣтствующія имъ формы въ другихъ языкахъ.

Славянская семья. § 3. Она дѣлится обыкновенно на три отрасли: *сѣверо-западную, юго-западную* и *восточную.* Къ сѣверо-западной, сильно подвергшейся нѣмецкому вліянію и принявшей латинскія буквы, относятся слѣдующія нарѣчія: *чешское*, или *богемское, польское, сербо-лужицкое* и *полабское.* Къ юго-западной—*старо-* или *церковно-славянское, болгарское* (подпавшее

турецкому вліянію), *иллирійское* (составляющее нарѣчія сербское, кроатское и словенское) и *хорутанское*. Къ восточной отрасли принадлежитъ нарѣчіе, самое обширное по занимаемому имъ пространству, *русское*.

Русскій языкъ. § 4. Русскій языкъ имѣетъ свое самобытное историческое развитіе. Звуча на такомъ обширномъ пространствѣ, онъ не могъ не развиваться въ нѣсколько нарѣчій; изъ нихъ главныя три: *великорусское* (восточное), *малорусское* (южное) и *бѣлорусское* (западное). Самое развитое и богатое литературою есть великорусское, которое также подраздѣляется на нарѣчія. Изъ нихъ самое важное нарѣчіе *московское*, какъ языкъ образованнаго класса общества и народное основаніе языка литературнаго. Оно отличается мягкостью и постояннымъ расширеніемъ гласныхъ звуковъ безъ ударенія, напр. *о* въ *а*. (Та же любовь къ расширенію существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, гдѣ, кромѣ того, безпрестанно слышатся зубныя придыханія: *т* произн. какъ *тс—ц*; *д* какъ *дз*.). По *новгородскому* нарѣчію произносятся всѣ звуки ясно безъ всякаго расширенія, къ нему же приближается и *сѣверное* или *архангельское* нарѣчіе. Несмотря на многія различія, всѣ они весьма близки одно къ другому и понятны каждому русскому.

Изъ смѣси нарѣчій русскаго и церковно-славянскаго въ старину у насъ образовался языкъ книжный, который можно назвать *славяно-русскимъ*. И нынѣшній литературный языкъ нашъ также развился подъ вліяніемъ церковно-славянскаго, откуда къ намъ перешли многія слова и нѣкоторыя формы, почему при изученіи русскаго языка часто бываетъ необходимо обращаться и къ церковному.

Такимъ образомъ русскій языкъ, какъ членъ славянской семьи, принадлежитъ къ индо-европейской отрасли. Между нимъ и другими языками той же отрасли существуетъ братство или кровное родство, которое обнаруживается въ грамматическомъ устройствѣ и въ общихъ корняхъ весьма многихъ словъ. Сличая эти языки, мы приходимъ къ одному заключенію: всѣ они необходимо должны были произойти изъ одного начала, т.-е. было время, когда наши предки и предки германцевъ, римлянъ,

грековъ говорили однимъ языкомъ, который уже впослѣдствіи, распространяясь на большемъ и большемъ пространствѣ, неминуемо долженъ былъ раздѣлиться и такимъ образомъ произвелъ нѣсколько братьевъ, не потерявшихъ и до сихъ поръ признаковъ своего родства. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ ученыхъ, ближайшій къ санскритскому языку, вмѣстѣ съ литовскимъ, есть языкъ славянскій, а чрезъ него и русскій; изслѣдованія показываютъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ—греческому и германскому. Такая родственная близость иногда будетъ насъ побуждать обращаться, хотя въ примѣчаніяхъ, къ старѣйшему языку для объясненія нѣкоторыхъ корней и формъ своего родного языка. Для сравненія и объясненія многихъ общихъ законовъ языка необходимо обращаться и къ языкамъ европейскимъ.

Русскій языкъ имѣетъ свое историческое развитіе, которое мы изучаемъ изъ дошедшихъ до насъ рукописей. Изъ нихъ мы видимъ его постепенное измѣненіе, его утраты и пріобрѣтенія. Излагая законы языка, мы необходимо должны обращаться къ его исторіи и слѣдственно дѣлать указаніе на упомянутыя рукописи.

Исторія русской азбуки. § 5. Девятьсотъ лѣтъ русскій языкъ имѣетъ свои письмена. Наша азбука, составленная св. Кирилломъ внѣ Россіи (въ половинѣ IX стол.), утвердилась у насъ со введеніемъ христіанства. Принявъ въ основаніе алфавитъ греческій, изобрѣтатель долженъ былъ его дополнить новыми знаками, найдя, что въ славянскомъ языкѣ есть много звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ. Нѣкоторые для этого онъ принялъ изъ латинской азбуки (σ, ꙅ) *), другіе изъ еврейской (ц, ч, ш, щ), третьи, наконецъ, составилъ самъ

---

[1]) По мнѣнію Павскаго, буква *ж* также составилась изъ латинскаго *x*, которую, чтобы, не смѣшать съ греческимъ *x*, перепоясали чертою. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что у далматскихъ славянъ, пишущихъ латинскими буквами, *x* понынѣ произноситься какъ *ж*, что они заимствовали у венеціанъ, которые латинскую букву *x* выговариваютъ за *ж*: Dux—Дужъ или Дожъ.

(ѥ, ꙗ, ю, ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, ъ, ь, ы, ѣ). Каждая изъ буквъ имѣла свой особенный звукъ, которыхъ всѣхъ числомъ было 35. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ этихъ звуковъ въ устахъ народа утратились, смѣшавшись съ другими, и такимъ образомъ въ нашей азбукѣ явилось нѣсколько буквъ, выражавшихъ одинъ и тотъ же звукъ, какъ з и ѕ (зѣло), ѭ и ю и проч. Сложныя согласныя буквы, ѯ, ѱ, ѿ, а также ѳ, какъ полагаютъ, введены къ намъ впослѣдствіи для выраженія чиселъ по образцу греческому (60, 70, 80, 90), ѯ, ѱ, ѳ писались только въ словахъ, взятыхъ изъ греческаго языка, и нигдѣ не употреблялись въ словахъ чисто славянскихъ, ѵ (ижица) введена въ славянскій алфавитъ очень поздно для соотвѣтствія греческому ипсиленъ (υ) и писались тоже только въ греческихъ словахъ, перешедшихъ къ намъ въ большомъ числѣ съ принятіемъ христіанства. Конечно, начертаніе славянскихъ буквъ имѣетъ мало сходства съ тѣми греческими, которыя мы теперь употребляемъ, но если взять греческія рукописи IX и X столѣтія, то намъ представится поразительное сходство.

Старое начертаніе нашихъ буквъ со всѣми знаками существовало до XVIII столѣтія, войдя съ половины XVI ст. въ наши типографіи. Наконецъ Петръ Великій сдѣлалъ въ немъ значительное преобразованіе. Простота и четкость латинскаго шрифта не могли не обратить на себя вниманіе преобразователя. Онъ измѣнилъ начертаніе славянскихъ буквъ, примѣнивъ его къ латинскому. Онъ видѣлъ лишнее обиліе буквъ старой кирилловской азбуки, ненужныя греческія придыханія и ударенія, различныя титла, которыя пестрили страницы, не служа рѣшительно ни къ чему, и только затрудняли чтеніе, какъ всякіе сократительные знаки; потому отбросилъ все лишнее въ азбукѣ, каждому звуку далъ по одному знаку (исключивъ и буквы *и*, *v*); изъ однозвучныхъ оставилъ только *е* и *ѣ*, *ф* и *ѳ*, также двѣ сложныя ѯ и щ. Такимъ образомъ русская печать явилась почти въ томъ видѣ, въ какомъ мы видимъ ее теперь; только буква *д* получила начертаніе вродѣ латинскаго g, вмѣсто буквы *з* было ѕ (зѣло), а п и т были похожи на французскія *n*, *m*. Этимъ новымъ русскимъ шрифтомъ, названнымъ гражданскимъ, отпечатаны въ Московской

типографіи первыя въ Россіи *Вѣдомости* въ 1710 г.; первыя же книги (*Геометрія и Приклады, како пишутся комплименты*) напечатаны имъ еще въ 1708 г. Но преобразованная азбука въ послѣдующее время подвергалась нѣкоторымъ прибавленіямъ и измѣненіямъ; такъ, въ 1716 г. буква *і* получила надъ собою вмѣсто одной двѣ точки (ї), и, кромѣ того, возобновлена была еще буква *и*; въ 1718 г. появилась буква ѵ (ижица); впрочемъ, въ 1733 г. она была вновь оставлена, при чемъ произошли въ азбукѣ и нѣкоторыя новыя измѣненія: вмѣсто ѕ стали употреблять *з*, буква ѯ исключена совершенно, а вновь введены *э* и *й*; эта послѣдняя была необходимою буквою, вмѣсто которой до того времени употреблялось простое *и*; первая же, обращенная изъ славянскаго Є, назначалась для выраженія чистаго звука *е*, который въ устахъ русскаго человѣка легко переходитъ въ придыхательный (*ѥе*). Наконецъ замѣтимъ, что буква *і* писалась не только передъ гласными, но и передъ согласными въ иностранныхъ словахъ (Італія, імперія), и только съ 1838 г. оставлено это послѣднее употребленіе въ пользу буквы *и*. Такимъ образомъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ составилась и утвердилась наша русская азбука. Разсмотримъ же ее въ подробности, какъ представительницу всѣхъ звуковъ, изъ которыхъ сложился языкъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Звуки русскаго языка (фонетика).

Чистые гласные. § 6. Въ словѣ нужно различать двѣ стороны: *логическую* и *фонетическую* (звуковую)—духъ и тѣло; первая, внутренняя, представляетъ намъ мысль или понятіе, заключенное въ словѣ; вторая, внѣшняя, звуки, которые произносятся и отдѣльно, и слитно одинъ съ другимъ. Со стороны фонетической слово состоитъ изъ двухъ стихій: звуковъ *гласныхъ* и *согласныхъ*. Органы, въ которыхъ они образуются,—

гортань, ротъ и губы. По этому числу собственно три простыхъ, чистыхъ гласныхъ: *и* (въ гортани), *а* (во рту), *у* (въ губахъ). Въ языкахъ, весьма рано развившихся, напримѣръ, въ санскритскомъ и арабскомъ, только и существуютъ эти три гласные звука; потому мы ихъ можемъ назвать первоначальными. Съ теченіемъ времени между этими звуками, какъ бы въ ихъ промежуткѣ, образовались два новые гласные звука, *е* и *о*. Первый занимаетъ мѣсто между *а* и *и*: такъ, греческое *αι*, французское *ai* произносится какъ *е* (долгое), равно какъ и латинское *ae*, составившееся изъ стараго *ai*. Звукъ *о* занялъ середину между *а* и *у* (французск. *au* — *o*). При такомъ родствѣ всѣ эти звуки весьма легко переходятъ одинъ въ другой, что̀ мы встрѣчаемъ во всѣхъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и вообще въ славянскомъ, есть двѣ гласныя буквы, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ другихъ европейскихъ языкахъ; это — буквы *ѣ* и *ы*. *Ѣ* и *е* въ литературномъ языкѣ и въ московскомъ нарѣчіи въ произношеніи звучатъ одинаково, въ нарѣчіи малорусскомъ и иногда новогородскомъ *ѣ* произносится, какъ *и*; *е* же всегда сохраняетъ свой звукъ во всѣхъ нарѣчіяхъ. Наблюдая надъ измѣненіями буквы *ѣ*, мы замѣчаемъ, что она въ русскомъ литературномъ языкѣ постоянно переходитъ или въ *и*, напр., *лѣпить*, *липнуть*, *вѣсить—висѣть*; въ предложномъ падежѣ *о веселіи* вм. *веселіѣ*, или въ *а* (послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*), напримѣръ, *величайшій* вмѣсто *ѣйшій;* но никогда не переходитъ въ *е*, съ которымъ она высказываетъ свое родство только въ произношеніи. Надо полагать, что въ старину она отличалась отъ *е* долготою произношенія, что̀ видно изъ слова *нѣсть*—нѣтъ, составившагося изъ *не есть*: здѣсь двойное *е* обратилось въ *ѣ*. Подражая *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ подъ удареніемъ *ѣ* звучитъ какъ ё, *звѣзды* (звёзды), *сѣдла* (сёдла), *цвѣлъ* (цвёлъ) и др. Это измѣненіе буквы *ѣ* указываетъ на ея части, изъ которыхъ она составилась, при чемъ *а* и *и* не обратились въ двухгласную, а слились въ одинъ звукъ, который у нѣкоторыхъ совсѣмъ приблизился къ *и*, у другихъ къ смягченному *е*, занимающему средину между *а* и *и*; у иныхъ даже обратился въ *я* (напр., польск. и болгарск. *лято*, *място*, *вяра*); у насъ въ старыхъ рукописяхъ: *ныня* вм.

нынѣ (Кирил. Туров.), *кромя* вм. *кромѣ*, или теперь *сѣсть—сяду*, *ѣда* и *ядъ, яство*. Нѣкоторые примѣры представляютъ, что *ѣ* черезъ *е* имѣетъ даже дальнее родство съ *о*, какъ *пѣть—пою*. Но такіе случаи весьма рѣдки. Есть случаи и обратнаго измѣненія—*и* въ *ѣ*, какъ *брить—брѣю*, *Априль—Апрѣль*, *Алексій—Алексѣй*.

Звукъ *ы* есть видоизмѣненіе *у*; въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *ы* въ произношеніи совсѣмъ приближается къ *у*, напримѣръ, въ малорусскомъ и словацкомъ; *бути* вм. *быти*; иностранцы выговариваютъ наше *ы* какъ *у*; у насъ *духъ=дышать*, *слухъ—слышать*. По родству съ *у* звукъ *ы* часто обращается въ *в, ов, ав*; наприм., *слыть — славить*, *плыть — плавать*, ц.-сл. *церкы—церковь*, *крыть—кровъ*.

Придыхательные, или мягкіе гласные *). § 7. Славянскій языкъ, а слѣдовательно и русскій, не довольствовался тѣми гласными, какія существуютъ въ другихъ языкахъ индоевропейской отрасли; во многихъ случаяхъ онъ старался свои чистые гласные смягчить легкимъ придыханіемъ въ гортани, близкимъ поэтому къ гортанному звуку *и*. Такимъ образомъ составились звуки гласные придыхательные, или мягкіе (иначе *іотированные*) изъ *а—я*, изъ *е—ье*, изъ *у—ю*. Св. Кириллъ для ихъ изображенія соединилъ твердыя гласныя буквы съ *і*, слыша въ нихъ гортанное придыханіе: ꙗ, ѥ, ю; послѣднее изображеніе произошло изъ сокращеннаго *у*, которое у грековъ писалось такимъ образомъ: ȣ. Всѣхъ болѣе подвергся придыханію въ русскомъ языкѣ звукъ *е*, такъ что въ немъ осталось весьма немного словъ съ твердымъ *е* и то въ началѣ слога. Ему послѣдовало и *ѣ*, которое у насъ вездѣ звучитъ, какъ придыхательное *е*. Уже при Петрѣ Великомъ є и ѥ произносились одинаково съ придыханіемъ, такъ что онъ нашелъ излишнимъ существованіе одной изъ этихъ буквъ въ русской азбукѣ и отбросилъ сложную ѥ, хотя она и была настоящая придыхательная. Ея должность стала исправлять твердая *е*. Впослѣд-

*) Эти звуки у насъ получили нѣсколько названій — *іотированные*, *узкіе*, въ противоположность имъ чистые гласные зовутъ *широкими*.

ствіи замѣтили, что въ русскомъ языкѣ есть слова и съ твердымъ звукомъ *е* (этотъ, экій), и ввели новую букву *э*, оборотивъ є на другую сторону.

Предыханіе проникаетъ весь составъ славянскаго языка. Въ современномъ русскомъ языкѣ гласныя послѣ гласныхъ обыкновенно принимаютъ придыханіе, что̀ можно принять за законъ, который, впрочемъ, развился въ нашемъ языкѣ во времена историческія, болѣе къ намъ близкія: въ старыхъ русскихъ рукописяхъ не замѣтно такого постояннаго смягченія (напр., у Кирил. Туровск. XII ст.: *имѣаху*).

Юсы. § 8. Какъ въ русской азбукѣ уничтожено ѥ, такъ точно уничтожены и буквы, извѣстныя подъ названіемъ юсовъ: ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, которыя произносились какъ *у*, *ю*, *я*. Въ старо-славянскомъ языкѣ онѣ были носовыя полугласныя, т.-е. произносились въ носъ (какъ французск. *on*, *en*), гдѣ были слышны и *н* и *м* слитно съ предыдущею гласною. Въ санскритскомъ языкѣ носовые звуки являются въ древнѣйшую эпоху, слѣдовательно, можно полагать, что они существовали и въ славянскомъ при первомъ его образованіи, при отдѣленіи отъ языка старѣйшаго. Образованіе носовыхъ звуковъ во французскомъ языкѣ произошло уже во времена новоисторическія, слѣдовательно, въ эпоху гораздо позднѣйшую. Въ произношеніи славянскихъ юсовъ слышались два гласные звука *о* (ъ) и *е* (ь), и потому въ письмѣ ихъ должно было изображать различно: носовой звукъ съ *о* изобразился въ кирилловской азбукѣ черезъ ѫ, а носовой звукъ съ *е*—черезъ ѧ. Конечно, гласные *о*, *е* въ сочетаніи съ носовымъ элементомъ произносятся не совсѣмъ явственно и потому легко смѣшиваются, что̀ мы, дѣйствительно, безпрестанно встрѣчаемъ въ письменныхъ памятникахъ. Смягченіе звуковъ посредствомъ придыханія, свойственное славянскому языку, вызвало буквы ѭ и ѩ, которыя принимались преимущественно въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ. Съ теченіемъ времени носовые звуки стали исчезать во многимъ славянскихъ нарѣчіяхъ; теперь они существуютъ только въ языкѣ польскомъ; нѣкоторые остатки ихъ сохранились еще у словаковъ, хорутанъ и болгаръ. Въ русскомъ языкѣ

они совершенно исчезли, вмѣсто нихъ стали слышаться гласные *у* и *я*, изъ которыхъ первая замѣнила ѫ, а вторая—ѧ. Такимъ образомъ въ однихъ русскихъ словахъ гласные *у* и *я*—коренные, въ другихъ же происшедшіе изъ носовыхъ звуковъ, что необходимо различать при этимологическомъ изученіи языка; въ немъ встрѣчаемъ много такихъ фактовъ, которыхъ мы не могли бы объяснить, не зная свойства юсовъ; такъ, напр., имѣя въ виду, что въ словѣ *время* или *взять—я* юсовое, мы легко объясняемъ происхожденіе родительнаго падежа *времени* и формы *возьму*; здѣсь только возстановляются передъ гласными элементные звуки *н* и *м*, которые въ коренной формѣ пропали. Точно также, зная, что слово *мужъ* писалось юсомъ (*мѫжъ*), мы легко убѣждаемся, что оно, вмѣстѣ съ нѣм. Mensch, произошло отъ одного корня, или рус. *голѫбь* и лат. columba; рус. *пѧть* и греч. πέντε и мн. др. Легко можно объяснить происхожденіе словъ *яти* (брать) и *имать*, отъ одного корня. Въ послѣднемъ словѣ носовой звукъ (ѧ) обратился передъ гласною въ *ьм=им*. Такимъ образомъ, хотя *юсы* уничтожены въ письмѣ, или въ азбукѣ, но въ грамматикѣ они должны навсегда сохраняться для объясненія законовъ производства. Носовые звуки нерѣдко переходили и въ звукъ *ы: камы*—камень, *нѣсы*—несѫщій.

Примѣч. Переходъ носовыхъ звуковъ въ *у* замѣчается и въ другихъ языкахъ, напр., въ греч., λέγουσι вм. λέγοντι.

Глухіе гласные, или полугласные. § 9. Ослабленіе коренныхъ гласныхъ *а, и, у*, начавшееся въ образованіи *е, о*, развилось въ славянскомъ языкѣ еще далѣе. Гласные во многихъ случаяхъ стали произноситься короче и неопредѣленнѣе; ихъ, такъ сказать, стали скрадывать. Такимъ образомъ произошли два новые глухіе звука, означенные въ кирилловской азбукѣ начертаніями *ъ* и *ь*. Что первоначальное значеніе *ъ* и *ь* было гласное, доказывается древними рукописями, гдѣ обѣ буквы писались въ срединѣ словъ (*вълкъ*), (*дьнь*), теперь мы не можемъ тамъ иначе произнести ихъ, какъ звуками гласными. У болгаръ и понынѣ существуетъ этотъ звукъ не вполнѣ чистый и явственный, а неопредѣленный и скрадываемый. Въ сравненіи

съ родственными языками *ъ* и *ь* соотвѣтствуютъ тремъ гласнымъ коренныхъ звукамъ *а, и, у;* въ большей же части случаевъ тѣ славянскіе народы, которые не имѣютъ глухихъ звуковъ, вмѣсто *ъ* въ серединѣ слова употребляютъ *о*, вмѣсто *ь—е*. Сюда мы причисляемъ и русскихъ (*вълкъ—волкъ, дьнь—день*). Кромѣ того, въ нашемъ языкѣ есть соотвѣтствіе между *ь* и *и: и* передъ гласною нерѣдко сокращается въ *ь*, напр., *веселіе—веселье, любовію—любовью; ь* обнаруживаетъ свой сокращенный звукъ послѣ гласныхъ, обращаясь въ *и* краткое (*й*); *ъ* былъ звукъ твердый, *ь*—мягкій, подобно какъ *я, ю* и др. Этотъ послѣдній имѣетъ такое же вліяніе на измѣненіе согласныхъ звуковъ, какъ и придыхательные гласные, что мы увидимъ далѣе, поэтому мы отнесемъ его къ числу буквъ придыхательныхъ.

Современемъ *ъ* и *ь*, какъ звуки гласные, стали исчезать, или совсѣмъ дѣлаясь неслышными, или замѣняясь явственною гласною. При всемъ томъ они сохранили особенное значеніе въ нашемъ языкѣ и донынѣ удержались въ письмѣ. Смягченіе звуковъ, какъ мы сказали, проходитъ черезъ весь составъ русскаго языка; здѣсь случается смягченіе не только гласныхъ, но и согласныхъ; *ъ* и *ь*, сдѣлавшись нѣмыми знаками, явились указателями, какъ должно произносить согласную—твердо или мягко. На концѣ словъ скрадываніе гласнаго звука и обращеніе его въ *ъ* и *ь* составляютъ органическое свойство нашего языка и въ грамматическомъ построеніи отличаютъ его отъ прочихъ языковъ.

Въ рус. яз., равно какъ и въ другихъ индо-европейскихъ яз., весьма важенъ законъ измѣненія гласныхъ, состоящій въ усиленіи или подъемѣ ихъ. Усиленіе происходитъ черезъ перемѣну гласныхъ (преимущественно краткихъ на долгіе)—*ь* на *и: жьдати* (ц.-с.)—*ожидать, ъ* на *у: бъдѣти* (ц.-с.)—*будити*, на *ы, а, о: съпати*—(за) *сыпать, мръзнути* (ц.-с.), *мразь—морозъ, е* на *о: теку—токъ, о* на *а: творить—тварь, и* на *ѣ, ой—висѣть—вѣсить, пить—пой* (водопой), *у, ы* на *ов, ав: слыти (слути) слово, слава, ѧ* на *ѫ: трѧсти—трѫсъ, звенѣть—звонить.*

Полусогласные, или плавные. § 10. Переходъ отъ гласныхъ звуковъ къ согласнымъ составляютъ полусогласные

м, н, л, р, которые у насъ называются *плавными*. Плавные звуки, по своему происхожденію, весьма близки къ гласнымъ. Мы видѣли, какъ *м* и *н* составили носовые, обратившіеся у насъ въ *у* и *я*. Они весьма важны въ этимологіи, часто видоизмѣняя корни, то вставляясь, то исчезая, замѣняясь гласною.

Въ смыслѣ этимологическомъ *л* и *р* совершенно тожественны и безпрестанно смѣшиваются во всѣхъ языкахъ: у насъ, напр., вмѣсто *прорубь* говорятъ *пролубь*, изъ нѣм. Ritter образовалось старинное *лыцарь* вм. *рыцарь*; Februarius—*февраль* вмѣсто *феврарь* и др.

Согласные губные. § 11. Переходъ отъ полусогласныхъ къ согласнымъ составляетъ звукъ *м*. Будучи плавною буквою, *м* въ то же время и губная по органу произношенія. Мы видѣли, какъ носовой звукъ *м* переходитъ въ *у*; это же *у*, какъ губная гласная, твердѣетъ въ губахъ, не распространяясь далѣе, и производитъ согласный губной звукъ *в*. Близкое родство этихъ двухъ звуковъ доказываютъ почти всѣ языки. Измѣненіе *у* въ *в* безпрестанно видимъ въ латинскомъ языкѣ, гдѣ является и одинаковое начертаніе ихъ: Januarius, Augustus мы стали произносить *январь, августъ*, французы Janvier; изъ стариннаго слова *заутра* произошло наше *завтра*. Въ нарѣчіяхъ новгородскомъ и малорусскомъ *у* и *в* замѣняются одно другимъ: *учора, уторникъ, унукъ* (Нест.), *у городѣ* вмѣсто *вчера, вторникъ, внукъ, въ городѣ* или *вже, вмираю* вм. *уже, умираю*.

Другіе губные звуки *б, п, ф*.

Близкое родство *в* и *б* выказывается во многихъ языкахъ, гдѣ часто одно замѣняется другимъ: слова, взятыя нами у грековъ, *Авель, февраль*, соотвѣтствуютъ лат. Abel, Februarius.

Согласные звуки можно раздѣлить на *ясные (б, в, г, д)* и *глухіе (п, ф, к, т)*. Любовь къ благозвучію въ русскомъ языкѣ замѣчается въ стремленіи согласовать однохарактерные звуки, т.-е. ясные съ ясными, глухіе съ глухими. По этому стремленію *б* въ произношеніи у насъ обращается въ глухую губную *п* передъ глухими согласными звуками и передъ *ъ*, хотя въ письмѣ мы и не позволяемъ такого измѣненія; напр. *голубка, обходъ, зубъ* произносимъ *голупка, опходъ, зупъ*.

Подобно *б*, и *в* имѣетъ соотвѣтственную себѣ глухую губную въ *ф*. Этотъ звукъ не принадлежитъ къ первоначальнымъ согласнымъ славянскаго языка: онъ образовался у насъ какъ отвердѣлое *в*. Собственно онъ чуждъ славянскому языку, потому что не выказывается ни въ одномъ славянскомъ корнѣ: тамъ всѣ слова съ буквою *ф*—слова чуждаго происхожденія. Только русскій языкъ и то, судя по рукописямъ, во время недавнее, весьма полюбилъ *ф* изъ своего стремленія къ благозвучію. Передъ глухими согласными и передъ *ъ* въ выговорѣ *в* дѣлается глухимъ и обращается въ *ф*, напр., *лавка*, *ловъ*, *въ саду*, *въ тупикъ* произносятся *лафка*, *лофъ*, *ф-саду*, *ф-тупикъ*. Такимъ образомъ *ф* безпрестанно слышится въ нашихъ устахъ, но въ письмѣ встрѣчается изрѣдка, только въ немногихъ словахъ, потому что, кромѣ роли благозвучія, онъ у насъ не играетъ никакой роли въ этимологическомъ составѣ языка.

Губная придыхательная. § 12. Въ русскомъ языкѣ звукъ *в* часто не что иное, какъ губное придыханіе. Русское ухо послѣ гласной не терпитъ другой чистой гласной, не всегда также сноситъ чистый гласный звукъ въ началѣ слова; въ этихъ случаяхъ мы обыкновенно утончаемъ гласные звуки придыханіемъ: употребляемъ или придыханіе гортанное, которое сливается съ гласной въ одинъ звукъ, въ гласную придыхательную *(е, я, ю)*—*язъ*, *яко*, *армія* вм. *азъ*, *ако*, *арміа*, или придыханіе губное *в*, раздѣляя обѣ чистыя гласныя—*Ларивонъ*, *Родивонъ*, *Иванъ* вм. *Ларіонъ*, *Родіонъ*, *Іоаннъ;* также въ началѣ слова: *вострый*, *воспа*, *вотчина*, *восемь* вм. *острый*, *оспа*, *отчина*, *осемь*. Безъ этихъ придыханій въ срединѣ слова у насъ осталось немного словъ: напр., *паукъ*, *прибаутка*, *караулъ*, которыя, впрочемъ, въ устахъ у нѣкоторыхъ слышатся *павукъ*, *прибавутка*.

Родство губныхъ съ плавными. § 13. Тѣсное родство между губными и плавными звуками даетъ имъ возможность переходить взаимно изъ одного въ другой. Переходъ *в*, а по немъ и *у* въ *л* и обратно существуетъ во многихъ языкахъ, такъ, во франц. изъ général произошло généraux, изъ латинск.

falsus, mala составились faux, maux. Вмѣсто нашихъ словъ *волкъ, молнія*, сербы говорятъ: *вовкъ, муня*, малороссіяне также обращаютъ *л* въ *в*; у насъ *сочельникъ* вмѣсто *сочевникъ* (отъ сочево); въ народномъ говорѣ: *слободно*, вм. *свободно, пойло, пойво* и нѣк. др.

Губная *в* въ народномъ говорѣ нерѣдко измѣняется въ *м*, напр., *ѣвши* и *ѣмши*, *ходивши* и *ходимши*.

Благозвучіе плавныхъ *л* и *н*. § 14. Когда послѣ губныхъ звуковъ слѣдуетъ гласная придыхательная, тогда является слогъ какой-то разслабленный, котораго чуждается русское ухо, не находя въ немъ благозвучія. Здѣсь благозвучіе возстановляетъ буква *л*, вставляясь между гласною и согласною: *купить—куплю, купленный, рубить—рублю, корабль, земля* (земь) и др. Впрочемъ, нужно замѣтить, что это бываетъ не въ корнѣ слова, а въ окончаніи. Буква *я* въ качествѣ носовой сочетается съ губными безъ всякаго посредства *л*, напр., *время, любятъ, терпя* и проч., здѣсь *я*—юсовое (ен.). Слово *голубь* не принимаетъ *л*, такъ какъ *ь* здѣсь произошло изъ *и*, точно такъ же *глубь* и др. жен. на *ь*, соотвѣтствующее древнему окон. *и*.

Звукъ *н* съ древнѣйшихъ временъ употреблялся въ русскомъ языкѣ для благозвучія между предлогами и словами, начинающимися гласною, такъ, вм. *за имъ, отъять, заимать, взуздать, въушать, съискать*, говорятъ: *за нимъ, отнять, занимать, взнуздать, внушать, снискать*. Впрочемъ, нашъ современный языкъ не всегда прибѣгаетъ къ этому благозвучію; теперь говорятъ—*съѣдать, войду* вм. *снѣдать, вниду*.

Согласные гортанные, язычные и зубные. § 15. Къ чистымъ согласнымъ звукамъ еще принадлежатъ *гортанные, язычные* и *зубные*. Гортанные *г, к, х* имѣютъ между собою соотвѣтствіе. Буква *г* въ русскомъ языкѣ произносится двояко: иногда она приближается больше къ звуку *к* (соотвѣтствуя латинск. g) *врага, луга*, иногда къ звуку *х* (соотвѣтствуя латинск. h) *благо, Бога;* отъ того звукъ *г*, будучи яснымъ, передъ глухимъ *ъ* звучитъ то какъ *к*, то какъ *х: другъ* (друкъ), *лугъ* (лукъ), *Богъ* (Бохъ), *Петербургъ* (Петербурхъ) и др. У насъ есть цва слова,

въ которыхъ коренная буква *к* превратилась въ письмѣ въ *г*, а въ произношеніи въ *х*: *гдѣ* (хдѣ) изъ *кдѣ* (см. въ древнихъ рукопис.) и *мягкій* (мяхкій) изъ *мяккій* (мякоть).

Въ старо-русскомъ языкѣ гортанные звуки не терпѣли послѣ себя *и* и придыхательныхъ гласныхъ и весьма удобно сочетались съ твердою *ы*: *Кыевъ, хытить;* въ современномъ же языкѣ наоборотъ: *ы* сдѣлалось неудобопроизносимою послѣ гортанныхъ и постоянно переходитъ въ *и*.

Къ разряду язычныхъ согласныхъ принадлежатъ два звука: ясный *д* и глухой *т*. Въ русскомъ языкѣ между гортанною *к* и язычною *т* замѣчается соотвѣтствіе; первая нерѣдко измѣняется во вторую передъ гласными *и, е, ѣ*, напр., *паукъ—паутина, искать—истецъ, блескъ—блестѣть, Евдокія—Авдотья;* въ старо-рус. изъ *человѣческый—человѣчестіи*. Мы можемъ также представить нѣсколько примѣровъ, гдѣ *г* смягчается въ *д;* изъ нѣмец. Krengel составилось рус. *крендель;* слово *ангелъ* въ народномъ говорѣ иногда слышится *анделъ;* въ лѣтописяхъ вмѣсто *Гюрги* (Георгій) иногда встрѣчается *Дюрги*.

Язычныя *д* и *т* въ русскомъ говорѣ иногда являются какъ придыханія къ *р* и *к*, напр., *страмъ, стрѣтить, Индрикъ* вмѣсто *срамъ, срѣтить, Генрихъ*. Въ польскомъ и чешскомъ языкахъ звукъ *д* весьма часто появляется передъ *л*: *модлитва* (молитва), *радло* (рало), *мыдло* (мыло).

Зубные звуки *з, ц, с* въ большомъ соотвѣтствіи съ гортанными, которые нерѣдко въ нихъ измѣняются по вліянію гласнаго придыхательнаго. Въ ц.-слав. и въ старо-рус. яз. измѣненіе это было постоянно передъ *и* и *ѣ*: *г* измѣнялось въ *з*: *другъ—друзи—друзѣхъ, к* въ *ц*: *внукъ—внуци—внуцѣхъ, х* въ *с*: *духъ—дуси—дусѣхъ. З* передъ глухими согласными и *ъ* звучитъ въ произношеніи, какъ *с*: *глазъ* (гласъ) и наоборотъ *с* передъ ясными произносится, какъ *з*: *сдѣлать* (здѣлать), *просьба* (прозьба). Въ письмѣ *с* перешло въ *з* въ словѣ *здѣсь* изъ *сдѣ* (см. стар. рукоп.).

Согласные придыхательные, или шипящіе. § 16. Позднѣйшее образованіе принадлежитъ согласнымъ звукамъ *ж, ч, ш*, которые можно назвать *придыхательными;* они суще-

ствуютъ не во всѣхъ языкахъ и составились изъ чистыхъ согласныхъ съ помощью зубного придыханія. Такимъ образомъ, эти звуки ближе всего къ зубнымъ; въ нѣкоторыхъ грамматикахъ они и причисляются къ разряду зубныхъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь между *з* и *ж*, *ц* и *ч*, *с* и *ш* слышится звуковое родство. Ребенокъ, начиная говорить, вмѣсто *ж, ч, ш* употребляетъ *з, ц, с*. Въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ они часто замѣняютъ другъ друга. Къ нимъ принадлежитъ и сложный звукъ *щ*, сложившійся изъ звуковъ *сч* и *шт*. Замѣчательно, что этотъ звукъ распространенъ особенно въ ц.-слав. языкѣ; въ русскомъ же ему соотвѣтствуетъ *ч* (въ польск. *ц*); такъ, напр., *т* въ ц.-слав. измѣняется въ *щ*, въ рус. въ *ч; свѣтить* ц.-с. *свѣща*, рус. *свѣча*.

Д смягчается въ ц.-слав. въ *жд—видѣти—вижду*, въ рус. въ *ж: вижу* (въ польск. *дз*). Впрочемъ, есть слова, оставшіяся безъ смягченія: *господь, господство, будь*. Это зависитъ отъ свойства самого *ь*, которое здѣсь происходитъ изъ *и*.

Гортанные звуки, смягчаясь въ *з, ц, с*, переходятъ и на вторую степень смягченія передъ придыхательными *е* и *ь*, т.-е въ придыхательные *ж, ч, ш*, напр., *другъ—друже*, *дружескій*, *внукъ—внучекъ*, *духъ—душе* (стар. зв. пад.).

Вотъ таблица перехода согласныхъ звуковъ:

г	д	з	ж
к	т	ц	ч
х	—	с	ш

Примѣч. 1. Это измѣненіе замѣтно и въ другихъ языкахъ, хотя и не въ такой степени, какъ въ славянскихъ. Такъ, греч. *к* въ латинск. измѣняется въ *ц* (κύκλος—ciclus); латин. *ц* (c) въ итальян. передъ тонкими *i, e*, въ ч (cicero произносится *чичеро*), латин. g (г) во францув. передъ *i, e* въ g (ж), въ итальянс. въ *дж* (л. gens, ф. gents, ит. gente—дженте), или лат. *д*, фр. j, ит. g (дж.)—лат. diurna, ф. journée, ит. giorno; t передъ *i* произносится какъ *ц*.

Современный русскій языкъ нѣсколько удалился отъ старославянскаго въ измѣненіи звуковъ. У насъ гортанные уже не имѣютъ постоянно двухъ степеней измѣненія; въ язычные передъ *и* и *ѣ* и въ придыхательные передъ *е* и *ь*, но прямо пе-

реходятъ въ послѣдніе. Они стали при себѣ въ окончаніи терпѣть гласные *и* и *ѣ*; поэтому при встрѣчѣ съ ними не измѣняются въ соотвѣтствующіе зубные, а остаются безъ всякаго измѣненія; мы говоримъ *боги*, а не *бози, о полкѣ*, а не *о полцѣ*. Иногда, впрочемъ, они переходятъ въ придыхательные, напр., *дружить* (другъ), *сушить* (сухъ). Какъ остатокъ стараго измѣненія представляютъ намъ слова: *друзья (друзіе)* отъ *другъ*, *осязать* (сягать), *воздвизать* (двигать), *порицать* (реку), *зерцало*, *созерцать* (зракъ), *проницать* (никну) и др.

Придыхательные согласные не терпятъ послѣ себя придыхательныхъ гласныхъ, а тотчасъ обращаютъ ихъ въ чистые: *ѣ* здѣсь обращается въ *а*. Въ старо-русс. яз. было наоборотъ: писали *ножь*, *мѣчь*, *грѣшю*, *мажю*, что было правильнѣе, потому что *ж*, *ч*, *ш* образовались изъ чистыхъ согласныхъ при встрѣчѣ съ придыхательными гласными, которые и должны были бы при нихъ остаться; но въ современномъ языкѣ они твердѣютъ въ произношеніи и такими переходятъ въ письмо; здѣсь мы исключаемъ только слова женскаго рода на *ь*, потому что *ъ* не приличенъ этому роду: *мышь*, *сѣчь* и проч.

Примѣч. 2. Въ говорѣ согласные звуки, подобно гласнымъ, иногда принимаютъ самое легкое утонченіе, котораго мы не выражаемъ въ письмѣ, такъ, напр., *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *медвѣдь*, *хлѣбникъ*, *гвозди*, *пѣсня* произносимъ: *привѣтьствіе*, *бѣдьствіе*, *медьвѣдь*, *хлѣбьникъ*, *гвозьди*, *пѣсьня*. Такое утонченіе происходитъ по требованію благозвучія отъ слѣдующаго мягкаго слога. Совсѣмъ иначе звучатъ тѣ же буквы въ словахъ *привѣтный*, *бѣдный*, *хлѣбный*, *гвоздокъ*; здѣсь онѣ не имѣютъ утонченія, потому что слѣдующій слогъ звучитъ твердо (см. статью профес. Грота: «Особенности звуковъ русскаго языка», въ журн. Мин. Нар. Просв. LXXIV т.).

Сочетаніе звуковъ. § 17. Не всѣ и согласные звуки могутъ сочетаться между собою. Самые удобные для сочетанія во всѣхъ языкахъ являются звуки плавные, которые сообщаютъ легкость и звучность слову. Они удобно сочетаются не только со всѣми другими согласными, но и между собою (напр., *мракъ*, *нравъ*, *много*). Впрочемъ, передъ *н* часто выпадаютъ губныя, язычныя и гортанныя *г*, *к*: *вянуть* (вяд), *свиснуть* (свист), *глянуть* (гляд), *тонуть* (тон), *двинуть* (двиг), *тиснуть* (тиск).

Другіе же согласные *одноименные* сочетаются съ большимъ трудомъ: ни губные съ губными, ни язычные съ язычными и пр. При случайной же ихъ встрѣчѣ въ старо-рус. яз. одинъ изъ нихъ скрывался; такимъ образомъ составились слова: *облако*, *ободъ*, вм. *обвлако* (влачить), *обводъ* и др. Въ современномъ языкѣ при встрѣчѣ съ предлогами не соблюдается этотъ законъ: у насъ говорятъ *обводный* каналъ.

Кромѣ плавныхъ, удобные для сочетанія съ согласными являются *в* и *с*. Стеченіе трехъ, четырехъ и пяти согласныхъ передъ гласною въ русскомъ языкѣ возможно только тогда, когда въ числѣ ихъ будутъ упомянутые звуки: съ ними мы можемъ легко произносить слова, какъ, напр., *встрѣча*, *вскрыть*, *къ вскрытію* и др.

Въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ, труднаго для выговора и непріятнаго для слуха, у насъ есть средство облегчить выговоръ и удержать надлежащую плавность слоговъ.

1) Главное средство есть употребленіе *бѣглыхъ гласныхъ*, которые не имѣютъ существеннаго значенія, какъ звуки *постоянные*, принадлежащіе или корню слова, или служащіе отличіемъ какой-нибудь грамматической его формы. Бѣглые звуки являются въ словѣ единственно для облегченія выговора, и тотчасъ исчезаютъ, какъ скоро и безъ нихъ можно легко произнести слогъ; отъ того они и названы *бѣглыми;* напр., въ словахъ *овецъ*, *сестеръ* буква *е* бѣглая и не принадлежитъ корню:— *сестра*, *овца*, равно какъ и въ словѣ *отецъ* *е* не есть коренная, а бѣглая, потому и выбрасывается въ косвенныхъ падежахъ (отца, отцу). Въ старыхъ рукописяхъ на мѣстѣ бѣглыхъ гласныхъ постоянно встрѣчаются *ъ* и *ь*. Бѣглыми буквами бываютъ *о* и *е*: *игоръ*, *ядеръ*, *оконъ*. Буква же *ѣ* никогда не бываетъ бѣглою. Бѣглымъ гласнымъ обыкновенное мѣсто въ срединѣ словъ, въ началѣ же и въ концѣ онѣ появляются весьма рѣдко, какъ, напр., *оржаной* (простонар.) вм. *ржаной;* *со*, *во* вм. *съ*, *въ*.

2) Ни одинъ языкъ не любитъ стеченія гласныхъ и старается избѣгать его тѣмъ, что скрытно или явно вставляетъ между гласными придыханіе или согласный звукъ. У грековъ

на этотъ случай была буква, называемая *дигамма*, которая въ латинск. языкѣ замѣнена f, v, s, r. Въ русскомъ языкѣ, какъ мы уже говорили, по большей части вторая гласная обращается въ соотвѣтствующую придыхательную. Но бываютъ случаи, когда нужно сохранить обѣ гласныя чистыми, тогда употребляютъ согласныя придыхательныя, по большей части *в* и *х*: *давать*, *одѣвать* (ц.-с. даяти, одѣяти), *знахарь* (вм. знаарь отъ знать) *слухъ*, *духъ* (отъ *слыть*, *дуть*), жхати (благоухать, отъ *ан* съ придыхан. *в*—вонь)—дуть.

Примѣч. Въ качествѣ придыханія въ началѣ словъ является иногда и *г*, напр. въ словахъ *годъ*, *гора*, *гнѣздо*, *грабить*, которыхъ чистые корни представляются въ словахъ: греч. ἔτος, ὄρος, латин. nidus., нѣм. Nest., латин. rapio.

3) При соединеніи гласныхъ въ языкѣ наблюдаютъ также *уподобленіе* (Граммат. Буслаева, часть I, стр. 49):

«Если стоятъ рядомъ два гласные звука, различные по выговору, то одинъ изъ нихъ или вполнѣ измѣняется въ другой, или къ нему приноровляется: въ первомъ случаѣ уподобленіе бываетъ полное, во второмъ—неполное. Примѣръ полнаго оказывается въ предложномъ падежѣ единственнаго числа существительныхъ, оканчивающихся на *й* и *е* съ предшествующимъ *і*, и въ дательномъ и предложномъ именъ на *я*, съ предшествующимъ *і*, напр., *о Василіи*, *во мнѣніи*, *Софіи*, *на линіи* (вм. *о Василіѣ*, *во мнѣніѣ*, *Софіѣ*, *на линіѣ*). Потому и въ правописаніи такія слова отступаютъ отъ общаго правила, по которому предложный и дательный падежъ оканчиваются на *ѣ*. Если звукъ *і*, предшествующій звукамъ *й*, *я*, *е*, переходитъ въ *ь*, то уподобленіе становится ненужнымъ; тогда въ дательномъ и предложномъ падежахъ, вмѣсто *и*, оказывается первоначальный *ѣ*, напр. *Софья*, *Софьѣ*, *о Софьѣ*. Въ именахъ, оканчивающихся на *е*, слышится *ѣ* явственно, когда на этомъ послѣднемъ звукѣ стоитъ удареніе, напр.. *о житьѣ*, безъ ударенія же *ѣ* смѣшивается съ *и*, какъ въ выговорѣ, такъ и на письмѣ, напр., *на ученьи* и *на ученьѣ*.

«Неполное уподобленіе оказывается въ переходѣ мягкихъ *я*, *ь*, *й* и друг. въ *е*, и твердыхъ *а*, *ъ* и друг. въ *о*; напр., *пут-ь*—*пут-е-мъ*, *дом-ъ*—*дом-о-мъ*, *вой*—*во-и-нъ*, *во-е-вать*, *мудръ*—

мудр-о-вать, ц.-с. сь *(сей)—с-е-го, с-е-му* и проч.: ц.-с. тъ *(тотъ) т-о-го, т-о-му* и проч.; въ словахъ сложныхъ, напр., *пут-е-шествіе*, при словѣ *пут-ь; вод-о-падъ*, при словѣ *вод-а*. Отступленіе отъ этого закона замѣчается въ сложныхъ: *кро-в-о-пролитіе*, вм. *кров-е-пролитіе, чест-о-любіе*, при словахъ: *кров-ь, чест-ь*.

«Важнѣйшій случай уподобленія полнаго оказывается въ церковно-славянскомъ склоненіи именъ прилагательныхъ, состоящемъ въ приставкѣ мѣстоименія и, ѩ, ѥ, родит. ѥго, дат. ѥмоу и проч., къ краткимъ окончаніямъ прилагательныхъ. Вмѣсто нова-ѥго, ново-ѥмоу, обыкновенно употребляются въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ формы, образовавшіяся чрезъ уподобленіе гласныхъ: нова-аго, новоу-оумоу и проч.; но встрѣчаются и въ древнѣйшемъ видѣ, то-есть безъ уподобленія; напр., въ Супр. рук. осѫжденоу-ѥмоу *(осужденному)*, въ болгарскомъ Паремѣйникѣ XII в.: тверда-єго *(твердаго)*, крѣпка-єго *(крѣпкаго)* и друг.».

4) Иногда въ произношеніи и даже въ письмѣ выпускается одна изъ согласныхъ буквъ, напр., *семь* вм. *седмь*, *полтора* вм. *полвтора*, *обычай* вм. *обвычай*; *велъ, палъ, ѣлъ* вм. *ведлъ, падлъ, ѣдлъ*, говорятъ *сонце, чесный* вм. *солнце, честный* или *подвячій* вм. *поддьячій* (отъ сл. дьякъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Словообразованіе.

Какъ составляются названія предметовъ и явленій. § 18. Народъ не безсмысленно соединяетъ звуки въ слова для выраженія извѣстнаго явленія или предмета, но составляетъ слова по впечатлѣнію, какое производитъ явленіе или предметъ на его чувства; такъ, напр., *чернецъ, черника, голубика, свѣтлица, свѣтлякъ, горница, вершина* выражаютъ впечатлѣніе отъ цвѣта, свѣта, положенія. Такія слова всегда живописны, потому что намъ рисуютъ предметъ, выказывая его главное свойство или

качество, которымъ онъ сильнѣе всего поражаетъ. Но разбирая слова въ языкѣ, мы видимъ, что не всѣ изъ нихъ намъ выражаютъ впечатлѣніе, многія лишь отвлеченно представляютъ предметъ, не рисуя его, а только напоминая о немъ. Съ другой стороны, сравнивая языки, находимъ, что нѣкоторые предметы во многихъ языкахъ выражаются одними и тѣми же или очень сходными звуками (*море*, лат. mare, нѣм. Meer; *мереть*, лат. morire; *матерь*, лат. mater, нѣм. Mutter, перс. Мадеръ; лат. pater, нѣм. Vater, рус. батя *); *братъ*, лат. frater, нѣм. Bruder, перс. берадеръ; *сестра*, швед. sister, *дочь* (дочерь), нѣм. Tochter, перс. духтеръ и мн. др. Другіе же, напротивъ, имѣютъ весьма различныя названія.

Точно также представляются и нѣкоторыя грамматическія формы, сходныя въ индо-европейскихъ языкахъ. Изъ всего этого заключаютъ, что, прежде чѣмъ предки индійцевъ, персіянъ распространились на югъ, а предводители греческихъ, латинскихъ, кельтскихъ, тевтонскихъ и славянскихъ колоній двинулись къ берегамъ Европы, существовало незначительное племя, какъ догадываются, на самой возвышенной части Средней Азіи, говорившее языкомъ ни санскритскимъ, ни греческимъ, ни германскимъ, но содержавшимъ діалектическіе зачатки всѣхъ этихъ языковъ. Его называютъ арійскимъ племенемъ. Оно имѣло уже земледѣльческую цивилизацію, признавало кровныя связи, считало священными узы брака и призывало съ небесъ Бога тѣмъ же именемъ, которое и теперь еще можно слышать во многихъ храмахъ языческихъ и христіанскихъ. Наконецъ, изъ этого первобытнаго языка начали выдѣляться вѣтви: онѣ, унося съ собою корни и слова, стали развиваться отдѣльно. Вотъ отчего во всѣхъ упомянутыхъ языкахъ мы находимъ много одинакихъ словъ, словъ по большей части первой потребности: это ихъ общее наслѣдіе. Съ теченіемъ времени значеніе корней забылось, слѣдовательно, исчезло и выраженіе впечатлѣнія отъ предметовъ: слова, прежде живописныя, сдѣлались однимъ названіемъ предметовъ, обратившись въ простые звуки. Каждый языкъ, какъ мы сказали, сталъ развиваться

*) *Отецъ* во фризскомъ языкѣ *oti* и *täte*, равносильное нашему *тятя*.

отдѣльно, въ каждомъ явилась потребность въ новыхъ словахъ при встрѣчѣ народа съ новыми явленіями и предметами; у каждаго явились уже свои слова, звучащія различно, хотя всѣ они составились по одному способу—по впечатлѣнію на чувства; но впечатлѣнія были различны: одинъ и тотъ же предметъ привлекалъ вниманіе каждаго народа своей особенной стороной.

Иногда одинъ и тотъ же предметъ получалъ для себя два и даже много названій, потому что производилъ разное впечатлѣніе двумя или нѣсколькими сторонами, напр., *инокъ* и *чернецъ*, въ первомъ случаѣ—своимъ уединеніемъ (*инъ—одинъ*), во второмъ—цвѣтомъ платья. Вотъ начало словъ *синонимическихъ*. Изобиліе синонимовъ особенно представляется при началѣ развитія языка. Молодой народъ живо принимаетъ всѣ впечатлѣнія и сообразно съ ними даетъ названіе предмету. Достаточно одного какого-либо признака, казавшагося особенно характеристическимъ наблюдательному уму, чтобъ было произведено новое названіе. Солнце, напр., могло быть названо свѣтомъ, теплотою, золотымъ, предохранителемъ, разрушителемъ, волкомъ, львомъ, небеснымъ глазомъ, отцомъ свѣта и жизни, и получить болѣе двадцати другихъ именъ, какъ встрѣчаемъ въ санскритскомъ языкѣ. Или тамъ же попадается *одиннадцать* названій для свѣта, *пятнадцать* для облака, *двадцать* для мѣсяца, *двадцать шесть* для змѣи, *тридцать три* для убійцы, *тридцать пять* для огня. Вслѣдствіе такого обилія синонимическихъ словъ въ языкѣ, является между ними *борьба за существованіе*, какъ въ природѣ между родами животныхъ, сильными и менѣе сильными. Она ведетъ къ уничтоженію менѣе сильныхъ, менѣе удачныхъ словъ и оканчивается торжествомъ *одного* признаннаго и приличнаго имени для каждаго предмета въ каждомъ языкѣ. Такъ, напр., изъ четырехъ словъ *инокъ*, *чернецъ*, *отшельникъ*, *монахъ*, у насъ осталось въ употребленіи послѣднее. Изъ двухъ словъ *конь* и *лошадь* послѣднее вытѣсняетъ первое. Или нѣкоторыя слова народныя вытѣснены въ литературномъ діалектѣ церковно-славянскими, какъ, напр., нравъ—норовъ, мракъ—морокъ, пещера—печора.

Если въ первоначальномъ языкѣ было весьма большое число

синонимовъ, то очень понятно, что греки могли удержать одно названіе, римляне другое, славяне третье и пр., и, слѣдственно, языки, происшедшіе изъ одного источника, со временемъ могли развить совершенно различную номенклатуру даже для самыхъ обыкновенныхъ предметовъ.

Хотя иногда одинъ и тотъ же предметъ въ разныхъ языкахъ и носитъ разныя названія, но если разобрать ихъ происхожденіе, то окажется, что они составились по одному и тому же впечатлѣнію, такъ, напр., *душа* отъ слова *дуть*, *дышать* и латин. *anima* отъ корня *an*, означающаго также *дуть*; отъ него же составилось греческое ἄνεμος (anemos) и санскрит. anila, что значитъ *вѣтеръ*, точно такъ же, какъ наше слово *вѣтеръ* отъ *вѣять*, равносильнаго *дуть*. Въ англійскомъ и готтскомъ языкахъ душа (soul, saivala) получила названіе уже по другому впечатлѣнію. Оно произошло отъ корня siv—колебаться. Слѣдовательно, тевтонскія племена представляли себѣ душу, какъ море, находящееся внутри человѣка, поднимающееся и опускающееся съ каждымъ вздохомъ и отражающее небеса и землю въ своемъ зеркалѣ *).

Такимъ образомъ, отыскивая корни, можно узнать, почему предметъ получилъ такое-то названіе. Такъ, мы узнаемъ, что *мѣсяцъ* (mensis, Mond) значитъ измѣритель, *солнце* (sol, Sonne) родитель, мужъ, мѫжъ, нѣм. Mensch и Mann отъ одного корня (man—думать) мыслитель; латинск. homo, франц. homme отъ корня *humus* земля—сдѣланный изъ земли; *работа* отъ корн. *ar* (нѣм. Arbeit) пахать, слѣдственно, *паханіе*, трудъ спеціальный надъ землею; это—первоначальное значеніе слова, которое мало-по-малу стало выражать вообще всякій трудъ. Отъ этого же корня *рабъ*—пашущій, уменьшительное *рабенокъ* или *ребенокъ*.

Иногда вслѣдствіе фонетическаго искаженія или измѣненія слова не вдругъ можно найти корень, хотя онъ и существуетъ въ языкѣ, какъ, напр., *жертва, жерло* отъ корня *горѣть* (обыкновенное измѣненіе *г* въ *ж)*, отсюда же слово *горло*, уподобляющееся *жерлу*, отсюда и слово *жрать*; отъ *горла* — *ожерелье* (*г* измѣн. въ *ж*). Или слово *колодецъ*, *кладязь* отъ корня *холодъ*,

*) Лекціи М. Миллера.

хладъ (смѣшеніе звуковъ *к* и *х*, какъ *хрестьянинъ*—крестьянинъ, пасха—паска, крестъ—хрестъ, хороводъ—короводъ и пр.); точно такъ, какъ *студенецъ* отъ *студеный* (холодный), или готтское kalding (колодецъ) отъ kald (холодъ).

Иногда слово теряетъ свое первоначальное значеніе и по какой-либо аналогіи принимаетъ другое, тогда вмѣсто него является новое съ первымъ значеніемъ. Такъ, напр., слово *чинъ*, принявъ значеніе оффиціальнаго отличія, замѣнилось словомъ *порядокъ;* но производныя отъ него сохранили первоначальное значеніе, *чинно* (въ порядкѣ), *чинить* (приводить въ порядокъ), *сочинять* (приводить въ порядокъ или въ одно цѣлое нѣсколько мыслей). Или французское le pasteur, происходя отъ латинскаго pastor (пастухъ), стало означать священника, какъ наше—*пастырь*, тогда вмѣсто него явилось слово berger отъ berbex баранъ.

Нерѣдко въ языкѣ усваиваются слова иностранныя вмѣстѣ съ предметами, которые первоначально привозятся изъ чужой земли. Такъ, въ русскій языкъ въ древнѣйшія времена, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Персіею, перешли персидскія слова: *шолкъ*, *парча*, *чемоданъ*, названія драгоцѣнныхъ камней: *яхонтъ*, *сапфиръ*, *бирюза*, *алмазъ* (арабск.), также *жемчугъ;* съ принятіемъ христіанства перешло много словъ греческихъ вмѣстѣ съ церковными предметами: *діаконъ*, *архіерей*, *монахъ* и др.; во время татарскаго ига много словъ отъ татаръ: *армякъ*, *кафтанъ*, *кушакъ*, *балыкъ*, *казна* (араб.), *харчъ* (перс.), *изъянъ* (персид.), *лошадь* и др.; съ эпохи преобразованія стало входить довольно словъ изъ европейскихъ языковъ.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ составилось нѣсколько словъ по образцу иностранныхъ, отчего въ свое время они встрѣчали осужденіе со стороны нѣкоторыхъ писателей, заботившихся о чистотѣ языка. Такіе *неологизмы* казались имъ дикими. Такъ, напр., Сумароковъ нападалъ на слова *предметъ* (subjectum), *преслѣдовать*, *обнародовать*, называя ихъ странными изображеніями и безобразными реченіями *). Или Шишковъ осуждалъ Карамзина за употребленіе новыхъ словъ: *будущность*,

*) О правописаніи ч. X. «Не знаю только, прибавляетъ онъ, будутъ ли наши потомки сіи странныя изображенія употреблять. Будутъ къ порчѣ

вліяніе (influence), *переворотъ* (révolte), *развитіе* (développement), *утонченный* (raffiné), *сосредоточить* (concentrer), *трогательно* (touchant), *занимательно* (interessant) *). Но употребленіе узаконило въ языкѣ эти слова, безъ которыхъ теперь мы не можемъ и обойтись.

Какъ одинъ предметъ или одно явленіе можетъ поразить насъ нѣсколькими своими сторонами, конечно, въ разное время, и, слѣдственно, будетъ производить и разныя впечатлѣнія, а по нимъ вызывать и разныя названія, т.-е. *синонимы* (хитрый-лукавый, путь-дорога), точно также и нѣсколько предметовъ и явленій могутъ произвести одно и то же впечатлѣніе, а, слѣдственно, удержать за собою одно и то же названіе, отсюда являются въ языкѣ *омонимы*, т.-е. однозвучныя слова съ разнымъ значеніемъ, напр., *листъ*—на деревѣ, *листъ* бумаги, *листъ* желѣзный, *труба* печная, *труба*—музыкальный инструментъ, *труба* уличная и пр.

Одинаковость впечатлѣній сближаетъ въ человѣкѣ его внутренній міръ, все, что творится въ немъ самомъ, съ міромъ внѣшнимъ, его окружающимъ, указываетъ сходство нѣкоторыхъ сторонъ ихъ, и такимъ образомъ одно явленіе какъ бы опирается на другое. При этомъ сближеніи слова изъ внѣшняго міра переходятъ въ нравственный, вслѣдствіе какой-нибудь одной общей стороны сравниваемыхъ явленій изъ того и другого міра. Слово, оставляя свое собственное значеніе, принимаетъ другое, которое и называется *переноснымъ*, или *метафорическимъ*. Слѣдственно, чувственное значеніе словъ древнѣе значенія нравственнаго; такъ, напримѣръ, слово *коловратный* прежде означало *вертящійся колесомъ*, мало-по-малу перешло въ значеніе нравственное—*перемѣнчивый*; слово *хитрый*, происходя отъ главнаго *хитить* (корен. *хыт*)—*хватать*, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе *скораго*, *быстраго*, а у насъ въ старину означало *искусный* (хитрой работы); точно также какъ *лукавый*, происходя отъ *лукъ* (лучить-гнуть), прежде могло означать *изгибистый*, извилистый (у Даніила Паломника: *рѣка*

языка, ежели безграмотные писцы не перестанутъ марать бумаги, ибо древность и безобразныя реченія благообразными дѣлаетъ».

*) Разсужденіе о старомъ и новомъ словѣ.

лукава); теперь же оба слова означаютъ извѣстныя свойства души. Еще не такъ давно слова *благородный* и *подлый* (отъ предл. *подъ*) означали происхожденіе—*дворянинъ* и *недворянинъ*, и послѣднее не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго и браннаго, въ наше время они приняли значеніе нравственное и стали выражать душевныя качества каждаго человѣка. Равнымъ образомъ, слово *низкій* употребляется въ значеніи чувственномъ (низменный, не высокій) и въ нравственномъ (дурныхъ свойствъ) *).

Такимъ образомъ *аналогія* есть другой важный способъ, по которому даются названія понятіямъ. Этотъ способъ употребляется не только для выраженія отвлеченныхъ понятій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для чувственныхъ. Такъ, та часть сапога или башмака, которою ступаютъ, называется *подошвою* (отъ сл. *шить, шовъ*). Это есть собственное, первоначальное значеніе слова, но по аналогіи оно стало означать и *ступню,* т.-е. ту часть ноги человѣка, которою онъ ступаетъ;

---

*) «Всѣ языки представляютъ подобные же факты съ большей или меньшей степенью очевидности, смотря по тому, насколько удалились они уже отъ первобытнаго своего состоянія. Такъ, во франц. языкѣ слова penchant, aversion, inclination и множество другихъ выражаютъ душевныя состоянія, посредствомъ различныхъ положеній тѣла. Эти столь смѣлые переходы идей, основанные на самыхъ тончайшихъ аналогіяхъ, приводятъ насъ въ крайнее изумленіе. Нужно признать въ первыхъ говорившихъ особенное чутье природы, придававшее всему значеніе, видѣвшее душу въ мірѣ внѣшнемъ и внѣшній міръ въ душѣ. Считать чувственное состояніе, въ которомъ жили творцы языка, грубымъ матерьялизмомъ, непонимающимъ и нечувствующимъ ничего, кромѣ тѣла, значитъ впасть въ громадное заблужденіе. То была, напротивъ, высокая гармонія, благодаря которой человѣкъ видѣлъ одинъ міръ въ другомъ, выражалъ одинъ помощью другого, оба міра были раскрыты передъ нимъ. Такая параллель между міромъ физическимъ и міромъ интеллектуальнымъ составляла отличительную черту первыхъ возрастовъ человѣчества. Въ ней объясненіе тѣхъ символовъ, посредствомъ которыхъ законы, управляющіе развитіемъ языка, перенесены въ область религіозныхъ предметовъ; въ ней объясненіе того идеологическаго письма, дающаго мысли извѣстный физическій образъ и примѣняющаго къ письменному воспроизведенію идей тотъ же принципъ, который руководитъ воспроизведеніемъ идей помощью звуковъ». (О происхожденіи языка Эрн. Ренана).

по аналогіи же со ступнею, стала называться *подошвою* и самая низкая часть горы, какъ у французовъ она называется pied de montagne по аналогіи съ ногою. Названіе *подушки* произошло отъ того, что она подкладывается *подъ ухо;* но теперь оно употребляется для обозначенія и такихъ предметовъ, которые не имѣютъ этого значенія, какъ, напр., подушки въ электрической машинѣ. Здѣсь сходство во внѣшнемъ видѣ было источникомъ метафоры.

Изъ всего этого видно, какимъ образомъ въ языкѣ произошли *тропы*. На нихъ поэтому нельзя смотрѣть, какъ на роскошь языка или какъ на простое, придуманное украшеніе; нѣтъ, они, напротивъ, прямо вытекаютъ изъ самой природы мыслящаго человѣка или изъ разнообразныхъ отношеній его мысли ко всему окружающему міру. Въ языкѣ каждаго народа есть свои особенные народные тропы, которые большею частью совсѣмъ невозможно передать тѣми же словами на другомъ языкѣ. Это происходитъ отъ того, что у каждаго народа есть своя точка зрѣнія, при сближеніи разнородныхъ предметовъ и понятій.

Въ заключеніе спросимъ, какія названія въ языкѣ образовались прежде: имена собственныя—отдѣльныхъ предметовъ, индивидуальныхъ понятій, или имена нарицательныя—понятій видовыхъ и родовыхъ?

Этотъ вопросъ разрѣшается такимъ образомъ: всѣ имена существительныя выражаютъ первоначально одинъ изъ многихъ признаковъ, которымъ предметъ поражаетъ насъ особенно, и этотъ признакъ, выражаетъ онъ качество или дѣйствіе, есть непремѣнно общее понятіе. Такъ, чтобъ назвать первый городъ *городомъ*, нужно было, чтобы уже существовало общее понятіе объ *огораживаньи*, которое выразилось въ корнѣ *град*. Какъ могъ явиться этотъ корень, наука не въ состояніи объяснить; она только доискалась, что каждый корень первоначально выражаетъ качество или дѣйствіе, т.-е. признаки, общіе многимъ предметамъ. Лишь только явился корень, какъ названіе для того или другого предмета уже готово. Первый городъ, какъ просто огороженное мѣсто, далъ потомъ названіе всѣмъ другимъ городамъ по аналогіи. Незначительныя различія между ними здѣсь легко упускались изъ виду,

и первое имя становилось все болѣе и болѣе общимъ съ каждымъ новымъ предметомъ, къ которому оно примѣнялось. Затѣмъ уже не всякое огороженное мѣсто стало называться городомъ, а только мѣсто, пользующееся извѣстными правами и съ извѣстною обстановкою жизни. Отсюда это нарицательное названіе опять можетъ перейти въ имя собственное. Такъ, въ Москвѣ та часть, гдѣ преимущественно сосредоточивается торговая дѣятельность, называется *городомъ* вмѣсто собственнаго имени. Латинское имя urbs сначала принадлежало только древнему Риму, а потомъ стало нарицательнымъ именемъ всѣхъ городовъ. *Палатинскій* холмъ въ Римѣ далъ названіе дворцу, который былъ на немъ построенъ. Это же названіе съ теченіемъ времени распространилось и на всѣ дворцы—palaces, palais, palazzo *). Отсюда и наше нарицательное имя *палата, палаты* въ смыслѣ большихъ роскошныхъ комнатъ, и потомъ уменьшительное *палатка*. Произнося это послѣднее слово, кто догадается сразу, что оно произошло отъ собственнаго названія Палатинскаго холма въ древнемъ Римѣ? Такимъ образомъ, аналогія измѣняетъ значеніе словъ, переводя имена собственныя въ нарицательныя.

Примѣчаніе 1. Трудно отыскать корни всѣхъ словъ въ языкѣ, но посредствомъ сравнительнаго изученія есть возможность найти многіе. Для примѣра возьмемъ слово *земля*, которое уже не выражаетъ никакого впечатлѣнія. Не трудно догадаться, что въ немъ буква *л* есть вставочная между губною *м* и окончаніемъ *я*, какъ придыхательною гласною, слѣд., корень его есть *земь*, который, впрочемъ, у насъ сохранился въ выраженіи *на-земь*; значенія корня, конечно, должно искать въ другихъ языкахъ по сравненію. Въ персидскомъ языкѣ мы находимъ слово *заминъ*, означающее то же самое, т.-е. *земля*. Оно, видимо, происходитъ отъ зендскаго *земо*, имѣющаго то же значеніе, но уже съ выраженіемъ впечатлѣнія; корень *земо* составляетъ глаголъ *зем* или *дзем*, одинакій съ санскритскимъ *ган* и *жан* (*г—з—ж*) и значитъ *родить*. Такимъ образомъ, теперь намъ ясно то впечатлѣніе, отъ котораго произошло названіе *земли*. Русскій народъ выразилъ это впечатлѣніе другимъ словомъ, назвавъ землю *матерью—мать-земля*. По тому же самому впечатлѣнію составилось слово *жена*, соотвѣтствующее персидскому *зенъ* и греческому

*) Лекціи М. Миллера.

γυνή (г—з—ж), гдѣ *ем* и *ен* какъ носовые легко мѣняются, равно *г* и *з* легко измѣняются на придыхательную *ж*. Здѣсь мы не доказываемъ происхожденіе русскаго слова отъ персидскаго или греческаго, а только выводимъ, что всѣ они происходятъ отъ одного корня. Итакъ, *жена*, какъ и *земля*, по впечатлѣнію будетъ выражать: *рождающая*. Это самое впечатлѣніе русскій народъ выразилъ въ другомъ словѣ *родительница*. Такъ составились и составляются слова.

Примѣчаніе 2. Иногда въ говорѣ народа незамѣтно происходитъ перестановка коренныхъ буквъ въ словѣ, отчего часто не вдругъ можно указать на корень, напр., русск. *лодонь* составилось изъ *долонь* (длань), *сыворотка* изъ сыворoдка, лат. forma (видъ) изъ корен. греческ. μορφα (видъ); корни словъ *рака, рамо, врачъ, врагъ, работа, влеку, лебедь* находятся также въ словахъ лат. arca, armus, нѣм. Arzt, Arg, Arbeit, греч. ἕλκω, исланд. albpt. Примѣровъ можно найти во всѣхъ языкахъ довольно.

Примѣчаніе 3. (Изъ грам. Буслаева §§ 154, 156):

«Синтаксическое употребленіе словъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ значеніемъ ихъ, объясняемыхъ посредствомъ разбора троповъ и синонимовъ.

«Участіе тропа оказывается въ предложеніи тогда, когда слово, переходя отъ одного значенія къ другому, видоизмѣняется въ синтаксическомъ употребленіи. На этомъ основывается, напр , различное управленіе одного и того же глагола. Напр., *слѣдовать*, въ значеніи первоначальномъ, наглядномъ требуетъ творит. падежа съ предлогомъ *за* (слѣдовать за кѣмъ), а въ переносномъ—дательнаго (слѣдовать кому).

«Слова, переходя отъ одного значенія къ другому, приноравливаются къ извѣстному порядку однородныхъ понятій. Такъ, напр., глаголъ *надѣяться*, переходя отъ первоначальнаго значенія *полагаться на что* (*надѣяться на что*) къ значенію *ожидать*, становится понятіемъ однороднымъ съ этимъ послѣднимъ. Такія слова называются синонимами.

«Значеніе синонимовъ особенно важно въ разсужденіи управленія глаголовъ, потому что глаголъ, заимствуя переносный смыслъ отъ синонимовъ, съ которыми поставляется въ одинъ разрядъ, получаетъ то же самое управленіе, какъ и прочіе глаголы, которыми выражаются эти синонимы. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, *надѣяться*, становясь синонимомъ глаголу *ожидать*, требуетъ родительнаго падежа такъ же, какъ и этотъ послѣдній глаголъ (ожидать *чего*=надѣяться *чего*). Еще примѣръ: глаголъ *наблюдать* собственно требуетъ вин. падежа: *наблюсти что, блюсти что* (*хранить что*), но, будучи сближенъ съ понятіями *слѣдить за кѣмъ, смотрѣть за кѣмъ*, управляетъ, какъ и эти глаголы, творительнымъ

падежомъ съ предлогомъ *за* (наблюдать *за кѣмъ*); будучи сближенъ съ понятіемъ *дѣлать опытъ надъ чѣмъ*, получаетъ управленіе, согласно съ этимъ описательнымъ выраженіемъ, принимая послѣ себя творительный падежъ съ предлогомъ *надъ* (наблюдать *надъ чѣмъ*, наблюденіе *надъ чѣмъ*).

«Первоначальное значеніе слова, въ наибольшей мѣрѣ, соотвѣтствуетъ этимологическому составу грамматической формы. Такъ, въ словѣ *надѣяться* первоначальное значеніе (т.-е. полагаться *на что*) объясняется самымъ производствомъ—*надѣят-ся*. Потому этотъ глаголъ, въ соотвѣтствіе своему образованію, и управляетъ винит. падежомъ съ предлогомъ *на*. Равномѣрно и *наблюдать*, происходя отъ глагола *блюсти* (т.-е. хранить *что*), первоначально управляетъ, какъ замѣчено выше, винит. падежомъ.

«Перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому расширяетъ смыслъ грамматической формы, уже по требованію отвлеченной мысли. Такимъ образомъ, ставя глаголъ *надѣяться* въ одинъ разрядъ съ синонимомъ *ожидать*, уже отвлекаетъ это первое слово отъ его собственнаго, нагляднаго значенія, опредѣляемаго этимологическимъ составомъ.

«Изъ сказаннаго явствуетъ, что синтаксическое употребленіе словъ бываетъ двоякое: 1) основанное на этимологической формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядное и 2) отступающее отъ этой формы по требованію мысли, и потому отвлеченное.

«Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частью въ письменныхъ произведеніяхъ древне-русской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ

«Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностью первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ. Возведеніе слова, отъ нагляднаго представленія до общаго отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія. Отвлеченность церковно-славянскаго языка зависитъ: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ: напр., *вѣра, надежда, терпѣніе, смиреніе, уповать* и пр.; 2) частью отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго языка, напр., *іерей, діаконъ, литургія, ангелъ* и др.; и, наконецъ, 3) большею частью отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста,

напр., *благочестіе* (εὐσέβεια), *благородіе* (εὐγένεια), *благодушіе* (εὐψυχία) и проч.

«Направленіе, данное нашему языку церковно-славянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы, потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древне-русскихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

«Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственнаго развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія и воспитаннаго церковно-славянскою литературою въ древнемъ періодѣ и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ».

Эпитеты. § 19. Мы уже сказали, что съ теченіемъ времени выраженіе перваго впечатлѣнія въ словѣ теряется, какъ скоро теряется значеніе корня, и слово дѣлается простымъ отвлеченнымъ названіемъ предмета. Но народъ, любящій все представлять живо, по впечатлѣнію, не довольствуется простыми названіями предметовъ; не находя въ нихъ выраженія впечатлѣнія, онъ дополняетъ ихъ другими словами, выражающими впечатлѣніе или ту сторону предмета, которая особенно его поражаетъ. Такія дополнительныя слова называются *эпитетами*, слѣд., и они вытекаютъ изъ потребности народнаго духа. Въ языкѣ многіе эпитеты перешли въ названіе *смертный*, *животное*, *насѣкомое*, *всенощная*. Общность живого народнаго воззрѣнія производитъ *постоянные* эпитеты точно такъ, какъ метафоры и сравненія, которыя кажутся всякому изъ народа, ихъ создавшаго, самыми естественными и прекрасными, въ то время, какъ чужеземцу могутъ показаться вычурными, смѣшными и нелѣпыми; здѣсь опять каждый народъ творитъ по своей реторикѣ, сообразно со своимъ взглядомъ. Въ эпическій вѣкъ древне-греческой жизни всѣ называли богиню Аѳину *волоокая* (боопись) или *свѣтлоокая* (глаукопись), богатыря—*дивный* (діосъ), быка —*кривоногій* (ейлипусъ), островъ — *волнообъятый* (амфіалосъ), слово—*крылатое* (птероенъ) и проч. Все это не было кѣмъ-нибудь придумано, но вытекло прямо изъ народ-

наго взгляда; какое качество или свойство въ предметѣ болѣе всего поражаетъ народъ, то́ онъ и выражаетъ яркимъ эпитетомъ, который остается надолго, потому что народъ не мѣняетъ своего взгляда, если не измѣнятся предметы, или въ немъ самомъ не произойдетъ измѣненія. Съ теченіемъ времени и самые эпитеты иногда теряютъ свое живое представленіе, но они уже такъ тѣсно сростаются съ другимъ словомъ, выражающимъ извѣстный предметъ, что оно одно представляется недостаточнымъ и какъ-то неполнозвучнымъ, какъ, напр., у насъ въ пѣсняхъ *бѣлый* свѣтъ, *красное* солнце, *ясный* соколъ и мн. др. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нашихъ постоянныхъ эпитетовъ, которые встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ. Всматриваясь въ нихъ, мы находимъ, что большая ихъ часть получила свое начало отъ впечатлѣнія свѣта и цвѣта. Эти два впечатлѣнія здѣсь безпрестанно сближаются и даже смѣшиваются. Сильное впечатлѣніе отъ цвѣта преимущественно передъ другими качествами хорошо объясняется слѣдующими обыкновенными выраженіями въ нашихъ сказкахъ:

«Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася,
Что ни синь во поляхъ засинѣлася,
Не красъ закраснѣлася, не чернь зачернѣлася».

Здѣсь глазъ, прежде чѣмъ разглядитъ дальній предметъ, старается схватить тотъ цвѣтъ, которымъ предметъ себя обозначаетъ.

Свѣтъ обыкновенно любезенъ глазамъ каждаго человѣка, потому въ глазахъ народа онъ сдѣлался символомъ всего чистаго, непорочнаго, производящаго въ душѣ пріятныя и сладостныя впечатлѣнія; отъ того словомъ свѣтъ часто выражается чувство любви и привязанности: *свѣтъ мой батюшка*, *свѣтикъ мой*, *мои свѣты родимые*.

Примѣч. У персіанъ въ томъ же значеніи употребляется выраженіе *свѣтъ глазъ моихъ*. Впрочемъ, они попадаются и у насъ, напр., у *Даніила Заточника* (XIII вѣка): *свѣтъ очію моею*.

Отливаясь въ природѣ то бѣлымъ, то блестящимъ краснымъ цвѣтомъ, свѣтъ сдѣлалъ и эти цвѣта особенно любезными народу. Они въ его воображеніи иногда даже сливаются

вмѣстѣ, такъ что онъ говоритъ: *бѣлый свѣтъ*, *бѣлый день*, *бѣлая заря;* здѣсь самый свѣтъ или блескъ отпечатлѣвается въ его воображеніи отливомъ цвѣта. Въ самомъ корнѣ слова *свѣтъ* заключается понятіе бѣлизны; это видно изъ санскр. *света*, знач. бѣлый; нашимъ эпитетомъ только возстановляется это значеніе, какъ первоначальное впечатлѣніе.

Слово *бѣлый* еще въ глубокой древности означало доброе начало, производящее свѣтъ, что́ видно изъ названія *Бѣлъ-Богъ*.

Эпитетъ *бѣлый* постоянно придается членамъ тѣла: *бѣлая грудь*, *бѣлыя руки*.

Другой часто употребляемый эпитетъ *красный* также имѣетъ близкое отношеніе къ свѣту. Корень этого слова находится въ древне-славянскомъ словѣ *кресъ*, означавшемъ свѣтъ, блескъ, жаръ и потомъ жизнь; онъ виденъ въ малорусскомъ словѣ *кресало* (огниво), *кресить* (высѣкать огонь) или въ старой поговоркѣ: *на кресу не бывать*, т.-е. не остаться въ живыхъ, не сносить своей головы, въ крестьянскомъ названіи мѣсяца іюля *кресникъ* (жаркій). Отъ этого же корня произошло слово *воскресить*. Въ крестьянскихъ избахъ среднее окно между двумя волоковыми называютъ *краснымъ*, потому что черезъ него проходитъ солнечный свѣтъ и освѣщаетъ избу. Свѣтъ въ своемъ источникѣ отличается самымъ яркимъ краснымъ цвѣтомъ, потому понятіе о свѣтѣ перешло на понятіе о цвѣтѣ. Такимъ образомъ въ словѣ *красный*, какъ народномъ эпитетѣ, мы безпрестанно встрѣчаемъ слитіе этихъ двухъ понятій.

Не свѣтла ночь безъ мѣсяца,
Не *красенъ* день безъ солнышка.

Золото постоянно носитъ эпитетъ *красное*, тогда какъ серебро иногда называется *бѣлымъ*.

Примѣч. И въ персидской поэзіи тѣ же эпитеты постоянно придаются золоту и серебру: *серх-у-сефидъ*—красное и бѣлое—означаетъ золото и серебро.

Имѣя въ виду первоначальное впечатлѣніе отъ предметовъ на воображеніе народовъ, мы должны сказать, что для солнца не могло и быть никакого другого эпитета, кромѣ *красный*: *красное солнышко*.

Впечатлѣніе отъ всего пріятнаго и нѣжнаго народъ сблизилъ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на душу блескомъ свѣта, и потому изъ того же корня образовалъ слово *краса*, *красота*. Это понятіе о красотѣ часто заключается и въ словѣ *красный;* такъ, напр., берегъ носитъ названіе *краснаго*, т.-е. красиваго: «праздникъ *красенъ* пирогами, какъ рѣка берегами». Какъ мы, вмѣсто слова красивый, часто употребляемъ болѣе общее *хорошій*, такъ въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ, наоборотъ, вмѣсто хорошій, встрѣчается *красный*. У насъ теперь это слово только въ превосходной степени выражаетъ понятіе о красотѣ: *прекрасный*.

Хорошо составленная рѣчь или слово, кстати и ловко сказанное, производятъ пріятное впечатлѣніе, которое сближается съ впечатлѣніемъ отъ красоты, потому народъ ихъ называетъ *красными: красная рѣчь*, *красное словцо;* «красно поле рожью, а *рѣчь — ложью»;* эта ложь въ рѣчи иногда называется *прикрасой*.

Растенія отпечатлѣваются въ народномъ воображеніи своимъ зеленымъ цвѣтомъ и получили общее названіе *зелени*. Сначала это понятіе выражалось въ словѣ *зелье*, какъ ближайшемъ къ корню:

Обсади меня тремя *зельями:*
Первымъ зельемъ—*гвоздичками*,
Другимъ зельемъ—*васильками*,
Третьимъ зельемъ—*стрѣлочками;*

потомъ зельемъ стали называть лѣкарственныя травы, а съ ними вмѣстѣ и волшебныя для колдовства и чарованія; наконецъ, отсюда къ нему иногда стали присоединять понятіе нечистаго. Эпитетъ *зеленый* употребляется у насъ при многихъ словахъ — *зеленая дубрава*, *зеленое виноградье*, *зеленая груша*, *зеленый садъ*.

Дотолева *зеленый* садъ *зеленъ* стоялъ,
А нынѣ *зеленый* садъ засохъ, приблекъ.

Слово *зеленый* у насъ употребляется также для выраженія *ѣдкости*, *горечи*, такъ, напр., когда дымъ слишкомъ ѣстъ глаза,

то говорятъ: *зелено въ глазахъ*. Зеленый цвѣтъ въ самомъ дѣлѣ самый ѣдкій свѣтъ: отъ многихъ травъ эта ѣдкость пристаетъ къ рукамъ, и вы ее сильно почувствуете, когда дотронетесь тѣми же руками до своихъ глазъ. Такимъ образомъ, народъ, вслѣдствіе одинакихъ впечатлѣній, переноситъ слова отъ одного понятія къ другому.

Море поражало нашихъ предковъ также своимъ цвѣтомъ. Грекъ обыкновенно смотрѣлъ на море, какъ на противоположность со своей прекрасной землею, и потому его называлъ *пустыннымъ*, *безплоднымъ*, иногда *бурнымъ*, иногда, по вкусу воды, *соленымъ*. Въ корнѣ слова *море* заключается понятіе гибели, смерти; оно, конечно, должно производить самое сильное впечатлѣніе на первоначальный народъ, незнакомый еще съ морскою жизнію. Оттого *море* и *смерть* произошли отъ одного корня. Но наши предки, потерявъ первоначальное впечатлѣніе, уже знакомые съ моремъ, говоря о немъ, всегда ему придавали эпитетъ *синее;* онъ постоянно встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоря (XII стол.).

Черный цвѣтъ сильно отпечатлѣвается въ воображеніи народа, и потому онъ получилъ различныя примѣненія. Почти у всѣхъ народовъ чернота, какъ совершенное отсутствіе свѣта, въ противоположность бѣлизнѣ, относилась къ злому началу. У славянъ былъ *Бѣлъ-богъ* и *Черно-богъ;* у персіянъ *дивъ* (злой духъ) вездѣ называется *черный* (сіяхъ); въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ названія нѣкоторыхъ частей тѣла постоянно имѣютъ при себѣ слово *бѣлый*; тамъ же, гдѣ говорится о *Тугаринѣ-Змѣевичѣ*, какъ враждебной силѣ, бѣлый замѣняется словомъ *черный:*

И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
И вскочилъ ему Алеша на *черну грудь*.

При какомъ впечатлѣніи отъ чернаго цвѣта, онъ сталъ выраженіемъ всего, что производитъ въ нашей душѣ непріятное впечатлѣніе, скорбь и страданіе. У грековъ неблагопріятная судьба называлась *черная судьба* (кера меляйна), у насъ несчастный день — *черный день;* тяжелыя, тревожныя мысли—*черная дума*; про человѣка съ мрачнымъ видомъ говорятъ, что онъ

черные ночи; безчестное дѣло зовутъ *чернымъ поступкомъ*, дурную совѣсть — *черною совѣстью*, колдовство — *чернокнижіемъ;* словомъ, все, что̀, повидимому, происходитъ отъ злого начала, принимаетъ названіе *чернаго.*

Иногда эпитетъ *черный* выражаетъ одно простое впечатлѣніе отъ чернаго цвѣта, какъ, напр., *черная туча*, *черный воронъ.* Чернота воронова крыла даже служитъ предметомъ для сравненія. Какъ названіе птицы *голубь* дало нашимъ предкамъ слово для выраженія голубого цвѣта, такъ точно слово *вороной*, произведенное отъ *воронъ*, стало выражать черный цвѣтъ. Впрочемъ, оно служитъ эпитетомъ только коню.

Въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ большая часть животныхъ обыкновенно описывается цвѣтомъ шерсти или перьевъ; такъ лебедь и кречетъ постоянно зовутся *бѣлыми;* орелъ и голубь — *сизыми;* утка и волкъ — *сѣрыми;* соболь — *чернымъ.* Коню и коровѣ принадлежитъ нѣсколько цвѣтовъ, которые даже обратились въ собственныя лошадиныя и коровьи имена: *сѣрко*, *гнѣдко*, *сивко*, *бурко*, *буренушка*, *чернушка* и др. Конечно, такія имена могли получить только тѣ животныя, съ которыми человѣкъ безпрестанно обращается, какъ со своимъ слугою и помощникомъ. Русскій человѣкъ, сильнѣе всего принимая впечатлѣніе отъ цвѣта, цвѣтъ же, какъ и естественно, обратилъ въ имена своимъ любимымъ животнымъ.

Упомянемъ еще объ эпитетѣ *ясный*, который придается соколу. Многіе примѣры (особенно въ санскритск. яз.) доказываютъ, что впечатлѣніе отъ свѣта сближалось народомъ съ впечатлѣніемъ отъ быстроты; въ нѣкоторыхъ славянск. нарѣчіяхъ слово *ясно* или *есно* означаетъ *быстро* и наоборотъ: *быстро* означаетъ *ясно.* Такимъ образомъ эпитетъ сокола выражаетъ быстроту въ полетѣ, которая сравнивается съ быстротою распространяющагося свѣта.

Части рѣчи. § 20. Раздѣленіе словъ или рѣчи на части не выдумано составителями грамматикъ, а вытекаетъ прямо изъ природы и образа мыслей человѣка. Человѣкъ можетъ мыслить только тогда, когда ясно сознаетъ себя и окружающіе предметы, что̀ составляетъ матерьялъ для его мышленія, когда

онъ можетъ сказать *я не онъ, а онъ не ты.* Для сознанія ему необходимо слово, которое опредѣляетъ и представляетъ его сознаніе. Слово является въ минуту сознанія, когда въ человѣкѣ отразятся окружающіе *предметы* такъ, что онъ будетъ въ состояніи отличить *признаки* каждаго изъ нихъ, слѣдовательно, когда онъ вполнѣ сознаетъ *бытіе.* Но все въ природѣ живетъ, а признакъ жизни выражается преимущественно въ движеніи или *дѣйствіи*, что также должно необходимо войти въ сознаніе человѣка и, слѣдовательно, выразиться въ словѣ. Итакъ, въ языкѣ являются: *имя существительное, прилагательное* и *глаголъ.* Въ природѣ существуютъ предметы, въ нашемъ умственномъ мірѣ—представленіе предметовъ, изъ представленій у насъ составляются понятія *видовыя* и *родовыя;* выраженныя въ словѣ представленія и понятія называются именами существительными. Для отличія каждаго изъ представленій опредѣляемъ его какою-нибудь особенностію. Въ языкѣ понятія видовыя и родовыя составляютъ существительныя *общія*, или *нарицательныя;* недѣлимыя, отличенныя чѣмъ-нибудь,—существительныя *частныя*, или *собственныя.* Недѣлимыя одного вида могутъ составить изъ себя одно цѣлое; выраженное въ одномъ словѣ, оно представитъ существительное *собирательное* (*стадо, толпа*). Кромѣ того, нашъ умъ создаетъ множество понятій, которыя не имѣютъ ни вида, ни рода, потому что не вытекаютъ изъ представленій внѣшняго міра (надежда, любовь), они принадлежатъ исключительно нашему внутреннему міру, невидимому, и, выражаясь въ словѣ, называются *умственными*, или *отвлеченными.* Признаки предметовъ, составляющіе ихъ качества и свойства, выражаются въ языкѣ *именемъ прилагательнымъ;* признаки же, составляющіе дѣйствіе или существованіе въ опредѣленные моменты, выражаются въ *глаголѣ.* Дѣятельность предмета бываетъ двоякая: одна заключается въ самомъ предметѣ, какъ сила или способность (цвѣсти, расти, звенѣть), другая исходитъ изъ предмета, обращаясь на другой предметъ (бросать, читать). Первая называется *субъективною*, вторая *объективною.* На этой двоякой дѣятельности основано раздѣленіе глаголовъ на залоги — *средній* и *дѣйствительный.* Изъ дѣйствительнаго выдѣлились еще два залога: одинъ вы-

ражаетъ состоянiе предмета, на который обращено дѣйствiе—*страдательный*, другой представляетъ дѣйствiе, удержанное при самомъ дѣйствователѣ—*возвратный*. Оба они часто смѣшиваются, такъ что страдательный легко уступаетъ свое мѣсто возвратному, напр., вм. *быть почитаемымъ*, *уважаемымъ* говорятъ *почитаться*, *уважаться*. Эти залоги существуютъ во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ не выработались отдѣльныя формы для каждаго залога. Въ немъ залогъ опредѣляется только въ синтиксическомъ соединенiи съ другими словами въ предложенiи, такъ что одинъ и тотъ же глаголъ можетъ быть въ одномъ соединенiи дѣйствительнымъ, а въ другомъ среднимъ, напримѣръ, *бить тревогу*, *бить звѣря* (дѣйств.), *ручей бьетъ мутною волной* (сред.), *сердце бьется*, *бьется какъ рыба объ ледъ* (сред.), *птица бьется осенью* (страдат.), *ходить на сходку* (сред.), *ходить журавля*—плясать (дѣйств.). Особенно разнообразно употребленiе глагола въ мѣстныхъ дiалектахъ:

Первую тавлеюшку царь *ступилъ*,
Другую тавлеюшку Добрыня младъ.

Форма съ глаголомъ *быть* (быть читану, биту), которая въ другихъ языкахъ называется *страдательною*, и которою мы, по большей части, передаемъ смыслъ страдательнаго залога иностранныхъ глаголовъ, у насъ не всегда выражаетъ этотъ смыслъ; употребленiе ея гораздо шире: ее могутъ даже принимать глаголы среднiе, чего въ другихъ языкахъ не допускается: мѣсто *хожено*, *сижено*, конь *ѣзженъ*.

У дороднаго добра-молодца
Много *было* на службѣ *послужено*,
На печи *было* вволю *полежено*,
Со кнутомъ со свиньями *похожено*,
На добрыхъ коняхъ *поѣзжено*.

Здѣсь быть соединяется съ причастiемъ, какъ съ прила-

гательнымъ (быть добрымъ, быть спѣсивымъ) и уже выражаетъ простое состояніе, какъ средній залогъ *).

Признаки проявляются съ разною силою, съ разными качествами, при разныхъ обстоятельствахъ. Все это мы должны отличать въ своемъ мышленіи, откуда и вытекаетъ особая часть рѣчи—*нарѣчіе*.

Въ природѣ существуетъ множество однородныхъ предметовъ. Необходимость представить то ихъ число, которое мы имѣемъ въ виду при мышленіи, произвела въ языкѣ *имя числительное количественное*, на вопросъ *сколько*, и *порядковое*, на вопросъ *который*. Необходимость чѣмъ-нибудь отличать въ нашихъ мысляхъ тотъ или другой изъ однородныхъ предметовъ произвела *мѣстоименіе*. Итакъ, мѣстоименіе представляетъ ни названіе предмета, ни его признакъ, а только условное его отличіе отъ другихъ предметовъ; оно опредѣляетъ предметъ, или показывая отношеніе его къ мыслящему лицу, или указывая на его, или ограничивая его и проч.

Замѣчательно, что всѣ индо-европейскіе языки имѣютъ одинакія мѣстоименія. Такое единство ясно доказываетъ, что они уже развились въ первоначальномъ языкѣ, какъ необходимыя при мышленіи.

Такъ какъ опредѣленіе совершается съ разными цѣлями и разными способами, то и мѣстоименіе раздѣляется на *личное*, *возвратное*, *вопросительное*, *относительное*, *указательное*, *притяжательное*, или *усвоительное*, *опредѣлительное*, *неопредѣленное* и *отрицательное*.

Наконецъ, нужны еще особыя слова для означенія взаимныхъ отношеній предметовъ въ пространствѣ и послѣдовательности дѣйствія во времени. Предметъ, существуя и дѣйствуя, постоянно имѣетъ отношеніе къ другимъ предметамъ, близкимъ или отдаленнымъ. Такое отношеніе постороннихъ предметовъ къ бытію и дѣйствію главнаго (подлежащаго) въ языкѣ выражается столько же предлогами, сколько и падежами. Въ тѣхъ языкахъ, которые утратили склоненіе, падежи

*) Залоги *взаимные* и *общіе* нашихъ старыхъ грамматикъ мы относимъ къ среднимъ, почему и не ведемъ о нихъ рѣчи.

замѣняются предлогами. Дѣйствіе можетъ имѣть разныя направленія по вопросамъ: *откуда, куда* и *гдѣ;* разныя причины и цѣли: *почему, зачѣмъ* и пр.; на все это указываетъ предлогъ, *соединенный съ именемъ или съ самимъ глаголомъ*. Чтобы выразить разнообразную связь мыслей въ языкѣ, являются *союзы*.

Такимъ образомъ, какъ скоро человѣкъ началъ мыслить, явились вдругъ всѣ части рѣчи, и притомъ совокупленныя въ *предложеніи*, гдѣ два главныхъ понятія, *подлежащее* и *сказуемое*, тотчасъ заняли первыя мѣста. Все это непремѣнно существуетъ въ каждомъ языкѣ, потому что вытекаетъ изъ потребности мысли.

Всѣ части рѣчи, изъ которыхъ слагается полная мысль, выражаютъ или понятіе, или отношенія понятій; поэтому онѣ раздѣляются на два рода словъ—на слова понятій, или *знаменательныя*, и на слова отношеній—*служебныя*. Къ первымъ относятся глаголъ, имя существительное и прилагательное; ко вторымъ—числительное, мѣстоименіе, предлогъ и союзъ. Нарѣчіе иногда выражаетъ понятіе (*дома, верхомъ, хорошо*), иногда отношеніе (*здѣсь, тамъ*), поэтому занимаетъ середину между знаменательными и служебными и можетъ назваться *знаменательно-служебною частью рѣчи*.

Междометія выражаютъ мгновенное движеніе чувства и часто представляютъ неразвитое предложеніе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Словопроизведеніе.

Принадлежности знаменательнаго слова. § 21. Знаменательныя слова въ языкѣ раздѣляются на *первообразныя* (коренныя) и *производныя*. Въ первыхъ флективное окончаніе (флексія) соединяется прямо съ *корнемъ* и опредѣляетъ его отношеніе ко всѣмъ прочимъ словамъ, составляющимъ рѣчь:

родъ, число, лицо, падежъ—тѣ термины, которыми опредѣляются слова при помощи окончаній. Изъ первообразныхъ словъ составляются производныя: 1) съ помощью *суффиксовъ*, которые вставляются между корнемъ и флективнымъ окончаніемъ и даютъ слову новое значеніе (*рука—ручной, дать—дань, данникъ*), или 2) съ помощью *приставокъ* въ началѣ слова: *пра*матерь, *по*друга, *при*казъ), или 3) при различныхъ *измѣненіяхъ* въ корнѣ слова (жертва, кор. *гр*), шлю (кор. *сл*).

Необходимая принадлежность каждаго отдѣльнаго слова (знаменательнаго и служебнаго) *удареніе*, т.-е. повышеніе голоса на одномъ изъ слоговъ. Въ русскомъ языкѣ нѣкоторыя слова послѣ предлоговъ иногда теряютъ свое *удареніе*, отдавая его предлогу и какъ бы сливаясь съ нимъ: *на мостъ, подъ голову, на сковороду*.

Примѣчаніе. Во всѣхъ древнихъ индо-европ. языкахъ гласныя различались по количеству, т.-е. были долгія и короткія. По нѣкоторымъ даннымъ можно съ довѣренностью заключить, что въ старину и у славянъ было такое же различіе гласныхъ, на которомъ основывалось ихъ стихосложеніе. На основаніи возможности уравнивать по нѣскольку слоговъ короткихъ съ однимъ долгимъ, образовались мѣрныя фразы сказочнаго размѣра, что сохранилось и до настоящаго времени. Но съ теченіемъ времени различіе долгихъ и короткихъ слоговъ у насъ сгладилось, а постоянное мѣсто для ударенія не опредѣлилось, какъ, напримѣръ, въ польскомъ языкѣ, гдѣ мѣсто для ударенія всегда на предпослѣднемъ слогѣ. У насъ произошла *подвижность* и *неопредѣленность* ударенія: оно въ одномъ и томъ же словѣ часто передвигается, глядя по падежу или лицу (сестры—сéстры), или падаетъ безразлично то на одинъ, то на другой слогъ (дѣвица и дѣвúца, мóлодецъ и молодéцъ). Въ новѣйшемъ русскомъ языкѣ замѣтно стремленіе уравновѣшивать слоги удареніемъ: его переносятъ на средніе или даже приближаютъ къ концу слова. Еще замѣчательно, что предлоги любятъ къ себѣ притягивать удареніе, что мы уже видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ; но вотъ еще другіе: отъ *вѣдать—вывѣдать, заповѣдь, повѣсть*. Конечно, этого нельзя принять за общій законъ, потому что подъ него не подошли бы многіе другіе случаи. Вообще, законы ударенія въ нашемъ языкѣ еще не выяснились, и потому здѣсь мы не руководствуемся правилами и слѣдуемъ одному употребленію. У насъ по ударенію различаются не только падежи, но и весьма многія слова, напр., бéрегу—берегý, бýди—будú, бѣлокъ—бѣлóкъ, вóротъ—ворóтъ, дорогá—дорóга,

жи́ла—жила́, за́мокъ—замо̀къ, зна́комъ—знако̀мъ, па́ромъ—паро̀мъ и мн. др.

Въ словахъ сложныхъ первое слово обыкновенно теряетъ свое удареніе: *виноде*ѣліе, *хлѣбо*пашество, *сребро*любіе.

Нѣкоторыя первообразныя слова употребляются одинаково въ смыслѣ существительнаго и глагола: мнѣ *жаль* его, отъ *жали* не плакать стать, *жалью* моря не переѣдешь, вѣку не изживешь; *лѣнь* мнѣ, съ *лѣнью* далеко не уйдешь; по *естю* старецъ келью строитъ (потому, что *есть*, т.-е. сообразно со средствами.— У Нестора); не въ *мочь* мнѣ, нѣтъ ему *мочи*, гдѣ вамъ *мочь*; какъ бы на нихъ *напасть*, пришла *напасть*; гдѣ вамъ *знать*, собралась все *знать*; съ какой *стати*; не можетъ *течь*, образовалась *течь* и много др.

Служебныя слова. § 22. Служебныя слова въ языкѣ произошли отъ особыхъ корней, которыхъ число очень ограничено. Отъ однихъ изъ нихъ произошли мѣстоименія и нарѣчія. Они составились изъ одного или двухъ звуковъ, какъ-то: *аз*, *м*, *н*, *тв*, *св*, *и*, *он*, *к*, *т*, *с*, *ов*, *вы*, *ин*, *сам*.

Наше мѣстоименіе перваго лица *я* сократилось изъ *язъ*, которое есть не что иное, какъ смягченное выговоромъ коренное *азъ*. Подобное сокращеніе мы замѣчаемъ и въ другихъ новѣйшихъ языкахъ; такъ, французск. je изъ латин. ego, англ. j изъ древн. *ik* (нѣм. ich).

Примѣч. Въ славянскомъ мѣстоименіи *азъ* звукъ *з* есть смягченный придыханіемъ изъ *г*, которое видно въ лат. ego, въ греч. ἐγώ, въ санскр. *агамъ*; подобное же смягченіе является и въ зендскомъ *веземъ*.

Во всѣхъ индо-евр. языкахъ для косвенныхъ падежей является новый коренной звукъ *м*. Въ русскомъ языкѣ къ этому *м* присоединяется еще другой звукъ *н*, который въ родственныхъ языкахъ является только во множ. числѣ (nos, nous); у насъ род. и вин. пад. *меня* (стар. *мене*), дат. и пред. *мнѣ* (стар. *ми*), твор. *мною*. Старинный винит. пад. *мя* скрываетъ въ своемъ юсовомъ *я* носовой звукъ винительнаго падежа. Имен. пад. множ. числа у насъ сохранился тотъ же звукъ *м*, который въ другихъ языкахъ замѣняютъ *н* и *в* (nos, nous, wir). Въ словѣ

мы звукъ *ы* родственень съ носовымъ ѧ, что мы видимъ въ спряженіи существительнаго глагола: *есмы* и *есмѧ* (греч. ἔσμεν).

Въ род., винит. и пред. падежахъ *насъ* является новый звукъ *с*, который встрѣчаемъ и въ родственныхъ языкахъ, напр., нѣмец. uns, франц. nous, происшедшее изъ лат. nos. Въ дат. пад. *намъ* и въ твор. *нами* звукъ *м* принадлежитъ падежному окончанію, флексіи. Въ старинномъ дательномъ *ны м* скрылось въ носовую гласную, обратившуюся въ *ы*, подобно тому, какъ въ старинномъ вин. *ны* скрылось *н*, принадлежащее оконч. винит. падежа.

Въ мѣстоименіи второго лица *ты* звукъ *ы*, соотвѣтствующій въ родственныхъ *у* (tu, du), произошелъ изъ коренного звука *в*, который является въ нѣкоторыхъ первообразныхъ языкахъ во 2-мъ лицѣ (напр., санскрит. tvam) и въ нашемъ мѣстоименіи *твой*. Это *в* въ косвенныхъ падежахъ един. числа у насъ замѣняется близкою по звуку *б*, при чемъ являются бѣглыя гласныя *е* и *о*: *тебя* (стар. *тебе*), *тебѣ* (стар. *ти*), *тобою* и проч. Въ старинномъ винит. *тѧ* скрывается носовой звукъ.

Примѣч. Въ латинск. языкѣ также является звукъ *б*: tibi.

Во множеств. чис. у насъ, какъ и во многихъ родственныхъ языкахъ, является одинъ коренной звукъ *в*; окончанія косвенныхъ падежей такія же, какъ и въ первомъ лицѣ; *вы* (vos, vous): *васъ, вамъ, вами* и др.

Первообразное мѣстоименіе третьяго лица было *и, я, е*, которое видно въ сложномъ ц.-слав. мѣстоименіи *иже, яже, еже*, и которое мы теперь употребляемъ при прилагательныхъ, образуя такъ называемое полное окончаніе. Наше мѣстоименіе 3-го лица *онъ, она, оно, они, онѣ* произошло изъ указательнаго, которое впослѣдствіи было употребительно только съ производнымъ окончаніемъ: *оный, оная, оное*, а нынѣ считается устарѣлымъ. Косвенные падежи всѣ сохранились коренные отъ *и, я, е, его, ея, ему, ей, ихъ, имъ*, и пр. Старинный вин. пад. един. числа *и, ю, е* и множ. *я* у насъ замѣнился родительнымъ. Винит. ж. род. *ее* отличается отъ род. *ея* только на письмѣ, но не филологически: здѣсь *я* въ говорѣ перемѣнилось на *е*. Послѣ предлоговъ всѣ эти мѣстоименія принимаютъ въ началѣ благозвучное *н*:

о немъ, отъ нея, за нихъ, при нихъ и пр. Такимъ же образомъ составились и ц.-сл. слова *зань* (за-н-и), *заню, зане.*

Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ замѣчательно употребленіе мѣстоименія *онъ* при подлежащемъ, гдѣ оно кажется вовсе лишнимъ, напр.: «А втапоры *Волховъ онъ* догадливъ былъ». «Доселева *Рязань она* селомъ слыла». «Которы *молодцы они* поглавнѣе срѣзали чембуры шелковые». Здѣсь *онъ* употребляется скорѣе, какъ мѣстоименіе указательное, въ смыслѣ члена.

Возвратное мѣстоименіе *себя* у насъ принадлежитъ всѣмъ тремъ лицамъ, тогда какъ въ другихъ языкахъ только одному третьему. Оно у насъ показываетъ отношеніе лицъ къ самимъ себѣ и поэтому, не имѣя возможности быть подлежащимъ, не имѣетъ и именительнаго падежа. Его корень есть *св*, что видно въ производномъ мѣстоименіи *свой*; слѣдственно, оно образовалось, подобно мѣстоим. *ты*, почему сходятся съ нимъ и въ склоненіи: *себя, себѣ, собою.* Эти три формы заключаютъ въ себѣ какъ единств., такъ и мн. ч. Старинный дат. падежъ *си* у насъ остался только въ словѣ *во свояси* и болѣе нигдѣ не употребляется; старинный вин. *сѧ* (ся) является теперь только при глаголахъ, сокращаясь послѣ гласной въ *сь* (дѣлаться, дѣлаюсь). Въ старо-русскомъ языкѣ *ся* могло стоять отдѣльно отъ глагола, впереди или позади него, раздѣляясь нѣсколькими словами, напр., *ся кланяетъ* вм. *кланяется; на ниче ся годины обратиша* вм. *обратишася*; въ современномъ же языкѣ *ся* нераздѣльно сливается съ глаголомъ. Возвратное *себя* вообще означаетъ отдѣльность, сосредоточенность предмета въ себѣ самомъ. Отъ него произошло слово *особа*, прекрасно выражающее понятіе недѣлимаго, отдѣльнаго отъ всѣхъ, живущаго своею жизнью. Выраженіе *по себѣ* означаетъ *отдѣльно*: «*а голова его по себѣ лежитъ, руки, ноги разбросаны*» (др.-русск. стих.); при глаголахъ мѣстоим. *себѣ—собою* выражаютъ отдѣльное, сосредоточенное въ предметѣ дѣйствіе: «*думаетъ себѣ разумомъ своимъ: а самъ сѣ* (простонар. сокращ. *себѣ*) *молодецъ размышляетъ а и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою*» (древн.-русск. стих.).

Ся при глаголахъ послѣ гласной части сокращается на *сь*: *дѣлалась, мылась.*

Частица *ся* останавливаетъ дѣйствіе при самомъ лицѣ и не позволяетъ переходить на предметы: поэтому глаголы возвратные сходны съ среднимъ залогомъ, который также выражаетъ дѣйствіе, непереходящее на внѣшніе предметы. Съ другой стороны, какъ скоро появится имя лица, подъ вліяніемъ котораго находится лицо дѣйствующее, то эта форма принимаетъ значеніе страдательное: вмѣсто *онъ всѣми уважаемъ* говорятъ *онъ всѣми уважается.*

Такъ какъ частица *ся* удерживаетъ дѣйствіе при дѣйствующемъ лицѣ, то мы употребляемъ ее и при среднихъ глаголахъ, показывающихъ переходъ въ извѣстное состояніе, если хотимъ выразить *пребываніе* въ этомъ состояніи; такъ, изъ *бѣлѣетъ, чернѣетъ* (дѣлается бѣлымъ, чернымъ) составляемъ *бѣлѣется, чернѣется* (кажется бѣлымъ, чернымъ).

Частица *ся* относится ко всѣмъ тремъ лицамъ и во многихъ случаяхъ не только удерживаетъ дѣйствіе при лицѣ, но и указываетъ на самостоятельность дѣйствія, независимо отъ воли лица, напр. *мнѣ хочется, вамъ не спится, ему ѣвается.*

И *вѣрится*, и *плачется*,
И такъ легко, легко.

Такія выраженія отличаются отъ личныхъ тѣмъ, что здѣсь дѣйствіе представляется независимо отъ воли лица, которое само подчиняется ему. Различіе между *я говорю* и мнѣ *говорится* состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ дѣйствіе вытекаетъ изъ воли лица, а во второмъ оно является независимо. Въ другихъ языкахъ мы не встрѣчаемъ такого широкаго употребленія *ся*. Тамъ возвратное мѣстоименіе, не сливаясь съ глаголами, служитъ только для выраженія возвратнаго дѣйствія. Наши областныя нарѣчія даютъ намъ въ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ много любопытныхъ примѣровъ употребленія этой частицы:

Скажу, скажу тебѣ:
Не *таюсь себя*,
Не боюсь тебя.

—

Умывалась царица бѣлешенько,
Надѣвалася она хорошохонько.

—

У меня три года какъ *сосватанось*.

—

У меня замаленько да было *боротось*.

—

Только видѣли Ильюшеньку *сядучись*,
А не видѣли его *поѣдучись*.

—

Молода Добрынюшку изъ чиста поля *дожидаются*,
Пріѣдучись не *начаются*,
т.-е. не дождутся, когда онъ пріѣдетъ.

Мѣстоименный корень *и*, *я*, *е*, соединившись другими корнями *м*, *тв*, *св*, *нас*, *вас*, образовалъ мѣстоименія притяжательныя: *мой*, *моя*, *мое*, *твой*, *твоя*, *твое*, *свой*, *своя*, *свое*, *нашъ*, *вашъ*. Въ старыхъ рукописяхъ писано *нашь*, *вашь*, гдѣ *ь* и есть сокращенное *и*; передъ нимъ *с* измѣнился въ *ш*.

Для мѣстоименія указательнаго коренными звуками являются у насъ *т* и *с*, первообразная ихъ форма *тъ*, *та*, *то*, *сь*, изъ нихъ съ мѣстоим. корнемъ *и*, *я*, *е* образовались *той*, *тоя*, *тое*, *сей*, *сія*, *сіе*.

Мѣстоименіе указательное *тъ*, *та*, *то* употреблялось и теперь иногда употребляется, какъ членъ для большого опредѣленія, напр., въ нашихъ старыхъ стихотвореніяхъ: «и сѣла на палаты бѣлокаменны, на *тѣ на палаты* царскія, къ *тому царю* индѣйскому, и *на то окошечко* косящатое»; «безъ *тою кровопролитія* напраснаго», «мало время позамѣшкавши, несутъ Тугарина Змѣевича на *той доскѣ* красна золота». Это мѣстоименіе здѣсь не указываетъ на упомянутые предметы: о нихъ прежде не говорилось ни слова. Въ современномъ языкѣ для большаго опредѣленія, какъ членъ, употребляется *то*, приставляясь къ концу опредѣляемаго слова: *я-то*, *онъ-то*, *человѣкъ-то*, *жена-то*. Въ простонародномъ говорѣ слышится слогъ *отъ*, *етъ*, который встрѣчается и у Нестора: *холмъ-отъ*, *отрокъ-отъ*, и въ старинныхъ сказкахъ: «будетъ *лѣтній-етъ* день въ половинѣ дня»...

Здѣсь, конечно, *о* и *е* только гласныя соединительныя. У Крылова: «мостъ-отъ нашъ каковъ»; у Грибоѣдова: «въ ученьи прокъ-отъ не великъ».

Примѣч. Въ ново-болгарскомъ языкѣ *отъ—та—то—тѣ* служатъ членомъ опредѣлительнымъ, сливаясь съ окончаніемъ существительныхъ, напр. «*потребное* (есть) *человѣку, да сооблача вѣтхата и смрадлива-та бриха* (одежду) *грѣховна отъ своя-та си душа, какова-то* (такъ, какъ) *и змія-то соблача вѣтха-та кожа отъ снагата* (тѣла)».

У Нестора иногда встрѣчается слогъ *ось* въ концѣ слова «дѣлаша *градокъ-ось*», «и пойду *въ городъ-ось*». Это *ось*—очевидно другое мѣстоим. *сь* (сей). У насъ есть нѣсколько выраженій, въ которыхъ сохранились слѣды первообразной формы отъ *сей*: *по сю пору* (вин. пад.), *по сю сторону* (в. п.), *по се время* (ср. р.), *по сѣ мѣста* (мн. ч.).

Наше мѣстоим. *тотъ* не что иное, какъ удвоенное *тъ*, а сложившись съ указательнымъ звукомъ *э*, произвело *этотъ*, которое указываетъ на ближайшій предметъ. Въ склоненіи оно отличается отъ *тотъ*, вездѣ замѣняя *ѣ* послѣдняго буквою *и* *тѣ—эти*.

Для большаго опредѣленія и усиленія рѣчи иногда употребляется *то-то*: *то-то* расплясались! *то-то* парень!

Примѣч. Точно такимъ же образомъ греч. мѣстоименіе ὅς, ἥ, ὅν сдѣлалось родовымъ окончаніемъ, перейдя въ членъ, и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему *ый, ая, ое*, равно какъ и латинское *us, a, um*. Изъ мѣстоименій же образовались въ новѣйшихъ языкахъ всѣ члены: le, la, il, ille, illa, der, die, das и пр.

Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ въ мѣстоименіяхъ вопросительныхъ и относительныхъ кореннымъ звукомъ является *к*, который иногда переходитъ въ *ч*. Отсюда наши первообразныя мѣстоименія, которыя съ мѣстоименнымъ окончаніемъ *и, я, е* обратились въ *кой* (*кый, кый*) и *чей* (*чьй, чій*), а соединившись съ указательнымъ *то*, образовали *кто, что*, хотя въ косвенныхъ падежахъ и удержали первообразную форму *кого, чего*. Корни *вьс* и *сам* произвели мѣстоименія опредѣлительныя *весь, вся, все* и *самъ, сама, само*. Послѣднее съ окончан. *и, я, е* образовало *самый, самая, самое*.

Въ нарѣчіяхъ встрѣчаемъ тѣ же коренные звуки, что и въ мѣстоименіяхъ, именно: для вопросительныхъ *к—куда*, *какъ*, *когда*, для указательныхъ *т*, *с—туда*, *сюда*, *тамъ*, *сямъ*, *тогда*, *такъ*, *сякъ*; окончанія нарѣчій мѣста *да*, *дѣ*, *ду*, *мъ* напоминаютъ падежныя окончанія.

Коренныя числительныя имена—только первыя десять количественныхъ. Сличая названія нашихъ единицъ съ названіями въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ, мы замѣчаемъ, что всѣ они подобозвучны, изъ чего заключаемъ, что ихъ происхожденіе принадлежитъ глубокой древности *).

Изъ числительныхъ порядковыхъ только *первый* не можетъ назваться производнымъ отъ количественнаго, корень его *пр*, общій во всѣхъ языкахъ индо-европейскихъ.

Примѣч. Француз. *premier* произошло отъ латинск. prior, primus, которое въ родствѣ съ греческимъ πρῶτος. Здѣсь частицы pri, προ и наше *предъ* имѣютъ одинаковое значеніе.

Основныя формы именъ. § 23. Слова, которыя могутъ имѣть по нѣскольку флективныхъ окончаній, слѣдовательно, нѣсколько формъ, смотря по требованію мысли, называются *измѣняемыми* словами; сюда относятся имена, мѣстоименія и глаголы. Но за основную форму, или за начало слова обыкновенно принимаютъ только одну—въ именахъ ту форму, которая отвѣчаетъ на вопросъ *кто*, *что*, или именительный падежъ, и въ глаголахъ форму съ окончаніемъ *ти*, или такъ называемое *неопредѣленное* наклоненіе.

Обыкновенное окончаніе для начальной формы имени существительнаго и прилагательнаго:

муж. *ъ*, жен. *а*, сред. *о*
ь (й) *я* *е*

Эти окончанія называются *родовыми*.

Но не всѣ существительныя могли опредѣлиться въ родовыхъ окончаніяхъ; попадаются слова мужескаго рода съ окон-

*) Статья Шлейхера, «Темы именъ числительныхъ въ литовско-славянскомъ и нѣмецк. языкахъ» (прилож. къ X т. записокъ Императ. Академіи наукъ).

чаніемъ *неродовымъ а, я, е, о: слуга, воевода, вельможа, юноша, дядя, карло, турка, Кузьма, Лука, Ѳома, Михайло, Кирила, Данила, Марка, подмастерье, полудурье, объѣдала, опивало, мѣняло, обирало, домище, мужище, домина, мужичина, дѣтина, батюшка, дядюшка, дѣдушка, воришка, плутишка, старикашка* и мн. др.

У насъ есть весьма много словъ съ окончаніемъ *а* и *я*, выражающихъ личности вмѣстѣ и мужскія, и женскія, напр., *скряга, калѣка, сутяга, горемыка, заика, повѣса, бродяга, убійца, пьяница, неряха, писака, лѣвша* и др.

Неродовое окончаніе женскаго рода на *ь* произошло изъ окончанія *и*, которое въ древнихъ родственныхъ языкахъ принадлежало женскому роду. Въ старославянскомъ языкѣ многія слова появляются съ оконч. *и* и *ы*, которыя въ русскомъ языкѣ измѣнялись на *ь* и *овь*: *мати—мать, дщи—дочь, любы—любовь, церкы—церковь, свекры—свекровь.*

Область женскихъ именъ, кончающихся на *ь*, очень обширна: ими означаются, кромѣ женскихъ личностей или вещей *кость, кисть, трость,* по большей части отвлеченность—качества: *чернь, горечь, мелочь, кось, даль, глубь, тишь,* или количества: *треть, четверть,* или дѣйствія: *кладь, опись, копоть, запись, рѣзь, скорбь, плавь, ложь,* и др., или совокупность лицъ и вещей—*Русь, Чудь, Весь, чернь, знать, челядь, молодежь.* Это окончаніе любятъ особенно областныя нарѣчія: *пособь* (пособіе), *рань* (раннее время), *назовь* (названіе), *калѣчь* (калѣки).

Въ современномъ русскомъ языкѣ замѣтно стремленіе измѣнять неродовое окончаніе *ь* на *я;* такъ, старое окончаніе *ыни* обратилось у насъ въ *ыня* вмѣсто *ынь: рабыни—рабыня, княгини — княгиня, пустыни — пустыня, пустынь* и *благостыни — благостыня,* иногда *благостынь*; или вмѣсто словъ: *земь, гребь, капь, ловь* употребляютъ *земля, гребля, капля, ловля,* также говоримъ: *постеля, басня, пѣсня, яблоня,* вм. *постель, баснь, пѣснь, яблонь,* или изъ первообразныхъ *смокы, букы* сдѣлали: *смоква, буква* см. *смоквь, буквь;* въ областномъ говорѣ *церква* вм. *церковь.* Нѣкоторыя же слова изъ одного рода переходятъ въ другой, напр., въ народн. пѣснѣ при той *путѣ*, при дороженькѣ.

Неродовое окончаніе ѧ, обратившееся въ русскомъ языкѣ въ *я*, принадлежитъ многимъ именамъ, изъ которыхъ часть

относится къ среднему роду. Укажемъ здѣсь на породу именъ съ окончаніемъ *мя: бремя* (беремя), *время*, *вымя*, *знамя*, *имя*, *пламя* (поломя), *племя*, *темя*, *стремя*, *сѣмя*. Въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ къ этой породѣ относилось большее число именъ, но время размѣстило ихъ по другимъ отдѣламъ, придавъ имъ родовыя окончанія; такъ, *письмо* вм. *письмя* (письмена), *рамо* вм. *рамя* (рамена), *камень* вм. *камы*, *ячмень—ячмы*, *корень—коря*. Сюда же должно отнести *день*, отчего и въ род. пад. иногда слышится *дни*, *денъ*. *Пламень* и *пламя*—употребляются обѣ формы и въ настоящее время *).

Мѣстоименный корень *и*, *я*, *е*, соединившись съ окончаніемъ *ъ—а*, *о*, *ь—я—е*, образовалъ другое окончаніе для прилагательныхъ *ый* (ай), *ая*, *ое*, *ій* (ей), *яя*, *ее*. Окончаніе *ый*, *ій* перешли въ нашъ литературный языкъ изъ старославянскаго; въ народномъ же говорѣ постоянно слышатся *ой*, *ей*; подъ удареніемъ мы и сами произносимъ не *ый*, а *ой*: *золотой*, *простой*, *чужой*. Такимъ образомъ прилагательныя явились съ окончаніями *короткими* и *долгими*, или первообразными и производными. Но въ современномъ языкѣ не во всѣхъ формахъ употребляются оба окончанія: *добръ* и *добрый*, *красивъ* и *красивый*, а *разный*, *глазной* безъ короткаго окончанія. Еще у Нестора употребляются прилагательныя *дѣтескъ*, *дѣвоческъ*, въ Русской Правдѣ *боярескъ*, во многихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ *отень*, *владычень*, тогда какъ теперь не иначе какъ *дѣтскій*, *дѣвическій*, *боярскій*, *отчій*, *владычній*.

Впрочемъ, и въ современномъ языкѣ встрѣчаются прилагательныя, которыя ходятъ только съ первообразнымъ окончаніемъ: *петровъ*, *лисицинъ*.

Числительныя порядковыя сохранили первообразныя окончанія только въ выраженіяхъ *самъ-другъ* (другой), *самъ-четвертъ* (четвертый), *самъ-пятъ* (пятый), *самъ-сотъ* (сотый); въ другихъ выраженіяхъ употребляются только съ производнымъ окончаніемъ.

Основная форма глагола. § 24. Признакомъ основной формы глагола у насъ служитъ окончаніе *ти* или сокращен-

*) О прочихъ см. въ отдѣлѣ «уменьшительныя слова».

ное *ть*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ переходитъ въ *сти* (сть) и *чь*. Эта форма называется *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* *) и выражаетъ дѣйствіе безъ отношенія къ лицу и времени.

Если глагольный корень оканчивается на чистую гласную, то окончаніе *ть* къ нему присоединяется прямо безъ всякаго посредства другихъ буквъ: *знать* (кор. *зна*), *дать* (кор. *да*). Въ другихъ же случаяхъ *ть* присоединяются къ корню или посредствомъ *гласной а, я, ѣ, и, е, о: брать* (кор. *бр*), *колоть* (кор. *кол*), *тереть* (кор. *тр*), или безъ всякаго ея посредства, но скрывая послѣднюю согласную корня и обращаясь въ *сти* или *чь*.

Окончаніе *сти* показываетъ, что въ корнѣ скрыта одна изъ буквъ: *с, д, т*; она тотчасъ обнаруживается передъ гласною: *грести—гребу*, *цвѣсти—цвѣтетъ—отцвѣтать*, *вести—веду—водить*.

Примѣчаніе. Въ другихъ родственныхъ языкахъ опущеніе коренной согласной буквы выражается удвоеніемъ слѣдующей, какъ напр., въ латинск. illuminatio, alligare, occultus, вм. inluminatio, adligare, obcultus. Но въ нашемъ языкѣ не терпѣлось удвоеніе звуковъ, поэтому вмѣсто удвоеннаго *т* является зубной *с*, какъ звукъ, легче и чаще всѣхъ сочетающійся съ *т*.

Въ словѣ *расти* буквы *ст* принадлежатъ окончанію, а не корню, хотя и въ корнѣ мы находимъ такія же буквы (*ростъ*), но коренныя здѣсь выпали по требованію языка, не любящаго удвоенія. Въ полной формѣ *расти* коренное *т* по общему правилу обратилось въ *с*, передъ которымъ коренной *с* долженъ былъ скрыться. Передъ гласною обѣ коренныя вновь возстановляются: *росту*. Къ этому же разряду словъ должны бы относиться и глаголы на *зти* (везти), гдѣ *з*, по общему правилу, должно измѣниться въ *с*; но мы пишемъ: *везти, лѣзть, ползти*, а не *вести*, *лѣсть*, *полсти*, удерживая коренную букву, хотя въ произношеніи и измѣняемъ ее на *с*.

Окончаніе *чь* показываетъ, что въ корнѣ должны быть звуки *г* или *к*. Въ нашемъ языкѣ эти звуки не легко соче-

*) Хотя новѣйшіе грамматики справедливо считаютъ неправильнымъ такое названіе этой формы, но мы его удерживаемъ за неимѣніемъ другого, болѣе точнаго.

таются съ *т*, но, измѣняясь въ *ж* и *ш*, сливаются съ нимъ въ одинъ звукъ—въ ц.-сл. *щ*, въ русск. *ч*. Такъ, напр., изъ общаго индо-европейскаго корня *нокт* (лат. noctu) составилось старо-славянское *нощть*, *нощь* и русск. *ночь*. Точно такимъ же образомъ произошло глагольное окончаніе *щи* (ц.-сл.) и *чь* (русск.) изъ *гти* и *кти*. Въ малорусск. нарѣчіи *гти* и *кти* остались безъ измѣненія: *пекти, стрегти*. Передъ гласной коренныя *г* и *к* вновь возстанавливаются: *пеку*, *жгу*.

Если послѣдняя буква корня есть носовая *м* и *н*, то передъ согласнымъ окончаніемъ *ть* она обращается, по общему правилу, въ носовое *я* (т.-е. въ *юсъ*: ѧ), которое послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* по требованію выговора обращается въ *а*. Это носовое *я* передъ гласной уступаетъ свое мѣсто кореннымъ звукамъ *м* (ем), *н* (ен), напр.: *мять—мну* (кор. *мн*), *распять—распну* (кор. *пн*), *жать—жму* и *жну* (кор. *жм* и *жн*), *взять—возьму* (кор. *ем*).

Переходъ глагола въ прилагательныя. § 25. Въ русскомъ языкѣ слова изъ одной части рѣчи легко переходятъ въ другую, что составляетъ *гибкость* языка—немаловажное его достоинство.

Разсмотримъ сперва переходъ *глагола* въ *прилагательныя*. При такомъ переходѣ свойства глагола (введеніе времени, вида) могутъ сохраняться, могутъ и теряться. Въ первомъ случаѣ являются *причастія*, во второмъ *отглагольныя* прилагательныя, напр., *видѣть* переходитъ въ *видимый*, *видѣнный*, *видный; колоть—колющій*, *колючій*, *колотый*. Какъ прилагательныя, причастныя формы въ современномъ языкѣ бываютъ *краткія* (или первообразныя): *я* (*а* послѣ ж, ч, ш, щ), *чи*, *въ* (вши), *лъ*, *мъ*, *нъ*, *тъ*, и *полныя* (или производныя) *щій*, *чій*, *шій*, *лый*, *мый*, *ный*, *тый* (*той*). Оконч. *я* (*а*), *чи*, *въ* (вши) могутъ назваться *неродовыми*, такъ какъ они не выражаютъ рода, но въ ц.-сл. яз. оконч. *я* (происшедшее изъ ѧ) и *въ* принадлежали только мужск. роду и могли склоняться, какъ прилагательныя:

м. р.	дѣлаѧ	ж. р. дѣлающи
р. п.	дѣлающа	дѣлающія
мн. ч.	дѣлающе	дѣлающи и пр.

м. р. дѣлавъ — дѣлавши
р. п. дѣлавша — дѣлавшія
мн. ч. дѣлавше — дѣлавши и пр.

У насъ же эти причастныя формы потеряли способность склоняться и выражать числа; онѣ стали уже опредѣлять не имя, а дѣйствіе и, слѣдственно, получили значеніе обстоятельственное. Такія формы въ нашихъ грамматикахъ стали называть *дѣепричастіями*, приравнивая ихъ къ нарѣчіямъ. Форма *учи, ючи* есть чисто-русская, народная: *будучи, дѣлаючи*, отъ которой произошли отглагольныя прилагат. на *чій: колючій, трескучій.*

Оконч. *я* присоединяется прямо къ корню глагола во 2 спряженіи *): любить—*любя, терпѣть—терпя, смотрѣть—смотря;* въ 1-мъ же спряженіи—къ гласной, соединяющей корень съ оконч. *ть: дѣлать—дѣлая, имѣть—имѣя.* Тамъ же, гдѣ нѣтъ гласной, *я* соединяется прямо съ корнемъ: *нести—неся, цвѣсти—цвѣтя.* Нѣкоторые глаголы неохотно переходятъ въ эту форму, какъ, напр., колоть, мять, жать, мочь, сѣчь, течь и другіе, большею частію первообразные.

Окончаніе *въ* присоединяется также къ гласной, соединяющей корень съ окончаніемъ основной формы, если она не *е*: *сдѣлать—сдѣлавъ, бросить—бросивъ;* если же въ основной формѣ гласная *е* или совсѣмъ нѣтъ гласной, то къ корню присоединяется вмѣсто *въ* одно *ъ*, а иногда окончаніе *ши: нести—несши, умереть—умерши, шедши, мочь—могши.*

Впрочемъ, коренные звуки *д* и *т* не постоянны, иногда они остаются, иногда выпадаютъ, уступая свое мѣсто *в: сѣсть—сѣвши, ѣсть—ѣвши, весть—ведши, цвѣсти—цвѣтши, плести—плетши.*

Это послѣднее окончаніе *ши* употребляется и при *в: сдѣлавши, ѣхавши.* Въ глаголахъ съ признакомъ *ну*, выражающимъ переходное состояніе, обыкновенно отбрасывается этотъ при-

---

*) Мы относимъ ко 2 спряженію всѣ глаголы, принимающіе въ настоящ. времени оконч. *ишь, итъ, атъ*, а къ 1 спряж. глаголы съ оконч. *ешь, етъ, утъ, ютъ.*

знакъ, чѣмъ эти глаголы отличаются отъ мгновенныхъ на *ну: дрябнуть—дрябши*, *мокнуть—мокши*, *мерзнуть—мерзши*, *увянуть—увядши*.

Въ ц.-славян. языкѣ изъ краткихъ формъ при помощи мѣстоименнаго оконч. *и* образовались полныя формы: *яй*, *ый*, *вый: піяй*, *ядый*, *сый*, *сотворивый;* у насъ же для полныхъ формъ являются окончанія *ущій*, *ющій*, *ащій*, *ящій*, *вшій*, *шій*. Въ старыхъ рукописяхъ вмѣсто *у* и *я* находимъ *юсы* ѫ, ѩ, слѣдовательно, въ окончаніяхъ *ящ*, *ущ* былъ слышенъ носовой звукъ. Отсюда видно, что признакъ нашего причастія одинаковъ съ признаками причастія настоящаго другихъ родственныхъ языковъ: нѣм. end, лат. ans, ens (ants, ents), греч. ωτ (ωντ). Коренной звукъ *т* въ славян. яз. измѣнился въ *щ* по вліянію слѣдующаго гласнаго придыхательнаго звука. Въ народномъ говорѣ рѣдко слышится эта отглагольная форма: она есть принадлежность нашего литературнаго языка и зашла сюда изъ языка ц.-слав. Ломоносовъ, составляя свою грамматику, также отнесъ эту форму причастія къ ц.-слав. языку. Звукъ *щ*, такъ часто употребляемый въ этомъ послѣднемъ, очень неохотно является въ русскомъ языкѣ, который вмѣсто него любитъ звукъ *ч*, что̀ мы уже видѣли прежде изъ многихъ примѣровъ. Такимъ образомъ, вмѣсто окончанія *щій*, русск. языку свойственнѣе *чій*, и надо полагать, что въ древнемъ языкѣ это окончаніе въ самомъ дѣлѣ принадлежало причастной формѣ, но что потомъ, утративъ обыкновенное выраженіе, оно стало принадлежать простымъ отглагольнымъ прилагательнымъ: такъ, ц.-слав. причастію *ходящій* соотвѣтствовало наше *ходячій*, *горящій—горячій* и *горючій*, *могущій—могучій*, *жгущій—жгучій*, *стоящій—стоячій*, *сидящій—сидячій*. Это же подтверждается и нашими краткими причастными оконч. *учи*, *ючи*. Окончанія *учій*, *ючій*, *ячій* прибавляется прямо къ корню глагола: *летучій*, *сыпучій*, *носячій*, *тягучій*, *плавучій*, *трескучій*, *толкучій*. Всѣ эти слова, уже какъ прилагательныя, приняли выраженіе качества, какъ свойства предмета, точно такъ же, какъ и нѣкоторыя слова на *щій*: *свѣдущій*, *всемогущій*.

Если въ народныхъ пѣсняхъ и попадаются формы на *щій*, то онѣ зашли сюда изъ ц.-слав. языка.

— Соловей птица *свистущая.*

—

— Увидѣлъ матушку *сидящую.*
Подъ окошечкомъ слезно плачучись.

—

— Что корова *заблудящая,*
Что ворона *залетящая.*

Оконч. *ущій, ющій* принадлежитъ 1 спряж., а *ящій, ащій*— второму: *вести—ведутъ—ведущій, дѣлать—дѣлаютъ—дѣлающій, летѣть—летятъ—летящій, кричать—кричатъ—кричащій.*

Различіе въ значеніи формъ *щій* и *вшій (шій)* такое же, какое и въ краткихъ формахъ. Первое означаетъ неопредѣленную продолжительность, вторая же—продолжительность опредѣленную. Отсюда въ первой формѣ лучше всего выражается настоящее время, а во второй—прошедшее. Впрочемъ, форма на *щій* способна выражать и будущее время, чтò видно въ самомъ словѣ *будущій* или изъ слѣдующихъ примѣровъ у Жуковскаго: «братьевъ моихъ истребленіе, тогда неизбѣжно *падущихъ*». «Руки *загребущи*, кости *распадущи*». Эту же форму употребляютъ и для выраженія прошедшаго времени, современнаго другому дѣйствію; у Пушкина: «презирая опасности, ему *угрожающія*, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію», у Дмитріева: «увидя старика, *входящаго* съ сумою, собака лаять начала».

Одинаковое значеніе съ короткою причастною формою на *въ* имѣетъ и другая на *лъ*; разница въ томъ, что первая не выражаетъ рода, вторая же способна выражать родъ: *лъ, ла, ло*, и потому можетъ назваться *родовою*; она также можетъ выражать окончаніемъ *ли* множеств. число всѣхъ родовъ, но, подобно первой, не имѣетъ нужды въ падежахъ. Образуется она точно такъ же, какъ и первая: въ ней также послѣ согласныхъ въ мужскомъ родѣ ед. числ. *л* пропадаетъ: *скребъ* (скреблъ), *несъ* (неслъ), *могъ* (моглъ), *влекъ* (влеклъ); впрочемъ, иногда выпадаютъ и язычные *д, т*, вм. *л*: *велъ* (ведлъ), *плелъ* (плетлъ), и тогда уже вновь не появляются въ женскомъ и сред. родѣ и во множ. ч., какъ *л*. Въ современномъ языкѣ нѣкоторые глаголы съ признакомъ *ну*, выражающимъ переходное состояніе,

стали удерживать свой признакъ, подражая разряду мгновенныхъ глаголовъ: *утонуть—утонулъ* (*утонувшій* и *утопшій*), *сгинуть—сгибъ* и *сгинулъ*, *окрѣпнуть—окрѣпнулъ* и *окрѣпъ*. Глаголъ *расти* выбрасываетъ и коренное *т*, и оконч. *л*, *в*: *росъ—росшій*.

Изъ краткой формы *лъ* произошла полная *лый*, которая перешла въ разрядъ прилагательныхъ, выражая постоянное свойство предмета: *служилый*, *смѣлый*, *лежалый*, *сидѣлый*, *прѣлый*, *бывалый*, *жилой*, *рослый*, *чахлый*.

Причастныя формы на *мъ—мый*, *нъ—ный*, *тъ—тый* имѣютъ значеніе *самостоятельнаго качества*, въ которое перешло дѣйствіе: *знаемый*, *читаемый*, *любимый*, *родимый*, *бываемый*, выражаютъ такія качества, которыя явились въ предметѣ вслѣдствіе дѣйствія и остались въ немъ постоянными. Съ этимъ вмѣстѣ соединяется и значеніе *возможности*, напр., *съѣдомое*—то, что можно ѣсть, *видимый*—тотъ, кого можно видѣть, *уязвимый*—кого можно уязвить, *поправимый*—что можно поправить, *терпимый*,—что можно терпѣть. Смыслъ рѣчи часто придаетъ этой формѣ значеніе страдательнаго залога настоящаго времени; но самая форма не имѣетъ исключительно этого значенія, такъ какъ въ нее могутъ переходить и средніе глаголы: *бываемый*, *входимый*, *неизсякаемый*, тьма *несвѣтимая*, *сокрушимый*, *удержимый*, *уловимый*, *сгораемый*. Оконч. *емый*, *омый* принадлежатъ первому спряженію; *имый*—второму. Исключается: *ѣсть—ѣдомый*.

Формы *ный*, *тый* заимствовали свои суффиксы *н*, *т* изъ мѣстоименій 3 лица (онъ, тъ), указывающихъ на предметъ, отдаленный отъ говорящаго лица: слѣд., съ ними связывается представленіе объ отдаленности, отвлеченности. Отсюда имъ приписывается значеніе прошедшаго времени, такъ какъ въ немъ конченное дѣйствіе уже перешло въ качество или отвлечено отъ дѣйствія. Страдательное значеніе этихъ формъ зависитъ также отъ смысла рѣчи, напр., *почтенный* человѣкъ, *битая* посуда, *воспитанное* дитя не имѣютъ значенія страдательнаго, а человѣкъ, *почтенный всѣми* за свои заслуги, посуда, *битая въ теченіе года*, дитя, *воспитанное въ хорошемъ домѣ*, принимаютъ смыслъ страдательный. Глаголы, имѣющіе смыслъ средняго залога, также могутъ принимать эти формы: *сиженый*, *хоженый*, *ѣзженный*, *плытый*, *житый*.

Въ старинномъ языкѣ глаголы свободнѣе принимали обѣ формы *ный* и *тый: зватый* и *званный, знатый — узнанный, одѣнъ — одѣтъ, обогрѣны — обогрѣты.* Разница между ними въ томъ, что *ный* выражаетъ болѣе отвлеченности, тогда какъ *тый* нагляднѣе представляетъ качество: *омытый—омовенный, открытый—откровенный, убитый—убіенный.* Въ современномъ языкѣ форма *тый* употребляется: 1) въ простыхъ (коренныхъ) глаголахъ съ гласнымъ окончаніемъ корня, исключая *а*, съ которымъ соединяется форма *ный; дуть—дутый, мыть—мытый, брить—бритый, грѣть—грѣтый*; изъ глагола *жать—жатый*, а не *жанный*, потому что здѣсь *а* произошло изъ юсоваго *я* послѣ *ж.* 2) въ глаголахъ съ соединительн. гласной *о, е* послѣ *л, р*, причемъ *е* выпадаетъ, а *о* остается; *тереть—тертый, колоть—колотый, молоть—молотый*, 3) въ глаголахъ съ примѣтою *ну*: *двинуть—двинутый, гнуть—гнутый.* Въ прочихъ случаяхъ употребляется суффиксъ *н*, который въ современномъ языкѣ часто удвоивается; въ глаголахъ на *ать н* прямо присоединяется къ *а*: *дать—данный, узнать—узнанный*; въ глаголахъ на *ить, сти, чь* онъ присоединяется къ корню съ помощью *е*, которое имѣетъ вліяніе на измѣненіе предыдущихъ гортанныхъ *г, к*, а иногда и язычныхъ *д, т*: *варить — варенный, родить — рожденный* (ц.-сл. рожденный), *ѣздить—ѣзженный мостить—мощенный, вразумить—вразумленный* (*л* послѣ губн. *м*), *вести—веденный, жечь*—(жг.) *жженный, сѣчь — сѣченный, толочь—толченный.* Въ глаголахъ съ гласною *ѣ*, одни удерживаютъ ее въ письмѣ, другіе замѣняютъ буквою *е*: *видѣть—видѣнный, обидѣть—обиженный, высидѣть—высиженный.*

Примѣч. «Общее правило то, что эта форма причастія образуется исключительно отъ темы неопред. накл. (безъ оконч. *ть*) и непремѣнно при помощи соединительной гласной, т.-е. *е*. Все различіе, впрочемъ, кажущееся, заключается лишь въ томъ, что при темахъ на согласный звукъ, *е* остается чистымъ, какъ *несенъ, веденъ* и т. д.; при темахъ на гласные звуки, кромѣ *и*, совершается обычная ассимиляція (уподобленіе звука) и поглощеніе одного изъ одинаковыхъ звуковъ: *читати—читаенъ—читаанъ—читанъ; умѣти—умѣенъ—умѣѣнъ—умѣнъ* (недоумѣніе); что же касается до тематическаго звука *и*, то извѣстно свойство его превращаться передъ гласнымъ въ j (ь), отсюда *род-ити* съ соединительнымъ *е* должно образовать форму

родиенъ—родіенъ—рожденъ. Вотъ почему и всѣ глаголы съ темою на *и* въ причастіи на *нъ* неизбѣжно требуютъ смягченія всѣхъ смягчаемыхъ согласныхъ». (Лавровскаго «Объ истор. грам. Буслаева». Записки Имп. акад. н., т. VIII, кн. I, 1865).

Если оконч. *ный* прямо присоединяется къ корню глагола, а не къ глагольной темѣ, какъ въ предыдущихъ примѣрахъ, то и самая форма будетъ заключать въ себѣ меньше глагольнаго значенія и переходитъ въ разрядъ прилагательныхъ именъ, напр., *вид-ный, слыш-ный, род-ной, год-ный, вред-ный.*

Примѣч. Въ народныхъ пѣсняхъ всѣ причастныя формы, переходя въ прилагательныя и, слѣд., выражая одно качество, смѣшиваются между собою и употребляются одна вмѣсто другой: молва *неутѣшная* (*неутихающая*), вдова *неутѣшная* (которую нельзя утѣшить), милостыня *спасеная* (спасающая), мать *порожденная* (родившая), конь *неѣзжалый* (неѣзженный), *ѣзжалый* добрый молодецъ (ѣздившій), огонь *теплимый* (теплящійся).

Нѣкоторыя прилагательныя отличаются отъ причастій только удареніемъ: причастія *униженный, положенный, приданный, презрѣнный*—прилаг. *униженный, положенный, приданный, презрѣнный.* Можно полагать, что первыя перешли къ намъ изъ церковно-слав. яз., тогда какъ вторыя части—русскія причастныя формы, сдѣлавшіяся прилагательными. Нѣкоторые глаголы, чтобы перейти въ прилагательныя, употребляютъ два суффикса *л* и *н*, отчего составляется окончаніе *льный*, *кадить—кадильный, будить—будильный, родить—родильный, читать—читальный, мыть—мыльный.*

Когда дѣйствіе обращается въ свойство и способность предмета, то часто употребляется суффиксъ *к*: *терпкій, вязкій, ходкій, ломкій,* или съ перемѣною *к* въ *ч*: *гончій, ловчій, стряпчій, купчій, пѣвчій.*

Для выраженія *преобладанія* извѣстнаго дѣйствія какъ качества предмета, глаголы нерѣдко переходятъ въ прилагательныя посредствомъ окончаній *ивъ, ивый* въ связи съ суф. *к* (измѣняющ. въ *ч*) и *л*: *бранчивый, вспыльчивый, находчивый, заносчивый, сговорчивый, терпѣливый, молчаливый, тоскливый, хвастливый, крикливый.*

Переходъ существ. въ прилаг. § 26. Суффиксъ *н* имѣетъ весьма обширную область въ прилагательныхъ: онъ является во многихъ, корни которыхъ у насъ не употребительны, напр., *блѣдный* (pallidus), *праздный*, *полный* (pleo), *пышный*, *равный*, *черный*, *ясный*.

Съ помощію оконч. *ный (ной)* переходятъ многія имена существительныя въ прилагательныя: *вѣра—вѣрный*, *глава—главный*, *глазъ—глазной*. Замѣчательно, что передъ *ный* звуки *г, к, х* обращаются въ придых. *ж, ч, ш; влага—влажный*, *сокъ—сочный*, *смѣхъ—смѣшной*, *грѣхъ—грѣшный*. Это заставляетъ подразумѣвать передъ *ный* придыханіе, которое въ самомъ дѣлѣ появляется въ видѣ *ь*, послѣ *л: дѣльный*, *цѣльный;* въ польскомъ языкѣ оно выказывается постоянно.

Примѣч. Съ нашимъ окончаніемъ *ный* совершенно сходно греч. ινος и лат. inus, слѣд., *ь* передъ *ный* не что иное, какъ сократившееся первоначальное *i*.

Съ помощью звука *н* переводятся чужеземныя прилагательныя въ число нашихъ: familiaris—*фамильярный*, ideal—*идеальный*, cursive—*курсивный*, progressive — *прогрессивный*, privatus — *приватный* и пр.

Посредствомъ оконч. *ный* переводятся въ прилагательныя даже цѣлыя выраженія: *Богу молиться—богомольный*, *челомъ бить—челобитный*, *подъ небесами—поднебесный* и пр.

Звукъ *н* нерѣдко соединяется съ другими усвоительными окончаніями *ов*, *ев*, *ій*, *ин*: *гречневый* (греча), *коричневый* (корица), *верховный* (верхъ), *дневный* (день), *братній* (стар. братень), *Господній* (Господень). Оконч. *ній* прилагается къ существ., означающимъ время и мѣсто: *лѣтній*, *осенній*, *утренній*, *верхній*, *дальній*, *дольній*. Иногда двояко: *мужній— мужнинъ*, *братній—братнинъ*, *женній—женинъ*, *зятній—зятнинъ*.

Какъ въ причастіяхъ, такъ и въ прилагательныхъ *н* часто удваивается послѣ гласнаго звука.

Въ старо-русскомъ языкѣ имена существительныя переходили въ прилагательныя, измѣняя свое оконч. на *ь*, которое сократилось изъ *и* (оно же во многихъ языкахъ имѣетъ назначеніе переводить существительныя въ прилагательныя), напр.,

отъ существ. *Иванъ*, *Баянъ*, *Володимеръ*, *Ярославъ*, *Всеволодъ*, *Борисъ*, *человѣкъ*, *птица*, *галка* произошли прил. *Ивань*, *Боянь*, *Володимерь*, *Ярославль*, *Всеволожь*, *Боришь*, *человѣчь*, *птичь*, *галичь*. Въ современномъ языкѣ это *ь* или *и*, принявъ мѣстоименное окончаніе *й*, обратилось въ *ій* и переводитъ многія существ. въ прилаг., при чемъ измѣняются только звуки *г*, *к*, *х* и *ц*: *бѣлуга — бѣлужій*, *волкъ — волчій*, *пастухъ — пастушій*, *рыба—рыбій*, *лиса—лисій*, *птица—птичій*. Въ словахъ *ребячій*, *телячій*, *гусячій* и пр. т. п. окончаніе *ій* прибавилось къ полному неродовому окончанію: *ять*, *ать* (*ребять*, *телять)*, при чемъ *т* передъ *і* измѣнилось въ *ч*. Слова *кошачій* и *кошечій*, одинакія по назначенію, различаются производствомъ: первое произведено отъ уменьшит. *коша*, второе же отъ *кошка*.

Замѣчательно, что производственное окончаніе *ій* не употребляется при именахъ неодушевленныхъ существъ. Впрочемъ, и при одушевленныхъ вмѣсто *і* у насъ часто является слогъ *ов*, *ев*, означающій принадлежность или усвоеніе. Если усвоеніе относится къ извѣстному лицу или животному, тогда прилагательное принимаетъ первообразное окончаніе: *Петровъ*, *Ивановъ*, *отцовъ*, *бобровъ*; если же къ цѣлому роду лицъ и животныхъ, тогда является мѣстоименное окончаніе *ый*, *козловый*, *слоновый*, *горностаевый*, *кузнецовый*, *писцовый*. Здѣсь должно замѣтить, что слоги *овъ* и *овый* переводятъ въ прилагательныя только мужскія имена на *ъ*, *ь*. Усвоительное окончаніе *овый* отъ лицъ и животныхъ перешло и на вещи: *дубовый*, *ольховый*, *еловый*, *домовый*. Равносильно съ окончаніемъ *овъ* употребляется въ прилагательныхъ оконч. *инъ*, которое прикладывается къ именамъ лицъ и животныхъ съ женскимъ окончаніемъ *а*, *я*, *ь*: *батюшка—батюшкинъ*, *Ѳедя—Ѳединъ*, *Васька—Васькинъ*, *Маша—Машинъ*, *птица—птицинъ*, *сова—совинъ* и пр.

По этому же правилу составляются и наши фамиліи: къ имени съ мужеск. оконч. прибавляется *овъ*, *евъ*: *Ивановъ*, *Петровъ*, *Камышовъ*, *Волковъ*, *Каменевъ;* къ имени съ женскимъ оконч. прибавляется *инъ*: *Ѳоминъ*, *Лукинъ*, *Мышинъ*, *Лисицинъ*, *Кишкинъ*, *Шапкинъ*, *Щепкинъ*, *Неволинъ*.

Какъ оконч. *овъ* можетъ переходить въ *овый*, для того, чтобы выразить принадлежность цѣлой породы, такъ точно и оконч.

ин переходитъ въ *иный*, которое, впрочемъ, можетъ прилагаться только къ именамъ животныхъ, не обращая вниманія на ихъ окончанія: *воробьиный*, *голубиный*, *орлиный*, *звѣриный*, *лошадиный*, *львиный*, *муравьиный*.

Равносильно съ суффиксами *н*, *ов*, прилагательное образуется черезъ суф. *ск; царскій*, *женскій*, *конскій*, *сельскій*, *успенскій*, *русскій*, *январскій*. Старинное окончаніе было *скый*, гдѣ *ы*, послѣ *к*, по великорусскому выговору, не могло устоять и обратилось въ *i*. Передъ оконч. *скій* скрыто придыханіе *ь*, сократившееся изъ *и* (нѣм. isch, лат. icus). Оно обнаруживается послѣ *л; пріятельскій*, *ангельскій*, *апостольскій*, послѣ гласной обращаясь въ *й*: *византійскій*, *англійскій*, и послѣ *г*, *к*, *х*, которыя по этому случаю обращаются въ соотвѣтственныя придыхательныя *ж*, *ч*, *ш*: *человѣческій*, *дружескій*, *монашескій*, гдѣ *ь* для облегченія выговора переходитъ въ бѣглое *е*. Въ польскомъ языкѣ это придыханіе *ь* передъ оконч. *скій* сохранилось во всей силѣ; поляки говорятъ *паньскій*, *русьскій* и пр. Въ новѣйшемъ производствѣ у насъ законъ измѣненія гортанныхъ звуковъ оставленъ безъ вниманія, особенно при именахъ иностранныхъ, напр., *петербургскій*, *ямбургскій*, *гамбургскій*; поэтому при выговорѣ мы выпускаемъ звукъ *г*, который по законамъ нашего языка передъ оконч. *скій* устоять не можетъ. Слова, составленныя въ старину, сохранились у насъ и донынѣ въ правильной формѣ: *рижскій*, *волошскій*, *греческій* и др.

Примѣч. Наше оконч. *ьскій* одинако съ древне-нѣмецк. isk и съ новонѣмец. isch: Russisch, Französisch, съ гречес. — ιϰος, βασιλ-ιϰὸς (царскій), съ лат. icus, asiaticus (азіатскій), germanicus (германскій). Окон. isc попадается у Тацита въ названіи народовъ: Avarisci, Narisci. Родственное съ *искъ* встрѣчаемъ во француз. яз. оконч. esque: gigantesque, arabesque, grotesque.

Для избѣжанія непріятнаго стеченія звуковъ *чск*, — звукъ *к* передъ *скій* часто обращается не въ *ч*, а въ *т*, которое вмѣстѣ съ слѣдующимъ *с* сливается въ *ц*, напр. *мужикъ—мужитскій— мужицкій*, *дуракъ — дуратскій — дурацкій*. Такое же измѣненіе было въ старомъ склоненіи прилагательныхъ на *скый*: *человѣческый—человѣчестіи—человѣчестый*.

Имена, кончающіяся на *скъ*: *Бѣлозерскъ*, *Архангельскъ*,

Курскъ, *Полотскъ* и др., сами произошли отъ прилагательныхъ на *скій*, а потому, вновь переходя въ прилагат., они принимаютъ только оконч. *ій*, а не *скій; бѣлозерскій*, *архангельскій*, *курскій* и пр.

Имена, кончающіяся на *инъ*, выражающее единичность при переходѣ въ прилагательное на *скій*, теряютъ слогъ *ин: господинъ—господскій*, *дворянинъ—дворянскій*.

> *Примѣч.* Оконч. *скій* мы употребляемъ также при латин. прилаг. на icus и французск. на ique для того, чтобы перевести ихъ въ русскія; здѣсь латин. слогъ ic и франц. iqu, слившись съ нашимъ *ъскій*, произвели окончаніе *ическій: физическій* (physicus—physique), *гармоническій* (harmonicus—harmonique), *химическій*, *паническій* и пр.

Оконч. *скій* иногда соединяется съ другимъ усвоительнымъ слогомъ *ов*, *ев*, *ин*, отъ чего происходятъ окончанія *овскій*, *евскій*, *инскій: воровской*, *отцовскій*, *материнскій*.

Суффиксъ *т* въ окончаніяхъ *атъ*, *итъ*, *овитъ* выражаетъ обладаніе чѣмъ-либо: *женатъ*, *крылатъ*, *рогатъ*, *именитъ*, *сановитъ*, *домовитъ*, *ядовитъ*.

Переходъ нарѣчій въ прилагат. § 27. Нарѣчія времени и мѣста переходятъ въ прилагательныя посредствомъ окончанія *шній: внѣшній*, *всегдашній*, *вчерашній*, *здѣшній*, *нынѣшній*, *теперешній* и пр. Спрашивается, откуда здѣсь явился звукъ *ш*? Онъ могъ произойти только изъ мѣстоименнаго окончанія *сь*, которое иногда появляется при нашихъ нарѣчіяхъ, какъ, напр., *здѣсь* составилось изъ стариннаго *сдѣ*, *днесь* изъ *день*, или въ провинціальныхъ городахъ; *лѣтось*, *ночесь*, *нынѣсь*, *вчерась*, *тутось* и др.

Имя лицъ. § 28. Для производства различныхъ *названій лицъ* по ихъ качеству, дѣйствію, состоянію и пр. употребляются по большей части тѣ же суффиксы, что и въ прилагательныхъ. Суффиксами *ак* и *як* изображаются:

1. Названіе лица по его хорошему или дурному качеству: *острякъ*, *толстякъ*, *бѣднякъ*, *добрякъ*.

2. Названіе лицъ по ихъ промыслу, занятію, иногда и по

происхожденію изъ извѣстнаго мѣста. Эти имена происходятъ отъ именъ существительныхъ коренныхъ: *бурсакъ*, *морякъ*, *рыбакъ*, *скорнякъ*, *землякъ*, *прусакъ*, *полякъ*, *тулякъ*, *сибирякъ*. Эти же слова для выраженія женскихъ именъ къ слогу *як*, *ак* принимаютъ оконч. *ька*, въ которомъ *ь*, измѣнивъ предшествующее *к* на *ч*, выпадаетъ: *рыбачка*, *землячка*, *прусачка*, *сибирячка*, *казачка* и др.

Суф. *ик*, соединившись съ суффик. *н*, произвелъ оконч. *никъ* и представляетъ лица, обращающіяся около извѣстныхъ вещей и занятій: *мѣдникъ*, *печникъ*, *булочникъ*, *картежникъ*, *книжникъ*.

Суф. *скій*, соединившись съ суф. *ик*, образовалъ оконч. *щикъ* и *чикъ*: *ямщикъ*, *зеленщикъ*, *конторщикъ*, *заводчикъ*, *монетчикъ*, *наборщикъ*, *переводчикъ* и *перевощикъ*. Буквы *з*, *с*, *ст*, *ск* передъ оконч. *щикъ* трудно выговариваются, а потому отбрасываются: отъ *рѣзать*, *доносить*, *сыскать* составились *рѣщикъ*, *донощикъ*, *сыщикъ*.

Суф. *л*, соединившись съ оконч. *щикъ*, произвелъ оконч. *льщикъ*: *молотильщикъ* (молотить — молотилъ), *платильщикъ* (платить—платилъ), *плавильщикъ* и др.

Окончаніе *щикъ* иногда соединяется съ суф. *ов;* въ такомъ случаѣ происходитъ окончаніе *овщикъ*: *медовщикъ*, *гробовщикъ*.

Окончанію *икъ* въ женскомъ родѣ соотвѣтствуетъ оконч. *ица*: *булочница*, *картежница*, *конторщица*, *заводчица*, *переводчица*, *донощица*.

Впрочемъ, нѣкоторыя слова принимаютъ въ женскомъ родѣ другія окончанія: *ямщикъ—ямщичка*, *старикъ—старуха*, *дворникъ—дворничиха*.

Примѣч. Окончаніе *ица* родственно съ французскимъ esse и греческ. ισσα: princesse, tigresse, βασίλισσα.

Окончаніе *ачъ*, *ачь* употребляется для названія лицъ по обилію въ нихъ какого-нибудь качества: *богачъ*, *силачъ*, *усачъ*, *хохлачъ*, *бородачъ*, *лихачъ*. Эта порода именъ сходна съ прилагательною породою на *атъ*, изъ которой, какъ видно, она и произошла: *богатъ*, *хохлатъ*, *усатъ*.

Окончаніе *ачъ* иногда соотвѣтствуетъ окончанію *ецъ*, выражая имена лицъ, обращающихся въ извѣстномъ дѣйствіи:

ткачъ, *ковачъ*, *скрипачъ*, *трубачъ*, *творецъ*, *купецъ*, *боецъ*, *пѣвецъ*, *лжецъ*, *льстецъ*. *Ецъ* иногда соединяется съ друг. суффик. *л*, отчего образуется оконч. *лецъ*: *жилецъ*, *постоялецъ*, *сидѣлецъ*, *кормилецъ*, *владѣлецъ*. Слогъ *ецъ*, прибавляясь къ прилагательнымъ, выражаетъ названіе лицъ, выказывающихъ чѣмъ-нибудь свое качество: *храбрецъ*, *мудрецъ*, *упрямецъ*, *лѣнивецъ*, *знакомецъ*, *молодецъ*.

Наконецъ, имена земель и городовъ съ окончаніемъ *ецъ* выражаютъ ихъ уроженцевъ: *европіецъ* (отъ старин. Европія), *азіатецъ*, *новгородецъ*.

Окончанію *ецъ* въ женскомъ родѣ соотвѣтствуетъ *ица* и *ька*, первое употребительнѣе для именъ отглагольныхъ и прилагательныхъ, второе для выраженія уроженокъ извѣстной земли: *пѣвица*, *жилица*, *постоялица*, *кормилица*, *владѣлица*, *упрямица; европейка*, *азіатка*, *новгородка; знакомецъ—знакомка*, *молодецъ — молодка*, *купецъ — купчиха*. Нѣкоторыя имена совсѣмъ не могутъ переходить въ женскій родъ, какъ *творецъ*, *храбрецъ*, *мудрецъ*, *хитрецъ*.

Сходно съ окончаніемъ *ецъ* представляетъ имя дѣйствователя также оконч. *тель: создатель*, *предатель*, *учитель*, *толкователь*, *блюститель*.

Всѣ эти имена для выраженія женскихъ лицъ соединяются съ суф. *н* съ окончаніемъ *ица: предательница*, *учительница*, и проч.

Примѣч. Окончаніе *тель* вполнѣ сходно съ латин. tor и съ греч. τωρ, τήρ: creator (создатель), proditor (предатель) σωτήρ (спаситель).

Окончаніе *ичъ, ичь* употребляется для названія лицъ по отчеству. Здѣсь существуетъ слѣдующій законъ: имя отца съ родовымъ окончаніемъ переходитъ въ прилаг., принимая суф. *в*, *ев*, къ которому и прибавляется *ичъ*: *Петръ—Петровъ—Петровичъ*, *Василій—Васильевъ—Васильевичъ*. Имена же съ неродовымъ оконч. *а*, *я* прямо принимаютъ *ичъ: Кузьма—Кузьмичъ*, *Илья—Ильичъ*. Сюда же относятся слова: *царевичъ*, *княжичъ*, *баричъ*, *отчичъ*, *дѣдичъ*, *родичъ*, *родовичъ;* также названіе лицъ по происхожденію изъ нѣкоторыхъ русскихъ городовъ: *москвичъ*, *псковичъ*, *костромичъ*.

Примѣч. Оконч. *ичъ* совершенно сходно съ греч. ίτης, ίδης: Πολίδης, 'Ατρίδης.

Мужескому оконч. *овичъ*, *евичъ* соотвѣтствуетъ женское *овна*, *евна*: *Петровна*, *Васильевна*, а простому *ичъ* — женск. *инична*: *Лукинична*, *Ильинична*.

Но отъ *Никита* происходитъ *Никитична*. Для названія по происхожденію изъ городовъ эти женскія окончанія не употребляются.

Для названія лицъ по происхожденію изъ извѣстной области, по извѣстному сословію, а иногда и религіи, употребляется суф. *ан*, *ян*, въ связи съ друг. суф. *ин* или *ец*: *римлянинъ*, *кіевлянинъ*, *ладожанинъ*, *итальянецъ*, *африканецъ*, *дворянинъ*, *мѣщанинъ*, *крестьянинъ*, *гражданинъ*, *мірянинъ*, *клирошанинъ*, *магометанинъ*, *лютеранинъ*. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ именахъ оконч. *инъ*, *ецъ* прибавляется прямо къ корню безъ посредства *ан*, *ян*: *татаринъ*, *русинъ*, *испанецъ*, а въ нѣкоторыхъ при оконч. *анин*, *янин* является еще новый суф. *ит*: *москвитянинъ*, *тверитянинъ*.

Окончаніе *инъ* здѣсь имѣетъ значеніе единства, оттого во множеств. числѣ оно выпадаетъ: *римляне*, *христіане*, *крестьяне*.

Примѣч. Наше окончаніе *анинъ*, *янинъ* совершенно сходно съ греческ. ιανος и латин. anus: χριστιανός, africanus.

Въ названіи женскихъ лицъ, окончанія *инъ* и *ецъ* замѣняются оконч. *ка*: *римлянка*, *москвитянка*, *итальянка*, *дворянка*, *лютеранка*, *хозяйка*, *госпожа*, *барыня*, *боярыня*.

Женскія окончанія *ыня*, *ица*, *ша*, *иха* употребляются по большей части для выраженія званія мужа: *государыня*, *княгиня* (изъ стар. княгыни), *полковница*, *совѣтница*, *поручица*, *воеводша*. Впрочемъ, окончаніе *ша* преимущественно употребляется съ иностранными словами: *генеральша*, *ассесорша*, *профессорша*, *офицерша*, *слесарша*, *аптекарша*.

Примѣч. Въ древнемъ русскомъ языкѣ оконч. *ыни*, *ыня* изображали происхожденіе женщинъ изъ извѣстнаго народа *грекыня*, *ясыня*, *самаряныня*; теперь же для этого мы употребляемъ *ка*, *янка*.

Окончаніе *иха* употребляется при именахъ русскихъ женъ низшаго состоянія: *дьячиха*, *старостиха*, *повариха*, *ткачиха*;

употребляется также при именахъ собственныхъ: *Иваниха* — жена Ивана или Иванова. Иногда *иха* производитъ имена женъ отъ глагола: *шумиха*, *шутиха*, *трусиха*.

Окончаніе *истъ* перенято нами изъ другихъ языковъ и потому встрѣчается только при чужеземныхъ именахъ: *академистъ*, *семинаристъ*, *латинистъ*, *хористъ*. Изъ русскихъ именъ приняло его одно *гуслистъ*.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ окончаній, есть еще нѣсколько другихъ для выраженія имени лицъ, какъ, напр., *ай*, *яй*, *уй*, *ей*, *аха*, *уха*, но они встрѣчаются гораздо рѣже.

Имя дѣйствія. § 29. Имена, означающія внѣшнее дѣйствіе, ощутимое для чувствъ, чаще всего появляется со звуками *г*, *к*, *х*, *т*; *визгъ*, *трескъ*, *стукъ*, *блескъ*, *шорохъ*, *страхъ*, *трепетъ*, *хохотъ*.

Самое обыкновенное окончаніе для выраженія имени дѣйствія есть *ка*, которое прибавляется къ корню глагола: *носить—носка*, *плясать—пляска*, *скакать—скачка*, *гонять—гонка*. Другое окончаніе есть *ніе* и *тіе*, происшедшее изъ причастной формы на *нъ*, *тъ*: *рожденіе*, *воспоминаніе*, *страданіе*, *мытье*, *шитье*. Съ этими окончаніями имена дѣйствія приближаются къ именамъ отвлеченнымъ.

Имя орудія. § 30. Изъ суффиксовъ для изображенія орудій употребляются тѣ же, которыми означаются дѣйствующія лица и дѣйствія: *ок*, *ик*, *ник*, *ец*, *иц*, *ак*, *ка*: *катокъ*, *рукомойникъ*, *курильница*, *рѣзецъ*, *тесакъ*, *сѣчка*, *пряжка*, *рукоятка*. Здѣсь орудія разсматриваются наравнѣ съ дѣйствующимъ лицомъ и потому принимаютъ тѣ же окончанія лицъ. Имя дѣйстія также весьма часто переносится на орудіе или на вещь, употребляемую для дѣйствія: *свѣчка*, *краска*, *терка*, *соска*.

Многія имена орудій и вещей происходятъ изъ причастія на *ло*: *мыть—мыло*, *покрывать — покрывало*, *кадить — кадило*, *кропить — кропило*. Однако жъ, средніе глаголы, отличенные примѣтами *ѣ* и *ну*, не могутъ принять знакъ орудія *ло*. Иногда къ суф. *л* прибавляется еще окончаніе имени дѣйствія *ка*: *вѣшалка*, *курилка*, *будилка*, *прялка*.

Имена сосудовъ, назначенныхъ для вмѣщенія извѣстнаго вещества, являются съ суф. *ик* и *иц* въ связи съ суф. *н: чай—чайный—чайникъ*, *чернила—чернильный—чернильница*, *кофейникъ*, *молочникъ*, *сахарница* и пр.

Имена отвлеченныхъ понятій. § 31. Для выраженія отвлеченности качества, количества или дѣйствія, болѣе другихъ употребителенъ производственный слогъ *ство: лукавство*, *воровство*, *бѣгство*, *дѣвство*, *дружество*, *дѣтство*, *монашество*, *богатство*, *величество*, *единство*, *первенство*, *качество*, *количество*, *ничтожество*, *существо.*

Здѣсь нужно замѣтить, что передъ окончаніемъ *ство* скрывается придыханіе *ь*; оно обнаруживается послѣ *л: нахальство* (нахалъ), *удальство* (удалъ), послѣ гласной, измѣняясь въ *й: убійство* (убить); по этому случаю и гортанные *г*, *к*, *х* измѣняются въ *ж*, *ч*, *ш*, при чемъ отъ стеченія согласныхъ *ь* обращается въ *е: дружество* (другъ), *одиночество* (одинокъ), *монашество* (монахъ); отсюда исключается только слово *бѣгство.*

Иногда къ суф. *ств* прибавляется окончаніе *іе*: *царствіе*, *путешествіе*, *слѣдствіе*, *благоденствіе*, *дѣйствіе*, *бѣдствіе.*

Другое употребительное окончаніе *ость*, *есть* соединяется преимущественно съ прилагательными и причастіями: *старость*, *строгость*, *бодрость*, *крѣпость*, *усталость*, *терпимость*, *горесть*, *тяжесть*, *свѣжесть.*

Весьма употребительны также окончанія *ніе*, *тіе*, происшедшія изъ причастій: *чтеніе*, *опредѣленіе*, *искушеніе*, *бытіе*, *житіе*, *мытье.*

Кромѣ упомянутыхъ окончаній, есть еще нѣсколько употребительныхъ, какъ напр.: *ота: доброта*, *пустота*, *чернота; ьба*, *дружба*, *служба*, *пальба*, *ходьба; оба: худоба*, *злоба.*

Имя мѣста. § 32. Для указанія мѣста, гдѣ находятся вещи или совершается дѣйствіе, обыкновенно употребляются окончанія *ня* и *ище: ружейня*, *бойня*, *харчевня*, *курятня*, *овчарня*, *спальня*, *мыльня*, *сушильня*, *купальня*; *игрище*, *гульбище*, *пепелище*, *пожарище*, *жилище*, *святилище*, *училище.* При производствѣ имени мѣста отъ существительнаго окончанія *ня* (*н* суффиксъ

прилагат.) и *ище* присоединяются прямо къ корню; отъ глагола же—къ причаст. *лв: игрище* отъ *игра*, *жилище* отъ *жилъ*.

Окончаніе *ище* въ старо-русскомъ языкѣ употреблялось для опредѣленія пространства и разстоянія; такъ у Нестора *стрѣлище* — пространство, сколько пролетитъ стрѣла, *днище* — пространство, которое можно пройти въ продолженіе дня.

Имена уменьшительныя. § 33. Цѣль представленія предметовъ и ихъ качествъ въ уменьшенномъ видѣ бываетъ различна; иногда представляется просто малость или маловажность, иногда только ласка и вѣжливость, иногда презрѣніе.

Наши имена могутъ имѣть три степени уменьшенія. Наиболѣе употребительные суффиксы: *я* (ѫ), *к*, *ц*.

Юсовое *я* употребляется при именахъ собственныхъ: *Петя*, *Вася*, *Саша*, *Дуня*, или выражающихъ родство: *тятя*, *дядя*, *тетя* (здѣсь иногда *я* обращается въ *а: папа*, *мама*) или въ названія малолѣтнихъ животныхъ: *жеребя*, *теля*, *порося*. Впрочемъ, открыто у насъ ходитъ съ этимъ оконч. одно слово *дитя*; всѣ же другія мы переводимъ на вторую степень уменьшенія, съ оконч. *окв*, при чемъ носовой звукъ, скрытый въ *я*, снова появляется: *жеребенокъ*, *теленокъ*.

Первоначальное окончаніе всѣхъ словъ этой породы было *есть*: изъ него звукъ *т* выпалъ весьма рано; впрочемъ, въ косвенныхъ падежахъ онъ сохранялся долѣе, такъ, у Нестора мы еще встрѣчаемъ *родит. пад.* отъ *Юря* (уменьш.—Юрій)—*Юряти*; въ ц.-слав. и старо-русск. языкѣ *жеребяти*, *осляти;* во множеств. числѣ названія малолѣтнихъ животныхъ мы и теперь сохраняемъ *т: жеребята*, *ослята*. Этотъ же звукъ *т* перешелъ и въ производныя прилагательныя, измѣнившись на *ч* передъ *і (ь)*: *жеребячій*, *телячій*, *ребячій*. Имена *жиденята*, *чертенята*, *турченята*, *внученята*, *дѣвченята* составлены неправильно, вмѣсто *жидята*, *чертята*, *турчата* и пр.

Въ современномъ языкѣ мы всячески стараемся избѣгать этой породы съ оконч. *юсв*, и поэтому имена ласкательныя сблизили съ именами женскаго рода на *а* и *я*, и подражаемъ имъ даже въ склоненіи, а имена малолѣтнихъ животныхъ перевели въ родъ мужескій (*енокв)*, удержавъ только старое мно-

жественное число *(ята)*. Осталось лишь слово *дитя*, но и его въ косвенныхъ падежахъ нерѣдко мы силимся подвести подъ общія правила именъ съ родовыми окончаніями; такъ говорятъ въ винит. пад. *дитю* вм. *дитя*, въ твор. *дитею*, *дитятею* вм. *дитятемъ*; множ. число передѣлалось въ *дѣти*.

Оконч. *окъ*, *екъ*, *икъ* (для муж. р.), *ка* (для женск.), *ко* (для ср.) прикладываются къ корню именъ существительныхъ: *глазокъ*, *локотокъ*, *денекъ*, *дружокъ*, *крючекъ*, *листокъ*, *ломтикъ*, *кончикъ*, *рубчикъ*, *головка*, *шляпка*, *ручка*, *ведерко*, *ушко*, *времячко*.

Оконч. *окъ*, *екъ* и *икъ* ничѣмъ не разнятся одно отъ другого, и многія имена переходятъ въ уменьшительныя посредствомъ тѣхъ и другихъ слоговъ: *листокъ* и *листикъ*, *цвѣтокъ* и *цвѣтикъ*, *часокъ* и *часикъ*, *разокъ* и *разикъ;* при чемъ окончаніе *окъ* всегда притягиваетъ къ себѣ удареніе. Впрочемъ, кончающіяся на *г*, *к*, *х* всегда принимаютъ окончаніе *окъ: дружокъ*, *старичокъ*, а на *ж, ц* и *ч* — окончаніе *икъ: кончикъ*, *рубчикъ*, *ножикъ*, *мячикъ*. Здѣсь *ц* смягчается въ *ч*.

Передъ окончаніемъ *ка* и *ко* скрыто *ь*, которое часто обнаруживается послѣ *л* и гласной: *недѣлька*, *воробейко* (*ь* измѣн. въ *й*); вслѣдствіе же этого гортанные звуки *г*, *к*, *х* измѣняются въ соотвѣтственные придыхательные: *ножка* (нога), *ручка* (рука), *ушко* (ухо).

Имена на *мя* при уменьшеніи возстановляютъ выпавшее окончаніе *т*, которое передъ *ко* (ько) измѣняется въ *ч: времячко*, *сѣмячко*.

Многія имена, принявъ уменьшительные слоги, потеряли значеніе уменьшенія и ходятъ какъ имена простыя: *кусокъ*, *возокъ*, *мужикъ*, *вѣникъ*, *книжка*, *елка*. Для выраженія уменьшенія они вновь принимаютъ тѣ же уменьшительные слоги: *кусочекъ*, *возочекъ*, *мужичокъ*, *книжечка* и пр.

Слогъ *ецъ* очень рѣдко появляется при простыхъ именахъ (братецъ, изъянецъ): онъ преимущественно уменьшаетъ имена предложныя: *уродецъ*, *доходецъ*, *запасецъ*, *насосецъ*, *окладецъ*.

Уменьшительное оконч. *це* весьма употребительно въ именахъ средняго рода: *дѣльце*, *письмецо* *), *шильце*, *мыльце*,

---

*) *е* здѣсь обращается въ *о* подъ удареніемъ.

имѣньице, *чтеньице*. Здѣсь передъ *ц* скрывается *ь* и обнаруживается послѣ *л*. Оконч. *це* не можетъ уменьшать только имена, кончающіяся на гортан. *г*, *к*, *х*, изъ придых. *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и зуб. *ц*. Причина заключается въ неблагозвучіи, которое произошло бы отъ стеченія придыхательныхъ съ зубнымъ *ц*. Въ этомъ случаѣ обыкновенно употребляется окончаніе *ко*: *ухо*—*ушко*, *яйцо*—*яичко*.

И здѣсь многія имена съ уменьшительнымъ *це* потеряли значеніе уменьшенія: *солнце* (солонь), *сердце*, *яйцо*, *кольцо*.

Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ мы замѣчаемъ окончаніе *ута*, *юта*, какъ напр., *Машута*, *Васюта*, *Гришута*. Здѣсь только возстановляется *т*, отпавшее отъ носового окончанія *я*, при чемъ тонкій *юсъ* (я) измѣняется на широкій (*у*, *ю*).

Для выраженія уменьшенія иногда входитъ суф. *ш*, что видно въ словахъ *Маша*, *Даша*, *Саша* и пр., или *ыш*, часто выражающій малолѣтнихъ животныхъ и ихъ качества: *дѣтенышъ*, *гусенышъ*, *малышъ*, *глупышъ*, *заморышъ*, *подкидышъ*.

Народъ, желая выразить любовь къ предмету, представляетъ его въ уменьшенномъ видѣ; такъ, французы, за скудостью уменьшительныхъ окончаній, употребляютъ слово petit; у насъ многія уменьшительныя имена первой степени выражаютъ въ то же время и ласку. Впрочемъ, для этого болѣе служатъ вторая и третья степень.

Прилагательныя уменьшительныя, представляя въ предметѣ качества менѣе обыкновеннаго, принимаютъ суффиксъ *оват*: *бѣловатъ*, *староватъ*, *маловатъ*. Съ этимъ окончаніемъ *оватъ* (*ый*) образуются прилагательныя изъ имени существ., выражая извѣстное качество или свойство предмета въ малой степени: *плутоватъ*, *мужиковатъ*, *угловатъ*, *мѣшковатъ*, *ноздреватъ*.

Вторая степень уменьшенія представляетъ выраженіе любви, ласки или брани и презрѣнія. Здѣсь употребляется тотъ же суф. *к*, который соединяется съ суффиксомъ первой степени уменьшенія.

Отсюда съ носовымъ *я* (*ен*) произошло оконч. *енокъ*, которое представляетъ имена малолѣтнихъ животныхъ: *ребенокъ*, *жеребенокъ*, *гусенокъ*. Такъ какъ первая степень уменьшенія

на юсовое *я* (*теля*, *осля*) вышла изъ употребленія, то вмѣсто нея мы употребляемъ вторую, и потому здѣсь оконч. *енокъ* потеряло значеніе *ласки*. Но другія слова, какъ, напр., *глазенки*, *муженекъ*, *куманекъ*, представляются, какъ имена ласкательныя.

Соединеніе оконч. *ка* съ юсовымъ *я* произвело ласкательное окончаніе *енька*: *Васенька*, *Машенька*, *ноженька*, *свашенька*. Отъ него должно отличать оконч. *енка*, которымъ означается пренебреженіе или униженіе, оно всегда носитъ удареніе на слогѣ *ен*, тогда какъ оконч. *енька* остается безъ ударенія: *ноженка*, *рученка*, *лошаденка*, *душенка*, *деньженка*.

То же самое окончаніе *енькъ* (енькій), *енька* (я), *енько* (е) для выраженія ласки употребляютъ и прилагательныя: *бѣленекъ*, *скоренекъ*, *узенька*, *добренька*. Замѣчательно, что передъ *енекъ* (*кій*) суф. *к* въ прилаг. на *кій* совершенно пропадаетъ: *гладкій*—*гладенькій*, *короткій*—*коротенькій*, *сладкій*—*сладенькій*, *низкій*—*низенькій*. Прилагательныя съ первообразнымъ оконч. *енекъ* всегда принимаютъ удареніе на слогѣ *ен*, тогда какъ въ производной формѣ—на предыдущемъ слогѣ: *низѐнекъ*—*низенькій*, *узѐнекъ*—*узенькій*, *худѐнекъ*—*худенькій*.

Отъ соединенія уменьшительн. окончаній *ок*, *екъ*, *ка*, *ко* съ тѣми же окончаніями первой степени произошли оконч. *очекъ*, *чка*, *чко*: *дружочекъ*, *глазочекъ*, *елочка*, *ведерочко*. Впрочемъ, оконч. *чка* и *чко*: употребляется не во многихъ словахъ; вмѣсто нихъ употребительнѣе *ушко*, *ышко*, которыя составились черезъ соединеніе уменьшительн. оконч. *ух*, *ыш* съ другими уменьшительн. *ка* и *ко*: *матушка*, *лебедушка*, *голубушка*, *кумушка*, *Танюшка*, *солнышко*, *ведрышко*, *зернышко*, *перышко*, *гнѣздышко*, *стеклышко*.

Отъ нихъ должно отличать окончанія съ удареніемъ *ушка*, *юшка*, *ишко*, которыя выражаютъ пренебреженіе: *болтушка*, *вертушка*, *Ванюшка*, *Танюшка*, *дѣлишко*, *мѣстишко*, *сукнишко*. Сюда относятся мужскія имена: *воришка*, *мужичишка*, *мальчишка*.

Имена женск. рода принимаютъ унизительное окончаніе *ишка* безъ ударенія: *побѣдишка*, *наградишка*.

Въ именахъ собственныхъ, чтобы выразить пренебреженіе, обыкновенно *юсовое я* и *а* первой степени измѣняется на *ька*:

Васька, Манька, Дунька, иногда употребляются оконч. *утка, ютка: Васютка* (Васюта), *Машутка* (Машута), *Гришутка* (Гришута).

Третья степень уменьшенія мало употребительна; она составляется изъ второй черезъ прибавленіе тѣхъ же окончаній *ек, ка, ко*; ее принимаютъ имена малолѣтнихъ животныхъ для выраженія ласки, *ребеночекъ, гусеночекъ, теленочекъ;* также другія имена: *муженечекъ, куманечекъ, малюточка.*

Имена унизительныя второй степени дѣлаются въ третьей степени ласкательными: *старушеночка* (старушонка), *рученочка, душоночка, бабеночка, Машуточка, Гришуточка.*

Уменьшительныя формы у насъ особенно распространены въ областныхъ говорахъ, тамъ даже слышатся онѣ въ мѣстоимен.—*мнѣшеньки* и въ глаголахъ—*кушеньки, питеньки, спатеньки.*

Примѣч. Изъ другихъ индо-европ. языковъ замѣчателенъ итальянскій, въ которомъ уменьшительныя окончанія развиты едва-ли не болѣе, чѣмъ въ русскомъ. Тамъ тоже есть степени уменьшенія, или уменьшительныя отъ уменьшительныхъ, есть уменьшительныя, ласкательныя и унизительныя; звуки, служащіе для уменьшенія имени, суть: ch (k), l, n, t, и самыя обыкновенныя окончанія: ino, ina, lino, lina, cllo, etta, и 2 степ. ellino, icella, ettino: fiore (цвѣтокъ)—fiorello (уменьш. 1 степ.), fiorellino (умен. 2 степ.), uccello (птица)—ucelletto (1 ст.)—uccellettino (2 ст.). Вообще для выраженія уменьшенія, ласки и презрѣнія здѣсь развилось весьма много окончаній, которыя, впрочемъ, въ основныхъ звукахъ имѣютъ много общаго съ нашими.

Въ языкихъ латин. и греч. уменьшительныя окончанія весьма мало употребительны. Въ латин. языкѣ для этого ходитъ звукъ l: filiola, vetula, въ греч. ιχ, ιο, ας, равные нашимъ *их, иш, аш*: πόλις—πολίχνη (городишко), κόλιξ—κολίνη (чашечка), νίκη—νικιδκη (побѣдишка). Во француз. языкѣ также весьма мало употребительны уменьшит. окончанія; обыкновенные здѣсь звуки t и носовое n. Въ нѣмец. яз. въ большомъ употребленіи уменьшеніе именъ собственныхъ: въ оконч. chen являются тѣ же звуки, какъ и у насъ.

Имена увеличительныя. § 34. Увеличительныя имена у насъ составляются не для того, чтобы возвысить достоинство предмета, а чтобы показать его массивность и величину, доходящую иногда до безобразія; отъ этого многія имена уве-

личительныя въ то же время заключаютъ въ себѣ и выраженіе униженія, презрѣнія.

У насъ самыя употребительныя окончанія *ище*, *ища*. Замѣчательно, что всѣ имена мужского рода при увеличеніи переходятъ въ неродовыя: *домище*, *дворище*, *мужичище*, *комодище*, *огородище*. Имена женскія принимаютъ оконч. *ища*: *ручища*, *книжища*.

Имена муж. рода лицъ и вещей могутъ принимать и другое неродовое окончаніе *ина* съ удареніемъ: *дѣтина*, *старичина*, *мужичина*, *молодчина*, *домина*. Съ этимъ окончаніемъ не всегда соединяется выраженіе презрѣнія. Иногда оба окончанія соединяются и составляютъ *инище*: *мужичинище*, *старичинище*. Впрочемъ, такія слова можно назвать простонародными.

Оконч. *аха*, *яха*, *еха*, *уха*, *юха*, прилагаясь къ именамъ, приносятъ съ собою нѣчто унизительное: *Васюха*, *Ѳеклуха*, *лепеха*. Впрочемъ, эти окончанія отдѣльно рѣдко употребляются.

Прилагательныя увеличительныя выражаютъ качество предмета въ большей степени. Здѣсь оконч. *енькій* (*онькій*) соединяется съ суф. *ех*—*еш*, *ехонькій*, *ешенькій*: *бѣлехонькій*, *близехонькій*, *скорешенькій*. Имена существ. переходятъ въ эту породу съ оконч. *авый*, *ивый*, *астый*, *истый*, и вносятъ въ прилагательное понятіе о множествѣ, большомъ количествѣ или преобладаніи извѣстнаго свойства: *дырявый*, *лукавый*, *кудрявый*, *величавый*; *льстивый*, *игривый*, *спѣсивый*; *носастый*, *глазастый*, *губастый*, *зубастый*, *волнистый*, *голосистый*, *тѣнистый*, *льдистый*, *мозолистый*, *мясистый*.

Формы сравненія. § 35. Предметы могутъ быть сравниваемы между собою въ одномъ и томъ же качествѣ, отъ чего въ прилагательныхъ произошли степени сравненія:

1) *Положительная*, представляющая нормальное качество въ предметѣ безъ всякаго отношенія его къ другому предмету; это—прилагательное съ своимъ обыкновеннымъ окончаніемъ.

2) *Сравнительная*, представляющая сравненіе между двумя предметами, изъ которыхъ въ одномъ извѣстное качество преобладаетъ.

3) *Превосходная*—для выраженія преобладанія извѣстнаго качества въ предметѣ, сравнительно со всѣми ему подобными.

Само собою разумѣется, что только тѣ прилаг. могутъ имѣть эти степени, въ которыхъ выражаемыя ими качества возможно сравнить въ предметахъ.

Отличительнымъ признакомъ для сравнительной степени служитъ слогъ *ѣйш* (съ удареніемъ); здѣсь послѣ *ж, ч, ш, щ,* буква *ѣ* по общему закону измѣняется въ *а—айш*. Это окончаніе прибавляется къ корню прилагательнаго, при чемъ всѣ умягчаемые звуки отъ вліянія *ѣ* переходятъ въ соотвѣтствующіе придыхательные: *добрый—добрѣйшій, легкій—легчайшій, дорогой—дорожайшій.*

Сокращеніе формы сравнительной степени *ѣйш* мы замѣчаемъ уже въ первыхъ нашихъ рукописяхъ. Какъ въ причастіяхъ дѣйствительныхъ, въ имен. пад. не слышны были звуки *щ* и *ш* (*дѣлаяй* вм. *дѣлающій, хранивый* вм. *хранившій*), такъ и въ сравнительной степени исчезло *ш* и являлось окончаніе *ѣй* или *ѣе: старѣй—старѣе, честнѣй—честнѣе.* Въ ц.-славян. яз. употребительнѣе было оконч. *ій, болій, мній, старій.*

Примѣч. Послѣ *ж, ч, ш, щ,* вмѣсто *ѣе* употреблялось оконч. *ае*, какъ вмѣсто *ѣйшій—айшій*; нынѣ оно превратилось въ *е*. Еще наши писатели прошедшаго столѣтія употребляли форму на *ае*: какъ, напр., *Кантемиръ, Тредьяковскій, Сумароковъ, импер. Екатерина II* и др., *кратчае, мельчае, строжае,* нынѣ мы говоримъ *кратче, мельче, строже. Е* употребляется въ нѣкоторыхъ словахъ и вмѣсто *ѣе* послѣ *л, р*: *старе, боле, тяжеле.* Въ старину послѣ *л, н, р* допускалось также измѣненіе *ѣе* на *яе*: *скоряе, свѣтляе, смирняе;* нынѣ *скорѣе, свѣтлѣе, смирнѣе.*

Въ нѣкоторыхъ словахъ изъ полной формы *ѣйш* уцѣлѣлъ только звукъ *ш*, отчего явилось окончаніе *ше* и *шій; старше—старшій, меньше—меньшій, больше—большій, дальше—дальшій, лучше—лучшій* и пр.

Прилагат. на *кій* при переходѣ въ сравнительную степень теряетъ свое *к*: *тонкій—тоньше, высокій—выше, широкій—шире, жидкій—жиже, гладкій—глаже, узкій—уже.* Прилаг., происшедшія отъ существ. и нарѣчій, не могутъ имѣть степеней сравненія, тогда какъ отглагольныя, въ которыхъ дѣйствіе превратилось въ постоянное свойство или качество, принимаютъ и

сравнительныя формы: *ходкій—ходче, звонкій—звонче, робкій—робче, тряскій—трясче*. Впрочемъ, не всѣ изъ нихъ употребительны. Замѣтимъ, что здѣсь *к* никогда не отбрасывается, а измѣняется въ *ч*.

Превосходная степень въ русскомъ языкѣ потеряла свою особенную форму. Въ народномъ говорѣ иногда слышатся причастныя окончанія *ущій*, соотвѣтствующія окончанію увеличительныхъ существительныхъ на *ище*, и *енный*, напр., *большущій, злющій, завидущій, тьмущій, большенный, страшенный*. Но обыкновенно для выраженія превосходства мы употребляемъ форму сравнительной степени и отличаемъ одну отъ другой такимъ образомъ: при сравнительной ставимъ имя того предмета, который беремъ для сравненія: *лучше меня, богаче, чѣмъ Крезъ*, а превосходная можетъ стоять отдѣльно или съ мѣстоим. *всѣхъ*, иногда съ предлогами *изъ, передъ, между*, что не допускается при сравнительной: *добрѣйшій изъ всѣхъ, добрѣйшій между людьми, лучше всѣхъ*.

Нѣкоторыя изъ нашихъ словъ сравнительной степени сдѣлались исключительнымъ выраженіемъ превосходной, напр., слова, имѣющія двоякую сравнительную форму: *великій* и *большой—большій* (сравн.), *величайшій* (превосх.), *низкій—низшій* (сравн.)—*нижайшій* (прев.), *высокій—высшій* (сравн.)—*высочайшій* (прев.) и проч. Обыкновенно же сокращенная форма есть собственность сравнительной степени, а полная чаще выражаетъ превосходную.

Для выраженія превосходства употребляются также мѣстоим. *самый, все*, нарѣч. *очень, весьма* и частицы *пре, наи;* нарѣчіе говорится съ положительной степенью, а прочія съ положительной и сравнительной: *самый хорошій, самый лучшій, пресвѣтлый, пресвѣтлѣйшій, всемилостивый, всемилостивѣйшій*. Также употребляются выраженія: *что ни* есть лучшій, *куда* онъ у тебя *завидная* скотина (Крыл.).

Замѣчательно, что прилагательныя, выражающія понятія хорошаго, дурного, великаго, малаго, многаго, во всѣхъ сродныхъ языкахъ имѣютъ особыя степени сравненія: *хорошій—лучшій*, ц.-сл. *добрый—уній—уншій; злый—горшій; большой, великій—большій, вящій; малый—меньшій—мніи* (ц.-сл.).

Примѣч. 1. Для сравненія приводимъ изъ другихъ языковъ: нѣм. gut—besser, франц.—bon—meilleur, латин. bonus—melior—optimus; ἀγαθός—ἀμείνων—ἄριστος, βελτίων—βέλτιστος, κρείσσον—κράτιστος, λῷον—λῷστος; фр. mauvais—pire, лат. malus—pejor—pessimus, греч. κακός—χείρων, ἥσσων—ἥκιστος, фр. petit—moindre, лат. parvus—minor—minimus, греч. μικρός—ἐλάσσων—ἐλάχιστος, μείων—μεῖστος; нѣм. viel—mehr—meist, фр. plus, лат. multus—plus—plurimus, греческ. πολύς—πλεῖον—πλεῖστος.

Примѣч. 2. Признаки степеней сравненія во многихъ языкахъ употребляются для образованія числительныхъ порядковыхъ, напр., въ нѣмецкомъ языкѣ признакъ превосходной степени ste, te: erste, zweite, zwanzigste и проч., или франц. ième (deuxième, troisième) родственное латинск. imus. Лат. prior выражаетъ сравнительную степень—*первый изъ двухъ.* Для выраженія *второй* въ греч. языкѣ также употребляется форма сравнит. степени *тер* (τερ). Сходно съ греческимъ словомъ (δεύτερος) та же форма выказалась и у насъ въ словѣ *второй.* Слогъ *тор* здѣсь не что иное, какъ древнѣйшая индо-европ. форма сравнит. степени; она у насъ обнаружилась еще въ словѣ *который* и въ старин. *етеръ* (нѣкоторый) *).

Равнымъ образомъ *третій, четвертый* (греч. τρίτος, τέτταρτος, лат. tertius, quartus) въ оконч. *тій, тый* представляютъ признаки древнѣйшей превосходной степени. *Четыре* могло произвести *четвертый* по родству *ы* съ *въ.*

Сравнительная степень прилагательн. на *ѣе, е* переходитъ въ нарѣчіе, а для выраженія превосходной степени нарѣчіе иногда принимаетъ оконч. *охонько, ешенько: тихохонько, бѣлешенько.*

Производство залоговъ. § 36. Когда изъ имени нужно составить средній залогъ, то употребляютъ букву *ѣ*, напр., *пламя, глазъ, бѣлъ, старъ, теменъ* производятъ *пламенѣть, глазѣть, бѣлѣть, старѣть, темнѣть.*

Такіе глаголы, произведенные изъ именъ прилагательныхъ, выражаютъ *переходъ изъ одного состоянія въ другое*, какъ *бѣлѣть, старѣть* и пр. Всѣ же другіе выражаютъ постоянное или временное пребываніе въ извѣстномъ состояніи.

---

*) Слѣд., первоначальное значеніе «который» было: *который изъ двухъ.* Шлейхеръ производитъ *второй* отъ основной формы an tara (an указат. мѣст. и tar суффиксъ сравнит. степ.), гдѣ *an*, какъ носовой звукъ, у насъ перешло въ *у*, которое въ свою очередь измѣнилось въ *в.*

Послѣ придыхат. буквъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* буква *ѣ* переходитъ въ *а*: *мелокъ—мельчать*, *ветхъ—ветшать*, *тощъ—тощать*, *умникъ—умничать*, *сердце—сердчать*. При переходѣ именъ въ глаголы, имена лишаются признаковъ рода и склоненія, и глаголъ обыкновенно производится отъ основной ихъ формы. У прилагательныхъ на *яный* основною формою считается старинное окончаніе *ен*, а не нынѣшнее *ян*. Поэтому отъ *деревянный*, *костяной*, *ледяной* дѣлаются глаголы *деревенѣть*, *костенѣть*, *леденѣть*.

Въ глаголахъ отъ именныхъ буквъ *ѣ (а)* остается примѣтою во всѣхъ глагольныхъ формахъ: *бѣлѣть—бѣлѣю—бѣлѣлъ—бѣлѣющій*, тогда какъ въ другихъ глаголахъ она исчезаетъ: *хотѣть—хочу*, *глядѣть—гляжу*, *терпѣть—терплю*.

Кромѣ буквы *ѣ*, для выраженія средняго залога иногда употребляется буква *н* съ гласною *у*. Эта примѣта *ну* образуетъ глаголы всегда отъ чистаго корня и также выражаетъ *переходъ изъ одного состоянія въ другое*: *зябнуть*, *дрябнуть*, *сохнуть*, *глохнуть*, *меркнуть*, *чахнуть* и др. Такіе глаголы въ причастной формѣ выкидываютъ слогъ *ну (зябъ*, *крѣпъ*, *гибъ)* и тѣмъ отличаются отъ глаголовъ совершенно другой породы съ примѣтою *ну*, которые выражаютъ мгновенность дѣйствій: *кольнуть*, *двинуть*: эти сохраняютъ во всѣхъ своихъ формахъ отличительную примѣту (кольнуть—кольнувшій, двинуть—двинувшій).

Букву *и* мы употребляемъ при производствѣ дѣйствительнаго залога отъ имени тамъ, гдѣ для средняго употребляемъ *ѣ*, при чемъ гортанныя буквы переходятъ въ соотвѣтствующія придыхательныя: *пламенить*, *бѣлить*, *темнить*, *сушить* (сухъ), *вручить* (рука), *двоить*, *троить*.

Съ помощью этой же буквы средніе залоги переходятъ въ дѣйствительные, при чемъ происходитъ и усиленіе, или подъемъ гласныхъ въ корнѣ или въ срединѣ слова.

1. Гласныя *е*, *и* измѣняются въ *о*: *мереть—морить*, *звенѣть—звонить*, *пить—поить*, *гнить—гноить*; *ѣ* въ *а*: *сѣсть—садить*; *ы* въ *у*: *стынуть—студить*, *гибнуть* (кор. *гыб*)—*губить*. Иногда *и* перемѣняется въ *ѣ* и наоборотъ: *липнуть—лѣпить*, *висѣть—вѣсить*.

2. Коренная буква *ы*, оканчивая собою корень, измѣняется въ родственный слогъ, *ов, ав: слыть—славить* и *словить, плыть—плавить, прибыть—прибавить.* Изъ глагола *киснуть* произошелъ дѣйствительный *квасить*, потому что корень его не *кис*, а *кыс*, гдѣ *ы* перешло въ *ва*.

Если корень глагола оканчивается на гласную *а*, то между нею и соединительною *и* является придыханіе *в: стать—ставить*.

Согласная, скрытая въ глагольной темѣ, возстановляется, при чемъ гортан. *г, к* измѣняются передъ *и* въ соотвѣтствующія *ж, ч: лечь—ложить, течь—точить, тонуть* (кор. *топ*)—*топить, зябнуть* (*я—ѧ*)—*знобить, расти—растить.*

Въ русскихъ глаголахъ суф. *ов, ев* переходитъ въ родственную гласную *у, ю* передъ гласными личныхъ окончаній: *тосковать—тоскую, горевать—горюю.*

Примѣч. Ему соотвѣтствуетъ въ греческ. яз. производственная υ (съ предыдущею ε), которая тоже бываетъ то гласною, то согласною. Какъ у грековъ отъ именъ πίστις (вѣра), ἡμέρα (день) составились глаголы πιστεύω, ἡμερεύω, такъ у насъ отъ именъ *вѣра, день—вѣровать, дневать.*

Глаголы съ этою примѣтою производятся, большею частію, отъ первообразныхъ именъ, а изъ производныхъ преимущественно способны переходить имена, кончающіяся на *тва* и *ство, ствіе.* Гласною соединительною здѣсь служитъ *а: ликъ—ликовать, горе—горевать, плутъ—плутовать, имя* (*я—ѧ*)—*именовать, мудръ—мудровать, жертва—жертвовать, чувство—чувствовать, царство—царствовать.*

Примѣч. Иностранные глаголы чаще всего переходятъ въ нашъ языкъ съ помощью суф. *ов, ев:* нѣм. mahlen—*малевать*, reissen—*рисовать*, werben—*вербовать*, tanzen—*танцовать;* франц. adresser—*адресовать*, risquer—*рисковать*, arrêter—*арестовать*, critiquer—*критиковать* и мн. др. Замѣтимъ, что здѣсь остаются безъ вниманія чужестранные производственные слоги is и ier, они не отбрасываются, а принимаются какъ коренные; такъ, въ нѣмец. глаголѣ anatomieren уже есть производственный слогъ ier, равный нашему *ов*, однако жъ, мы прибавляемъ къ нему и свой слогъ, произнося *анатомировать.* Слово *магнитизировать* заключаетъ въ себѣ три производственные слога изъ разныхъ языковъ: французскій глаголъ magnétiser, переходя въ нѣм. языкъ, удерживаетъ свой производ-

ственный is и еще принимаетъ другой нѣмец. слогъ ier: magnetisieren. Мы, перенявъ этотъ глаголъ у нѣмцевъ, прибавляемъ еще свой слогъ *ов: магнитизировать.*

Виды глагола. § 37. Въ большей части индо-европейскихъ языковъ весьма развились глагольныя времена: тамъ при одномъ настоящемъ встрѣчается нѣсколько прошедшихъ и будущихъ временъ. Возможность такого развитія заключается въ самомъ свойствѣ прошедшаго и будущаго, которымъ принадлежитъ безчисленное множество мгновеній, слѣдственно, одно и то же дѣйствіе въ нихъ можетъ выражаться весьма различно: оно можетъ быть или предшествующимъ, или современнымъ другому дѣйствію, близкимъ или отдаленнымъ.

Русскій языкъ въ этомъ случаѣ удалился отъ родственныхъ языковъ; у него есть средства выражать три главныя времени—настоящее, прошедшее и будущее, но онъ не развилъ ихъ для выраженія различныхъ обстоятельствъ дѣйствія. Вмѣсто этого въ немъ развился другой способъ различать дѣйствіе, которое можетъ выказаться въ разныхъ степеняхъ продолжительности. Такое проявленіе дѣйствія мы называемъ дѣйствіемъ *по кратамъ*, а кратныя степени глагола называемъ глагольными видами. Способъ выражать дѣйствіе по кратамъ развитъ только въ языкахъ славянскихъ, въ другихъ европейскихъ языкахъ онъ едва проявляется.

Имѣя въ виду всѣ прежнія изслѣдованія нашихъ филологовъ, представляемъ русскіе глагольные виды въ такомъ изображеніи:

1. Основаніемъ видового дѣленія служитъ *кратность* дѣйствія, т.-е. степень его продолжительности, которая нерѣдко выражается въ повтореніи дѣйствія.

2. Изъ этого основанія вытекаютъ три кратныя степени, или три вида: *однократный*, *неопредѣленный* и *многократный*. Однократный выражаетъ дѣйствіе, ограниченное въ своей продолжительности, опредѣленное временемъ, мѣстомъ или какимъ обстоятельствомъ. Если я говорю: *я двинулъ*, *я шелъ*, *я велъ*, *я заперъ*, *птица летѣла*, то здѣсь я разумѣю одинъ извѣстный случай, въ которомъ выразилось опредѣленное дѣйствіе или

на одномъ пунктѣ, или въ одномъ извѣстномъ направленіи, или доведенное до конца.

Къ неопредѣленному виду относятся всѣ глаголы, которые могутъ выражать дѣйствіе, неопредѣленное въ своей продолжительности: *двигалъ*, *ходилъ*, *водилъ*, *запиралъ*, *птица летала*.

Примѣч. Представляя дѣйствіе одного раза, эти глаголы не могутъ смѣшиваться съ *однократными*, потому что постоянно сохраняютъ въ себѣ нѣкоторую неопредѣленность. Такъ какъ всякое дѣйствіе совершается въ пространствѣ и во времени, то и глаголы должны указывать на то и другое. Однократные представляютъ намъ опредѣленное пространство, дѣйствіе въ одномъ извѣстномъ направленіи, тогда какъ неопредѣленные, представляя дѣйствіе одного раза, указываютъ на неопредѣленность пространства или же неоконченность во времени. Такъ, напр., выраженіемъ *я водилъ* я могу иногда представить дѣйствіе одного раза, но тогда я представляю, что дѣйствіе совершалось не по одному извѣстному направленію (какъ *я велъ*), а измѣняло его.

Глаголы, выражающіе духовную дѣятельность, всѣ относятся къ виду неопредѣленному: *мыслить, думать, грустить.* Сюда же безъ исключенія относятся всѣ глаголы, выражающіе переходное состояніе, какъ изъ породы *ѣ*, такъ и изъ *ну: болѣть, старѣть, зябнуть.*

Многократный видъ выражаетъ всегда дѣйствіе, усиленно продолжительное, растянутое, по большей части, повторявшееся въ извѣстный періодъ времени: *хаживалъ*, *сиживалъ*.

Изъ коренныхъ, или первообразныхъ глаголовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы многократнаго вида. Изъ нихъ одни относятся къ однократному, другіе къ неопредѣленному.

Въ народныхъ діалектахъ употребленіе видовыхъ степеней гораздо свободнѣе, чѣмъ въ языкѣ литературномъ.

Поѣзжаетъ Илья, самъ выговариваетъ,
Кладываетъ то заповѣдь великую...
Какъ *приправливалъ* Ильюшенька добра коня.

—

Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную!

—

И *сажалися* за убраны столы,
Стали пить, ѣсть, потѣшатися.

—

Не *оставливай* горы золотыя,
Не *оставливай* садовъ-виноградовъ,
Не *оставливай* яблонь кудрявыхъ *).

Изъ мѣстныхъ діалектовъ и Крыловъ въ своихъ басняхъ заимствовалъ нѣкоторыя формы:

Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самый тороватый
Не *давывалъ* секретарямъ (Синица).

Между однократными отличается своею формою порода глаголовъ, представляющихъ дѣйствіе *мгновенное*, для выраженія котораго мы употребляемъ букву *н* съ гласною *у*: *кольнуть*, *топнуть*, *тряхнуть*. Почти всѣ глаголы, которыми изображается ощутимое явленіе или физическое дѣйствіе, способны принять *ну* для выраженія мгновенности явленій и дѣйствій. Слогъ *ну* приставляется къ чистому корню и сохраняется во всѣхъ формахъ глагола, какъ слогъ отличительный, имѣющій свое опредѣленное значеніе; поэтому онъ можетъ назваться *неотметаемымъ*. Приставляя слогъ *ну* къ корню, мы иногда дѣлаемъ нѣкоторыя ощущенія, вставки и измѣненія:

1. Передъ *н* очень часто выпускаются коренныя буквы для легкости выговора, особенно гортанныя и язычныя: *тронуть* (кор. *трог*), *треснуть (треск)*, *кинуть (кид)*, *вянуть (вяд)* и мн. др.

2. Если въ корнѣ нѣтъ гласной или при одной гласной много согласныхъ, то вставляется гласная: такъ, вмѣсто *рвнуть*, *трнуть*, *кашльнуть* (отъ кор. *рв*, *тр*, *кашл*) говорится *рвануть*, *тронуть*, *кашленуть*. Въ просторѣчіи слышится: *толконуть*, *щелконуть* вм. *толкнуть*, *щелкнуть*.

3. Коренныя окончанія *ов*, *ев* сокращаются на гласныя *у*, *ю*: *сунуть*, *клюнуть* отъ кор. *сов*, *клев*.

4. Коренное окончаніе *ем*, *ен* измѣняется на носовую *я*: *грянуть* (к. *грем*).

---

*) О значеніи формъ русск. глагола Некрасова.

Къ этой породѣ глаголовъ не могутъ относиться такіе глаголы на *нуть*, въ которыхъ буква *н* есть коренная: напр., *пнуть*. Къ нимъ примыкаютъ и глаголы *гнуть*, *тянуть*, въ которыхъ *н* потеряло значеніе мгновенности и уже принимается за коренную, хотя въ корнѣ и нѣтъ ея (*гб*, *тяг*).

Въ русскихъ глагольныхъ видахъ важное значеніе имѣютъ гласныя *и* и *а*, послѣдняя въ особенности. Онѣ выражаютъ какъ бы расширеніе или усиленіе дѣйствія въ пространствѣ и во времени и употребляются при переходѣ однократнаго вида въ неопредѣленный, равно какъ и неопредѣленнаго въ многократный. Буква *а* при этомъ сохраняется во всѣхъ формахъ глагола, какъ буква отличительная, и этимъ различается отъ простой соединительной гласной. Переходъ коренныхъ глаголовъ на *сти* совершается съ помощью *и*; при чемъ возстановляется скрытый въ нихъ коренной согласный звукъ, а гласная коренная *е* расширяется въ *о*: *нести—носить*, *везти—возить*, *вести—водить*, *брести—бродить*. Неопредѣленный глаголъ *ходить*, соотвѣтствуя однократ. *идти* (*ити*—ire), образовался изъ другого корня, именно изъ того, изъ котораго составились причастныя формы глагола *идти—шелъ*, *шедшій;* здѣсь *ш* есть смягченное *х* передъ *е*, которое при переходѣ въ неопредѣлен. видъ, какъ и во многихъ глаголахъ, обратилось въ *о—ходить*.

Если же въ глаголѣ однократ. вида уже есть соединительная гласная *и* или *ѣ*, то, при переходѣ въ высшую степень, она измѣняется на *а*, которое иногда смягчается въ *я*, особенно послѣ плавныхъ и язычныхъ: *бросить—бросать*, *кончить—кончать*, *ронить—ронять*, *валить—валять*, *простить—прощать (просчять)*, *ѣздить—ѣзжать (ѣзжять)*, *садить—сажать (сажять)*, *видѣть—видать*.

Въ глаголахъ мгновенныхъ слогъ *ну*, выражающій мгновенность, не можетъ удержаться въ неопредѣл. видѣ и замѣняется видовымъ *а*, при чемъ возстановляется скрытая коренная согласная: *кинуть—кидать*, *свиснуть—свистать*, *двинуть—двигать*. Сходно съ ними глаголъ *пасть* принимаетъ въ неопредѣл. н. форму *падать*.

Глаголы, корень которыхъ оканчивается на гласную, при переходѣ въ высшую степень принимаютъ видовую *а*, которая

отдѣляется отъ коренной гласной по общимъ законамъ языка придыхательнымъ звукомъ *в*, а иногда смягчается въ *я: быть—бы-в-ать, дать—да-в-ать* или *дая-ти, знать—зна-в-ать, плыть—плы-в-ать, пить—пи-в-ать, мыть—мы-в-ать, брить—бри-в-ать, дѣть—дѣ-в-ать* или *дѣ-ять* (одѣяніе), *пѣть—пѣ-в-ать, грѣть—грѣ-в-ать.*

Если въ корнѣ предполагается *ь* или *ъ*, то при переходѣ въ высшій видъ при *л, р* и *ѧ* является подъемъ въ *и* или *ы: брать* (кор. *бър)—бирать, врать—вирать, драть—дирать, рвать* (кор. *рьв)—рывать, лгать—лыгать, мять* (*я* носов.)—*минать, жать* (*а* изъ *я* носов.) *жинать, тереть* (кор. *ть*)—*тирать, мереть* (кор. *мьр)—мирать, переть* (кор. *пьр)—пирать.*

Неопредѣл. глаголы изъ породы *и* удерживаютъ эту гласную и при переходѣ въ многократный видъ, но въ то же время принимаютъ и видовую *а*, раздѣляя обѣ гласныя придыхательнымъ звукомъ *в*, при чемъ звукъ *о* въ корнѣ слова, какъ бы для однозвучія (ассимиляціи) съ видовымъ *а*, измѣняется также въ *а*, принимая на себя и самое удареніе: *доить—даивать, поить—паивать, ходить—хаживать, носить—нашивать, молотить—молачивать, просить—прашивать.* Здѣсь передъ *и* умягчаемые звуки умягчаются, хотя въ первоначальномъ видѣ передъ тѣмъ же *и* они оставались безъ всякаго измѣненія. Но въ рус. яз. замѣтно стремленіе при всякомъ производствѣ смягчать звуки, если только къ тому представится какой-либо случай.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ переходъ простого глагола неопредѣл. вида въ многократный совершается черезъ удвоеніе *а* съ придыханіемъ *в*, при чемъ первое *а* переходитъ въ *ы*, отчего образуется окончаніе *ывать: играть—игрывать* (игравать), *писать—писывать, таскать—таскивать* (таскывать), *мотать—матывать, давать—давывать.* Удареніе здѣсь переносится на слогъ, предшествующій оконч. *ывать.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Слова составныя.

Съ приставками. § 38. Въ русскомъ языкѣ многія слова составляются черезъ сліяніе знаменательнаго слова съ какою-либо служебною частицею, которая въ этомъ случаѣ называется *приставкою*, или черезъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ знаменательныхъ и служебныхъ словъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ, составнымъ словамъ дается новое понятіе или новый оттѣнокъ. Приставки преимущественно являются въ началѣ слова, и между ними главное мѣсто занимаютъ предлоги, въ особенности въ образованіи глаголовъ.

Нѣкоторые предлоги являются не иначе, какъ именно съ глаголами, сюда относятся *воз* (взо, вз), *вы*, *низ*, *пере*, *раз* (роз). Впрочемъ, въ старомъ языкѣ *воз* управлялъ винит. пад., напр., *злая-воз-благая*, *благодать-воз-благодать*. Древнее нарѣчіе *вскую* составилось изъ *воз* и винительн. пад. мѣст. *кая—возкую* или *взкую*—зачѣмъ. Въ предлогѣ *вы* звукъ *ы* родственъ носовому звуку, потому, перейдя въ нарѣчіе, онъ обратился въ *он—вонъ—внѣ*. Предлогъ *роз* принадлежитъ русскому яз. (*роздыхъ*, *розговѣнье*), а *раз*, какъ русскому, такъ и ц.-с.

Примѣч. Предлоги *пра, па* встрѣчаются только въ тѣхъ словахъ, которыя дошли до насъ изъ старины: *прадѣдъ, пасынокъ, падчерица*. Должно отличать формы русск. предлоговъ отъ ц.-слав.— русск. *пере, передъ, черезъ*, ц.-сл. *пре, предъ, чрезъ*.

Предлогъ въ русскомъ глаголѣ имѣетъ весьма важное значеніе. Сливаясь съ простымъ глаголомъ, онъ всегда ограничиваетъ дѣйствіе или выводитъ его изъ общей сферы въ частную, опредѣляетъ ему границы въ пространствѣ или во времени, напр., *писать* выражаетъ дѣйствіе общее, *вписать*, *выписать*, *дописать*, *записать*, *написать*, *исписать*, *надписать*, *описать*, *отписать*, *переписать*, *пописать*, *подписать*, *предписать*, *приписать*, *прописать*, *расписать* представляютъ уже дѣйствіе опредѣленное, сжатое въ извѣстныхъ границахъ или обуслов-

ленное цѣлью или какимъ-либо обстоятельствомъ. *Искать*—дѣйствіе общее, неопредѣленное, а *выискать*—дѣйствіе, направленное по разнымъ мѣстамъ и закоулкамъ, чтобы достигнуть извѣстной цѣли. Отсюда предложные глаголы представляютъ намъ дѣйствіе реальное, съ большею *картинностью* и *изобразительностью;* они менѣе отвлеченны, чѣмъ простые глаголы *).

Въ каждомъ отдѣльномъ предлогѣ заключается свое опредѣленное значеніе, потому, сливаясь съ глаголомъ, онъ вноситъ въ дѣйствіе и это значеніе, которымъ оно и опредѣляется, какъ извѣстнымъ обстоятельствомъ. Такъ какъ нѣкоторые предлоги указываютъ на отношеніе къ поверхности, границѣ или къ послѣднимъ предѣламъ, также къ причинѣ и къ цѣли, то отсюда они получаютъ возможность выражать начальные или конечные моменты дѣйствія. Возьмемъ, напр., предлогъ *за*, онъ выражаетъ отношеніе предмета или дѣйствія къ извѣстной границѣ: *за лѣсомъ, за лѣсъ, за меня, за мною, залетѣть, зайти.* Отсюда же онъ получаетъ возможность указывать и на крайній предѣлъ дѣйствія или на совершенный конецъ его, напр., *заносить платье* (т.-е. носить больше, чѣмъ бы слѣдовало), *зачитать чужую книгу* (читать такъ много или такъ долго, что отъ книги какъ бы ничего не осталось для возвращенія), *замерзнуть*, *засохнуть*, *заглохнуть*, *заплесневѣть;* иногда же этимъ предлогомъ указывается и на начало дѣйствія, такъ какъ исходная точка вмѣстѣ съ цѣлью дѣйствія составляетъ его предѣлы: *заболѣть, заходить* (начать ходить), *закатать* (начать катать), *заплакать.* Такимъ образомъ, глаголъ съ однимъ и тѣмъ же предлогомъ получаетъ нѣсколько значеній, которыя опредѣляются уже въ рѣчи общимъ ея смысломъ: *заносилъ ко мнѣ письмо*, *заносилъ свое платье*, *заносилъ вещи за уголъ, взялъ стулъ и заносилъ его.*

Въ народныхъ діалектахъ нерѣдко употребляется предлогъ *воз* для выраженія начала дѣйствія тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ является *за: возговоритъ*, т.-е. заговоритъ, *вскричалъ*—закричалъ.

Подобное же разнообразное значеніе сообщаетъ глаголу и

*) О значеніи формъ русск. глаг. Некрасова.

предлогъ *по.* Онъ указываетъ на отношеніе къ мѣсту и времени—постепенность и послѣдовательность въ движеніи, а съ этимъ вмѣстѣ даетъ и представленіе о количествѣ, напр., *ходить по дому* (постепенно по всѣмъ частямъ дома), *ѣхать по дорогѣ* (послѣдовательно въ извѣстномъ направленіи), *ходить по грибы* (собирать послѣдовательно одинъ за другимъ), *плакать по отцѣ* (послѣдовательно за смертью отца), *деревья посажены по дорогѣ* (послѣдовательно одни за другими); здѣсь уже представляется количественность, потому что нельзя сказать: одно дерево посажено *по дорогѣ.* Сообразно съ этимъ *по* ограничиваетъ дѣйствіе количественно, т.-е. выражаетъ *немного: поиграть* (немного играть), *поскакать* (немного скакать), *покатать*, *побыть*, *пописать*, *поскучать*, *подвинуть.* Иногда же этотъ предлогъ (при многократномъ видѣ) выражаетъ дѣйствіе съ послѣдовательными перерывами: *похаживать*, *посматривать*, *поигрывать.* Этотъ же предлогъ сокращаетъ дѣйствіе до выраженія одного начала или одного конца; при однократномъ видѣ, онъ представляетъ дѣйствіе въ началѣ: *покатить*, *поплыть*, *полетѣть;* при многихъ глаголахъ неопредѣлен. вида изъ породы *и* и при всѣхъ изъ породы *ѣ*, выражающихъ переходное состояніе, онъ представляетъ дѣйствіе оконченное: *помирить*, *похоронить*, *побѣлѣть*, *помолодѣть*, *поумнѣть.*

Такимъ же образомъ и многіе другіе предлоги, сообразно со своимъ значеніемъ, ограничиваютъ дѣйствіе до конца его. Напр., предлогъ *со*, выражая соединеніе (съ твор. пад.) и мѣру (съ винит.), при слитіи съ нѣкоторыми глаголами представляетъ дѣйствіе оконченное, сообразно съ количествомъ матерьяла для дѣйствія или, иными словами, прямое достиженіе цѣли и окончаніе дѣйствія по причинѣ уничтоженія матерьяла: *сгорѣть*, *съѣсть*, *смять*, *сжечь*, *согрѣть*, *схоронить*, *слазить*, *сходить*, *сдѣлать.*

Предлогъ *на*, выражая отношеніе къ поверхности (*наступить на ногу*, *найти на камень*), сливаясь съ глаголомъ, указываетъ и на окончаніе дѣйствія, если оно отразится на поверхности чего-нибудь: *написать*, *начертить*, *нарисовать*, *нацарапать*, *намазать.*

Предлогъ *о* сообщаетъ дѣйствію оконченность, если оно

прошло все существо предмета, весь его объемъ или окружность: *окоченѣть, озябнуть, окрѣпнуть.*

Предлогъ, всегда ограничивая дѣйствіе извѣстнымъ обстоятельствомъ, получаетъ черезъ это возможность переводить высшій видъ въ низшій. Такъ, всѣ глаголы многократнаго вида, слившись съ предлогомъ, переходятъ на степень неопредѣленнаго: *хаживать—расхаживать, пѣвать—распѣвать, мывать—промывать.* Изъ этого ясно, что предложныхъ многократныхъ глаголовъ не существуетъ.

Не всѣ и изъ простыхъ глаголовъ употребительны въ многократномъ видѣ; часто они переходятъ на эту степень только для того, чтобы соединиться съ предлогомъ и черезъ него вновь перейти на степень неопред. съ новымъ значеніемъ *дуть—раздувать* (*дувать* неупотр.), *рыть—отрывать* (*рывать* неупотр.), *здать—созидать* (*зидать* неупотр.), *ждать—ожидать* (*жидать* неупотр.), *клясть—проклинать* (*клинать* неупотр.).

Глаголы по своему роду неопредѣленные (т.-е. не произведенные отъ однократныхъ), слившись съ предлогами, переходятъ на степень однократныхъ: *играть—проиграть, дѣлать—придѣлать, красить—выкрасить, живить—оживить, колоть—уколоть.* Глаголы неопредѣленные, происшедшіе отъ однократныхъ и съ предлогами, удерживаются на своей степени: *водить—разводить, носить—приносить, уносить.* Но если предлогъ выражаетъ при этомъ оконченность дѣйствія, то глаголъ переходитъ въ однократный видъ: *доносить что-либо по службѣ* (неопредѣл.); *доносить платье* (однократный).

Примѣч. Глаголы *вытащить* и *вытаскать, выломить* и *выломать, обѣжать* и *обѣгать* и подоб. вида однократнаго; но нужно видѣть различіе въ ихъ значеніи: происшедшіе отъ простыхъ однократныхъ (вытащить, выломить) выражаютъ окончаніе дѣйствія съ одного пріема; другіе же съ нѣсколькихъ пріемовъ (вытаскать, выломать).

Хотя весьма многіе неопредѣленные глаголы, слившись съ предлогомъ, и переходятъ на степень однократнаго вида, но черезъ это число ихъ уменьшаться не можетъ, потому что они имѣютъ возможность сказанными способами вновь возвратиться на свою степень: *печь—упечь—упекать, мочь—по-*

мочь—помогать, вянуть—увянуть—увядать, хладѣть—охладѣть—охладѣвать, срамить—посрамить—посрамлять. Здѣсь всѣ звуки, скрытые въ неопредѣленномъ наклоненіи, вновь возстановляются.

Вотъ еще примѣры: *звать—призвать—призывать, воевать—завоевать—завоевывать, драть—выдрать—выдирать, знать—узнать—узнавать, красить—окрасить—окрашивать, ловить—выловить—вылавливать, глядѣть—переглядѣть—переглядывать, сидѣть—просидѣть—просиживать, пороть—спороть—спарывать, мереть—умереть—умирать, тереть—оттереть—оттирать.*

Впрочемъ, есть нѣсколько предложныхъ однократныхъ глаголовъ изъ породы *а*, которые могутъ переходить въ неопр. видъ, довольствуясь только перестановкой ударенія на видовую *а: кликать—накликать—накликать, сыпать—засыпать—засыпать, двигать—раздвигать—раздвигать, бѣгать—обѣгать—обѣгать.*

Примѣч. Удареніемъ также отличается значеніе глаголовъ съ предлог. *вы:* предлогъ безъ ударенія съ неопредѣленнымъ видомъ глагола представляетъ стремленіе *откуда: выходить, вылетать,* а съ удареніемъ—пріобрѣтеніе черезъ постоянное дѣйствіе: *выплакать, выпросить.*

Въ нашемъ литературномъ языкѣ встрѣчается нѣсколько предложныхъ глаголовъ изъ ц.-сл. яз., которые, при переходѣ въ неопредѣл. видъ, выказываютъ нѣкоторыя особенности: *отмстить—отмщевать, затмить—затмевать;* они, какъ глаголы пришлые, не подойдутъ подъ наши правила.

Иногда продлогъ, соединяясь съ глаголомъ, заставляетъ его принять окончаніе *ся*, безъ котораго эта предложная форма неупотребительна въ языкѣ: *сѣсть—усѣсться, лечь—разлечься, глядѣть—вглядѣться.*

Иногда глаголъ соединяется съ двумя и съ тремя предлогами заразъ, при чемъ, конечно, дѣйствіе ограничивается уже разными обстоятельствами, слѣдственно, должно отличаться и особенною изобразительностью: *поприз адуматься, попріутихнуть, обезпечить, опрокинуть, разукрасить* *).

*) О знач. формъ рус. глаг. Некрасова.

Большая часть нашихъ предложныхъ именъ произошла изъ предложныхъ глаголовъ черезъ посредство разныхъ именныхъ окончаній: *западъ*, *приходъ*, *заводъ*, *подносъ*, *осада*, *переправа*, *зараза*, *пришлецъ*, *продавецъ*, *прозорливецъ*.

Сложеніе предлога съ именемъ бываетъ двоякое: 1) безъ измѣненія окончанія имени: *собратъ*, *престолъ*, *подруга*, *прадѣдъ*, *правнука;* 2) предлогъ измѣняетъ или растягиваетъ окончаніе имени: *простѣнокъ*, *подворотня*, *прихвостень*, *задворокъ*, *подмастерье*, *поморье*, *подгорье*, *безлюдье*, *задвинье*, *побережье*. Этотъ послѣдній способъ употребительнѣе; первый по большей части встрѣчается тамъ, гдѣ нужно сохранить родовое окончаніе: *сотоварищъ*, *пращуръ*, *праматерь*.

Изъ этихъ именъ составляются прилагательныя по общимъ законамъ.

Въ сравнительной степени предлогъ *по* служитъ приставкою для нѣкотораго усиленія: *побольше*, *поскорѣе*, *помоложе*. Онъ же переводитъ прилагательныя въ нарѣчія для выраженія *раздѣльности*, *послѣдовательности* или *сообразности: помѣсячно*, *понедѣльно*, *поминутно*, *попарно*, *поочередно; полѣтнему*, *позимнему*, *повчерашнему*, *почеловѣчьи*, *поцарски*, *порусски*, *пособачьи*, *попріятельски*.

Приставки *пре*, *наи* служатъ для выраженія превосходной степени: *пресвѣтлый*, *пресвѣтлѣйшій*, *наилучшій*, *наискорѣе*.

Приставка *нѣ* употребляется при мѣстоименіи вопросительномъ для выраженія неопредѣленности, а *ни* для полнаго отрицанія: *нѣкто*, *нѣчто*, *нѣкій*, *нѣкоторый*, *нѣсколько*, *никто*, *ничто; никакой*, *нѣкоторый*, *нисколько*. Въ старинномъ языкѣ *нѣ* при предлогѣ могло отдѣляться отъ мѣстоименія: *нѣ вкое время пригожуся тебѣ* (древ. стих.), *нѣ вкоемъ мѣстѣ* (Ипат. л.). Теперь же подобное раздѣленіе допускается только съ *ни: ни за что*, *ни о комъ* и пр.

Приставка въ концѣ слова составляетъ по большей части мѣстоименіе *то: кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *чей-то* или *сь* при нарѣчіи: *здѣсь*, *днесь*. Мѣстоименіе *каждый* произошло отъ стараго *кыйждо*, гдѣ *ждо* составляетъ приставочную частицу *же* (тоже—тожде). *Жды* соединяется съ числительнымъ для выраженія *числа разъ: однажды*, *дважды*, *трижды*, *четырежды*. Въ

словѣ *богадѣльня* предлогъ приставленъ къ концу слова *Богадѣля* (для), т.-е. для Бога.

Сложныя. § 39. Въ исторіи образованія славянскихъ сложныхъ словъ представляются намъ два главные періода: языческій и христіанскій. Въ первомъ сложеніе чисто славянское по народному воззрѣнію; во второмъ сложеніе, перенесенное къ намъ отъ грековъ черезъ переводъ Библіи.

1. Почти всѣ славянскія языческія божества называются уже сложными именами: *Стрибогъ* (стри-повѣтріе)—богъ вѣтра, *Дажь-богъ*—солнце, *Свѣтовидъ*, *Бѣлъ-богъ*, *Черно-богъ*. Подобно именамъ боговъ, и имена людей являются сложными: *Святославъ*, *Ярополкъ*, *Владиміръ*, *Вячеславъ*, также названіе древнѣйшихъ городовъ: *Вышь-градъ*, *Новгородъ*, *Царь-градъ*, *Переяславль*, (*зане перея славу*, у Нест.). Въ этотъ же періодъ, вѣроятно, составилось много и русскихъ словъ, какъ, напр.: *лукоморье*, *листопадъ*.

2. Къ христіанскому періоду относятся слова, переведенныя буквально съ греческихъ сложныхъ словъ: *Богоносецъ* (Θεοφόρος), *Богородица* (Θεοτόκος), *свѣтодавецъ* (φωτοδότης), *сребролюбіе* (φιλαργύρια), *вѣнценосецъ* (στεφανοφόρος), *единоборецъ* (μονομάχος), *всесильный* (παντοδύναμος), *всеблагой* (παναγαθός) и др.

Въ русскомъ языкѣ является двоякое сложеніе словъ: *собственное и несобственное*. Въ первомъ соединеніе словъ происходитъ съ помощью гласной *о*, *е*: *самолюбіе*, *земледѣліе*. Слово главное, которое въ предложеніи обратилось бы въ подлежащее или сказуемое, ставится въ концѣ со своимъ удареніемъ. Синтаксическое отношеніе между частями сложнаго слова бываетъ весьма различно: иногда одна часть бываетъ опредѣленіемъ другой: *самовидецъ* (самъ видитъ), *долготерпѣніе* (долгое терпѣніе), иногда дополненіемъ: *сребролюбіе* (любитъ серебро), *винодѣліе* (дѣлаетъ вино); при чемъ замѣняются разные падежи: *Богомилъ* (милъ Богу), *Богданъ* (данный Богомъ), *паровозъ* (возящій паромъ), *рукопись* (писано рукою), *водолазъ* (лазитъ въ воду), *мореходъ* (ходитъ по морю) и проч.

Изъ всѣхъ этихъ словъ легко составляются прилагательныя по общимъ законамъ.

Примѣчаніе. Въ древне-греческ. языкѣ соединительною гласною также служила буква о: ἀλλόφυλος иноплеменникъ, въ лат. буква i: homicida, parricida. Въ древне-нѣмецк. нарѣчіяхъ употреблялись *a*, *o*, *e*; но въ ново-нѣмецк. происходитъ сложеніе несобственное: Tageslich, Donnerstag.

Къ несобственному сложенію относятся слова, сложившіяся безъ соединенія гласной. *Царь-городъ, жаръ-птица, хлѣбъ-соль.* Сюда же относятся многія прозвища въ цѣломъ предложеніи, составляющія какъ бы одно слово, напр., въ псковск. лѣтоп.: *Ѳедоръ Умойсягрязью*, *Умылбородинъ*, *Терпигоревъ* и др.

Въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ попадается несобственное сложеніе, происшедшее изъ собственнаго: *кровипролитіе* вмѣсто *кровопролитіе, богумерзкое* вм. *богомерзкое* и друг.

Слово *спасибо* сократилось изъ сложнаго *спасибогъ.*

Коренныя числительныя имена—только первыя десять количественныхъ. Дальнѣйшее счисленіе ведется посредствомъ различнаго соединенія этихъ десяти.

Счисленіе второго десятка произошло съ помощью предлога *на:* наши *одиннадцать*, *двѣнадцать*, *тринадцать* и т. д. сократились изъ старинныхъ *одинъ на десять, два* или *двѣ на десять*, *три на десять* и пр. Слѣдующіе затѣмъ, десятки, *двадцать*, *тридцать*, составлялись изъ *двадесять*, *тридесять*, въ которыхъ *двѣ*, *три*, какъ прилагательныя, соединились съ *десять*, какъ съ существительнымъ. Вмѣсто древняго *четыредесять*, въ русскомъ языкѣ употребительно слово *сорокъ*, сокращенное изъ греческаго *тессараконта* (τεσσαράκοντα — сорокъ). Въ словахъ *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ* и пр. слово *десять* прибавляется, какъ существительное къ существительному, принимая окончаніе род. пад. *Девяносто* сократилось изъ *девятьдесять*, равно какъ *сто* изъ *десять.*

Двѣсти произошло отъ стариннаго двойственнаго числа *двѣ стѣ.* Въ числахъ *триста*, *четыреста* имя *сто* является въ формѣ род. пад. един. ч. Подобно какъ *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ*, составились числа *пятьсотъ*, *шестьсотъ* и проч.

Числительныя количественныя слагаются съ именемъ существительнымъ въ одно слово и производятъ по общимъ за-

конамъ имя прилагательное. Въ этомъ случаѣ числительное (кромѣ *одинъ*) принимаетъ форму род. пад. *двухэтажный*, *четырехмѣстный*, *пятиаршинный*. Слова *треугольный*, *четыремѣстный* есть уже сокращеніе. Вмѣсто *двухэтажный* можно употреблять другое также правильное слово *двуэтажный*, подобно какъ *двусмысленный*, *двусторонній*, *двугривенный*. Здѣсь слово *дву* есть старинный род. пад. (двойствен. числа) отъ *два*. Подобный же родит. пад. имѣетъ *полъ-полу*, который всегда употребляется въ сложеніи съ именами: *полубогъ*, *полубаринъ*, *полумѣсяцъ*. Только въ словахъ *полдень* и *полночь* въ имен. пад. не сохранилось *у*; въ косвенныхъ же оно снова является. Въ словѣ *двоюродный* — первая часть *двою* есть также род. пад. двойствен. числа отъ *двое*. Подражая ему, мы составили слова: *троюродный*, *четвероюродный*.

Иногда имена сложныя съ числительнымъ принимаютъ окончаніе *ье*: *первосонье*, *первопутье*, *полудурье*, *полукафтанье*, *многолѣтье*.

Числительное *полтора* произошло изъ *полвтора*, и при склоненіи *полъ* принимаетъ оконч. род. пад. *у*: *полутора*, *полутору*.

Нѣкоторыя неопредѣленныя мѣстоим. также слова сложныя: *кто-нибудь*, *что-нибудь*, *кто-либо*, *какой-либо*, *что-либо*.

Нарѣчія могутъ также составляться изъ двухъ особыхъ словъ: *сегодня*, *сейчасъ*, *тотчасъ*, *когда-нибудь*. Многія составныя нарѣчія искажены въ говорѣ такъ, что не вдругъ можно узнать ихъ происхожденіе, напр., простонародныя: *онамедни*, *намедни*, *намедь* произошли изъ *оными дни* (твор. пад.), наше *теперь* изъ *то перво*; *спасибо—спаси Богъ*.

Въ нарѣчіи высшая или превосходная степень иногда выражается повтореніемъ одного и того же корня: *мало-мальски*, *скоро на скоро*, *мелко на мелко*, *ранымъ-ранешенько*, *давнымъ-давно*; *тихо-тихо*, *весело-весело*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Словоизмѣненіе.

Падежи. § 40. Въ природѣ всѣ предметы имѣютъ между собою связь и соотношеніе; такъ, мы видимъ, что одинъ предметъ или происходитъ отъ другого, или принадлежитъ другому, или дѣйствуетъ на другой, или одно лицо обращается къ другому, или говоритъ третьему и проч. Это же отношеніе предметовъ должна выражать и наша мысль. Языкъ, какъ вѣрное отраженіе мысли, непремѣнно долженъ владѣть средствами представлять намъ тѣ же самыя отношенія. Дѣйствительно у него есть два средства. Онъ можетъ: 1) измѣнять окончаніе одного и того же слова (по флексіямъ), 2) употреблять передъ именемъ отдѣльныя частицы, называемыя предлогами. Но не всѣ языки сохранили оба средства: языки новѣйшіе, происшедшіе отъ смѣшенія двухъ или болѣе языковъ (какъ, напр., французъ., англійскій) уже не могутъ измѣнять именныхъ окончаній и для выраженія отношенія между предметами пользуются только предлогами. Языки же коренные одинаково употребляютъ оба средства. Къ нимъ относится и языкъ русскій. Измѣненіе одного и того же имени по окончаніямъ или флексіямъ у насъ называется *склоненіемъ*. Принадлежности склоненія—*падежи* и *числа*. Для опредѣленія извѣстнаго отношенія предмета къ другимъ предметамъ служитъ *падежъ*. Каждый падежъ можетъ выразить и одинъ предметъ, и множество, слѣд., съ нимъ тѣсно соединяется *число*, служащее для опредѣленія количества. Современный русскій языкъ сохранилъ семь падежей, хотя и измѣнилъ нѣкоторыя старыя окончанія на новыя; но онъ потерялъ старинное *двойственное число*, удержавъ его только въ нѣкоторыхъ словахъ.

Окончанія нашихъ падежей образовались въ глубокой древности, и при внимательномъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить ихъ сходства съ окончаніями падежей въ другихъ индо-европ. языкахъ; всѣ они развились изъ одного начала. Впрочемъ, въ

нашемъ современномъ языкѣ нѣкоторыя изъ первобытныхъ окончаній утрачены, а вмѣсто нихъ заимствованы окончанія у другихъ падежей. Такъ, винит. пад. мужск. рода заимствуетъ окончаніе у именит. (для неодушевл. предм.) и у родит. (для одушевл.). Напротивъ, женскій родъ съ родовыми окончан. сохранилъ свой винит. пад. на *у* и *ю*, которыя въ древнихъ рукописяхъ писались *юсами: рукѫ*, душѫ, *землѭ*, милостынѭ (Остр. Еван.). Отсюда мы заключаемъ, что нашему оконч. винит. падежа принадлежалъ носовой звукъ *н*, *м*, который является также и въ другихъ коренныхъ языкахъ (напр., отъ лат. servus, lingua греч. λόγος, χώρα винит. пад. servum, linguam, λόγον, χώραν). Равнымъ образомъ и творит. пад. жен. рода писался *юсомъ:* силоѭ, вѣроѭ; слѣд., и здѣсь существовалъ носовой звукъ, обратившійся у насъ въ *ы*; онъ сохранился въ мужеск. и средн. родѣ въ окончаніи *мъ: мужемъ*, *добромъ*. Въ нѣкоторыхъ славян. нарѣчіяхъ и въ женск. родѣ творит. падежъ удержалъ окончаніе *м* (напр., въ серб. языкѣ: *женомъ*, *пушкомъ*). Отсюда мы видимъ, какъ изъ одного начала развѣтвились наши падежныя окончанія мужескаго и женск. рода.

Замѣна одного падежнаго окончанія другимъ у насъ проявляется въ нѣсколькихъ случаяхъ: такъ, вмѣсто родит. *а* и *я* во многихъ словахъ употребляемъ дат. *у* и *ю*, напр., *чашка чаю*, *фунтъ сахару*, *куча сору*. Здѣсь род. пад. является съ окончаніемъ дательнаго. Такое употребленіе встрѣчается и въ старыхъ рукописяхъ: *во вѣки вѣкомъ* вм. *вѣковъ*. Равнымъ же образомъ старинное окончаніе род. пад. *е*: *имене*, *камене*, *матере*, *крове* замѣнилось окончаніемъ дательнаго *и*: *имени*, *матери*, *крови*. Или оконч. *ы* имен. пад. множ. числа, вмѣсто стариннаго *и* произошло изъ винительнаго: *дары*, *труды* вмѣсто стар. *дари*, *труди*. Окончаніе звательн. пад. у насъ совершенно утратилось и замѣнено именит. Слѣды его остались въ немногихъ словахъ, о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ род. пад. множ. ч. у насъ явилось оконч. *овъ*, *евъ* (отцовъ домовъ), тогда какъ прежде было оконч. *ъ*; старинное же оконч. дат. пад. ед. ч. *ови*, *еви* у насъ совсѣмъ не употребляется. Окончанія дат., твор., предл. пад. мн. ч. женск. рода сдѣлались общими для всѣхъ родовъ—*амъ*, *ами*, *ахъ* вм. древн.

омъ, ы, дѣламъ — ѣхъ, дѣлами, о дѣлахъ, вм. стар. *дѣломъ, дѣлы, о дѣлахъ.*

Наблюдая надъ измѣненіемъ русскихъ именъ, каждый легко замѣтитъ, что не всѣ они склоняются одинаково, вслѣдствіе этого является необходимость въ грамматикѣ раздѣлить склоненіе существительныхъ на отдѣлы. Въ современномъ языкѣ мы можемъ представить не болѣе четырехъ различныхъ образцовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ склоненіи какую-нибудь свою особенность; отсюда вытекаетъ въ грамматикѣ четыре склоненія для именъ существительныхъ: два для именъ съ родовыми окончаніями и два для именъ съ неродовыми.

Для соединенія падежнаго окончанія съ корнемъ слова часто бываетъ необходима бѣглая гласная; человѣк*о*мъ, цар*е*мъ. Въ старыхъ рукописяхъ вмѣсто бѣглыхъ *о, е* встрѣчаются *ъ, ь*, которыми обыкновенно обозначались бѣглыя гласныя: человѣк*ъ*мъ, раб*ъ*мъ. Впрочемъ, иногда и совсѣмъ не употреблялись бѣглыя гласныя, гдѣ позволялъ выговоръ, напр., *сынми, гвоздми, денми, костми*; и мы также говоримъ: *людьми, дочерьми, людями, дочерями.*

Вставка и выбрасываніе бѣглыхъ гласныхъ безпрестанно встрѣчается въ русскихъ склоненіяхъ, гдѣ только требуетъ или позволяетъ выговоръ, напр., от*е*цъ, стрѣл*о*къ, род. пад. един. ч. отца, стрѣлка; окно, игра род. пад. мн. числа: ок*о*нъ, иг*о*ръ и др.

Особенности склоненій. § 41. Къ первому склоненію относятся имена мужескаго и средняго рода, кончающіяся на *ъ, о, ь (й) е.*

Въ косвенныхъ падежахъ твердому окончанію *ъ, о* соотвѣтствуютъ твердыя *а, у, ы* и проч., мягкимъ *ь, й, е*—мягкія *я, ю, и* и пр. Гласная *е* послѣ гласной обращается въ придыхательн. *й:* на*е*мъ—на*й*ма, за*е*мъ—за*й*ма; передъ *и*, передъ уменьш. окончаніемъ *къ* (екъ) и послѣ *л* обращается въ *ь:* вороб*е*й — вороб*ь*я, кон*е*къ — кон*ь*ка, л*е*въ — л*ь*ва. Въ словѣ Христосъ въ косвенныхъ пад. слогъ *ос* пропадаетъ.

Предложный падежъ здѣсь оканчивается на *ѣ*; нѣкоторыя же имена, означающія время или мѣстность съ предлогами *въ*,

на, принимаютъ *у* съ удареніемъ: *въ лѣсу, на острову, въ году.* Въ нѣкоторыхъ же словахъ съ каждымъ оконч. соединяется особый смыслъ: *въ виду* чего-либо, *въ видѣ* цвѣтка. Оконч. *у* есть древнѣйшее ок. *мѣстнаго* падежа.

По законамъ сочетанія русскихъ звуковъ *ы* уступаетъ свое мѣсто *и* послѣ гортанныхъ *г, к, х* и придых. *ж, ч, ш, щ*: нож*и*, слог*и* вм. нож*ы*, слог*ы* и проч.

Для именит. пад. множ. числа — обыкновенныя окончанія *ы, и*, но, кромѣ ихъ, употребляются еще *е, а, я, ья*.

Окончаніе *е* принимаютъ имена лицъ на *анинъ, янинъ*, гдѣ *ин*, выражая единичность, во множест. числѣ должно выпасть: англича*нинъ*,—англичане, дворя*нинъ*—дворяне.

Старая форма род. пад. множ. числа муж. рода у насъ вполнѣ удержалась только въ именахъ на *инъ: англичанъ, дворянъ, баръ* и еще не во многихъ словахъ: *солдатъ, пудъ*; въ другихъ же случаяхъ для отличія отъ имен. пад. един. ч. передъ *ъ* появляется слогъ *ов, ев: столовъ, домовъ, погребовъ, братьевъ, обычаевъ, случаевъ, стульевъ, пальцевъ.*

Имена на *ь* принимаютъ въ род. пад. множ. числа окончаніе *ей: камней, коней, кораблей.* Сюда же относятся: 1) имена съ конечными придыхательными *ж, ч, ш, щ*, послѣ которыхъ, по древнему правописанію, вмѣсто нашего *ъ*, являлось *ь*: *ножъ* (ножь)—*ножей, ключъ* (ключь)—*ключей;* 2) имена лицъ, удержавшія удареніе надъ окончаніемъ *ья: друзья—друзей, сыновья—сыновей.* Вин. п. ед. и мн. ч. именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ съ род. п., а неодушевл. съ имен.; но въ именахъ собирательныхъ (полкъ, народъ) вин. всегда сход. съ имен. Если же названіе неодушевл. пр. переносится на одушевл., то вин. пад. его сходенъ съ родит.: ударьте этого *болвана*, ведутъ *языка*. Винит. пад. слова *идолъ* всегда сходенъ съ род., согласно съ языческ. представленіемъ.

Въ именахъ съ окончаніемъ *о, е*, винительный падежъ постоянно сходенъ съ именительнымъ. Буква *ѣ* предложн. падежа послѣ *і* измѣняется на *и:* о весел*іи*, собран*іи*.

Въ тѣхъ же именахъ именит. пад. множ. ч. оканчивается на *а, я*, точно такъ, какъ во всѣхъ коренныхъ языкахъ (напр. лат. и греч.) имена средняго рода: *окна, моря.* Слово *яблоко* въ

народномъ говорѣ слышится съ окончаніемъ мужеск. рода *яблокъ*, и потому во множеств. числѣ *яблоки* вм. *яблока*. Имена уменьшительн. средн. рода во множ. ч. принимаютъ оконч. *и*, окошко—*окошки*, колечко—*колечки*. Точно такъ же мы говоримъ: солнц*ы* вм. солнц*а*. Удареніе и здѣсь часто отличаетъ именит. пад. мн. ч. отъ род. ед., напр., род. ед. *окнó*, *ведрó*, *колесó*; имен. множ. *óкна*, *вéдра*, *колёса* или род. ед. *пóля*, *мóря*, *óблака*, имен. множ. *поля́*, *моря́*, *облака́*.

Род. пад. мн. ч. имѣетъ оконч. *ъ* и *й*, образовавшееся изъ *ь* послѣ гласной: *óконъ*, *чувства*, *имѣній*, *веселій*. Слово *поле*, *море* составили *полей*, *морей* съ бѣглою *е* вм. *поль*, *морь*. Окончаніе *евъ* здѣсь принимаютъ только имена собирательныя, точно такъ, какъ въ мужск. родѣ: деревь*евъ*, полѣнь*евъ*. По ихъ примѣру говорятъ также *вареньевъ*, *кушаньевъ*, *помѣстьевъ*, вм. правильныхъ *вареній*, *кушаній*, *помѣстій*.

Ко второму склоненію относятся имена съ окончаніемъ *а*, *я*.

Здѣсь оконч. *ѣ* дат. и предл. падежа послѣ *і* измѣняется, по общему закону, въ *и*: *стихія*—стих*іи*, *витія*—вит*іи*.

Окончаніе творит. пад. *ою*, *ею* можетъ сокращаться въ *ой*, *ей*: сестр*ою*—*сестрой*, *водою*—*водой*.

Для имен. пад. мн. ч. служатъ обыкновенныя окончанія *ы*, *и*, которыя для отличія отъ род. пад. един. чис. передаютъ удареніе на первый слогъ, если первообразное имя имѣетъ его на послѣднемъ: *сестра*, род. пад. *сестры*, имен. множ. *сéстры*, *земля*—*земли*—*зéмли*.

Род. пад. мн. ч. сохранилъ первообразное оконч. *ъ*—*ь* (*й* послѣ гласн.): *женъ*, *палокъ*, *земель*, *деревень*, *стихій*. Иногда для легкости выговора передъ *ь* употребляютъ бѣглую гласную *е*, и само *ь*, въ этомъ случаѣ, должно измѣниться на *й*, отчего и происходитъ оконч. *ей*: ноздр*ей*, распр*ей*, вожж*ей*, вм. распр*ь*, ноздр*ь*, вожж*ь*.

Третьему склоненію принадлежатъ имена женск. рода на *ь*. Здѣсь замѣчательно сходство падежей ед. ч. имен. съ винит. *ь*, родит. съ дат. и предлож. *и*. Окончаніе творит. пад. *ью* образовалось изъ стараго полнаго окончанія *ію*: *тѣнью* (тѣнію). Бѣглая гласная *о* именит. пад., выпускаясь въ другихъ паде-

жахъ, удерживается въ творит.: любо*вь* — люб*ви* — любо*вью*, *рожь*—*ржи*—*рожью*.

Слова *мать*, *дочь*, образовавшіяся изъ *матерь*, *дочерь*, въ прочихъ падежахъ сохранили слогъ *ер*: *дочери*, *матери*, и проч.

Именит. и винит. множ. ч. кончаются постоянно на *и*, род. на *ей*.

Прочіе падежи множеств. числа во всѣхъ склоненіяхъ одинаковы.

Къ четвертому склоненію относятся имена, кончающіяся на юсовое *я*: *мя* (мень), *я* (ять).

Въ косвенныхъ падежахъ юсовое *я* въ именахъ на *мя* обнаруживается слогомъ *ен*: *времени*, *стремени*, и проч. Въ областныхъ говорахъ употребляются уже новѣйшія формы: нѣтъ *время* (вм. времени), знамя за *знамемъ* (вм. знаменемъ), *вымемъ* Имъ подражаютъ и нѣкоторые писатели: сынъ *время* (Держ.), ни *время*, ни охоты на это нѣтъ (Крыл.). Въ литературномъ языкѣ въ род. пад. множ. ч. употребляется искаженная форма *сѣмянъ* вм. сѣменъ.

Имена съ однимъ *я* (*жеребя*, *теля*) въ склоненіи возстановляютъ *т*, выпавшее изъ оконч. имен. падежа: *дитяти*, *жеребяти*, *теляти*. Впрочемъ, въ современномъ языкѣ такое склоненіе употребляется только во множ. числѣ: *жеребята*, *телята* и пр., а для единственнаго берется оконч. *енокъ*, о которомъ мы уже говорили. Слово *дитя* мы часто стараемся подвести подъ членное или родовое окончаніе и потому употребляемъ неправильно, говоря: *дитю*, *дитею*, *дитятею*. *Дитей* возили на поклонъ, ты *дитей* съ нимъ часто танцовала (Грибоѣд.); у котораго *дитя* нѣтъ (въ народныхъ пѣс.). Во множ. числѣ постоянно *дѣти*, *дѣтей* и проч.

Въ четвертомъ склоненіи точно такъ, какъ и въ третьемъ, для единственнаго числа существуютъ въ современномъ языкѣ только три окончанія: именительн. и винит. *я*, род., дат. и предл. *и*, твор. *емъ*. По этому образцу склоняется одно слово мужеск. рода: *путь* — *пути* — *путемъ* — кажущаяся неправильность, объясняемая историческимъ развитіемъ склоненій существительныхъ.

Остатки старыхъ падежныхъ формъ. § 42. *Боже, Господи, Христе, Іисусе* представляетъ старую форму звательн. пад., который теперь у насъ постоянно сходенъ съ именительнымъ. Обыкновенное окончаніе зват. пад. мужеск. рода *е* рано стало замѣняться окончаніями другихъ падежей, напр. родит.: *о горькаго времени! о грознаго часа!* (въ Словѣ о Мамаевомъ побоищѣ) или дат.—*царю, утѣшителю!* Окончаніе зват. пад. женск. рода *о* слышно теперь только въ словѣ *владыко.*

Произведенъ въ генералы, постриженъ въ монахи, отданъ въ солдаты, вышелъ въ люди и прочія, имъ подобныя выраженія. Здѣсь *генералы, монахи, солдаты, люди* представляютъ старую форму винит. пад. мн. ч. вм. нашихъ *генераловъ, монаховъ, солдатъ, людей.* Точно такъ же и въ народныхъ пѣсняхъ: *былъ пиръ на многи князи, бояра и на русскіе могучіе богатыри.*

Идти замужъ, выдать замужъ вм. *за мужа*—старая форма вин. пад. ед. числа.

Сосѣди, холопи, черти—старая форма имен. пад. мн. ч. на *и* вмѣсто нашего *ы*: сосѣд*ы*, холоп*ы*, черт*ы*.

Очи, уши, колѣни, плечи—старое двойств. число средн. рода отъ *око, ухо, колѣно, плечо;* здѣсь *к* и *х* передъ *и* измѣнились въ *ч, ш.*

Чудеса, небеса отъ *чудо, небо* сохранили коренной слогъ *ес*, который у насъ въ единств. числѣ выпалъ. Въ старо-русскомъ языкѣ слова: *небо, чудо, древо, тѣло, слово, коло,* утративъ въ им. п. ед. ч. коренной слогъ *ес*, сохранили его во всѣхъ другихъ падежахъ: р. *небесе,* д. *небеси,* т. *небесемъ* и пр. Въ современномъ языкѣ этотъ слогъ удержался только въ словѣ *колесо* (коло), а въ другихъ сохранился въ производныхъ прилагательныхъ: *древесный, словесный, тѣлесный, чудесный, небесный.*

По дѣломъ вору и мука—старин. дат. пад. мн. ч. вмѣсто по дѣламъ.

Черезъ косвенные падежи существительныя переходятъ въ нарѣчія, напр., чрезъ род. *вчера* (вечеръ—вечера), черезъ дательн. *кромѣ* (сущ. крома), *долой, домой* (древ. *доловь, домовь*); черезъ творит. *кругомъ, верхомъ, даромъ, днемъ, ночью;* черезъ предлож. *горѣ* (гора), *внѣ* (вонъ—у Нестора: всю *извну* украси). Нѣкоторыя существительныя сохранились только въ одномъ

падежѣ въ видѣ нарѣчія: *пѣшкомъ, босикомъ, порожнякомъ, мелькомъ, нарокомъ, опрометью, натощокъ, цѣликомъ, тишкомъ, живьемъ.*

Собирательныя формы. § 43. Выраженіе многихъ однородныхъ предметовъ, какъ одного цѣлаго, у насъ весьма обыкновенно, и особенно было въ старо-русскомъ языкѣ. У Нестора и у другихъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ употребительныя окончанія *ь* и *а: Русь, Чудь, Весь, Сербь, Черемись, Ямь, чадь* (слуги), *погань* (поганы), *таль* (заложники), *ярь* (яровой хлѣбъ), *Сѣвера, Мурома, Печора, Литва* (говоря о народахъ). Эти же окончанія иногда употребляются и у насъ для выраженія совокупности: *знать, чернь, дичь, гниль,* или *берегá, вечерá, города, повара, лѣкаря, учителя, якоря.* Удареніе всегда на оконч. *а, я.* Употребленіе имени собирательнаго въ женскомъ родѣ ед. ч. есть принадлежность глубокой древности.

Въ старо-слав. языкѣ для выраженія совокупности было употребительно также окончаніе *іе: братіе, княжіе, людіе:* это же окончаніе иногда слышно и у насъ въ народномъ говорѣ, обращенное въ *ье* съ удареніемъ: *бабьé, мужичьé, дурачьé, кульé, гнильé, старьé.* Но оно теперь чаще употребляется въ видѣ *ья*, сдѣлавшись выраженіемъ множеств. числа: *князья, друзья, крючья, брусья, стулья, деревья, прутья.* Попадается это же окончаніе, какъ въ древности, такъ и теперь, въ женскомъ родѣ единств. числа съ тѣмъ же значеніемъ совокупности, напр., *нищая братья, нищей братьи, нищую братью.* Удареніе не во многихъ именахъ сохранилось на *ья: сыновья, кумовья* *), *сватья;* по большей части оно появляется на слогѣ предшествующемъ: *колья, каменья, прутья.*

Иногда для выраженія совокупности берутъ имена отвлеченныя: *дворянство, офицерство, купечество, духовенство.*

Имена собирательныя составляютъ также числительныя: *оба, двое, трое, четверо, пара, пятокъ, десять, дюжина, сотня, двойка, тройка, троица, четверня* и др.

---

*) Слогъ *ове, еве* встрѣчается и въ старо-славянск. яз. *жидове, сынове, воробеве.*

Склоненія мѣстоименныя. § 44. Первообразное окончаніе прилагательныхъ сходно съ окончаніемъ существительныхъ, и потому склоненіе ихъ было одинаково: *Новъ-городъ—Нова-города*, *Нову-городу*, *Новымъ-городомъ*, *о Новѣ-городѣ*. Нынѣ такимъ же образомъ склоняются имена, не принявшія производныхъ окончаній: *Лисицинъ*, *Петровъ*, *женнинъ* и проч., заимствовавъ, впрочемъ, творит. и предл. пад. ед. ч. и всѣ косвенные падежи множ. у склоненія производныхъ: *женнинымъ*, *о женниномъ*, *женниныхъ* и проч. Фамиліи же на *инъ* и *овъ* сохранили въ предл. пад. един. чис. *ѣ: о Петровѣ*, *Лисицинѣ*. Женскій родъ сохранилъ только первообразный винит. падежъ, а во всѣхъ другихъ косвен. пад. подвергся вліянію склоненій мѣстоименныхъ.

Имена, принявшія производное окончаніе, заимствуя его отъ мѣстоименій 3-го лица, приняли и въ косвенныхъ пад. окончанія того же мѣстоименія: *го*, *му*, *имъ* и т. д. Съ первообразнымъ окончаніемъ они ходятъ только съ дательн. пад. муж. рода при глаголѣ *быть: быть кротку*, *добру*, *любиму* Удержало первообразное склоненіе слово *Божій: Божія*, *Божію*, также и *Божіяго*, *Божіему*.

Вотъ въ какомъ видѣ первоначально явилось склоненіе производныхъ окончаній.

	единственное число.			множественное число.		
	муж.	жен.	сред.	муж.	жен.	сред.
И.	добръй	добрая	доброе	добріи	добрыя	добрая
Р.	добрааго	добрыя(оя)	добрааго	—	добрыихъ	—
Д.	добрууму*)	добрѣй	добрууму	—	добрыимъ	—
В.	добръй	добрую	доброе	добрыя	добрыя	добрая
Т.	добрыимъ	доброю	добрыимъ	—	добрыими	—
П.	добрѣемъ	добрѣй	добрѣемъ	—	добрыихъ	—

Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ и теперь слышатся старыя формы какъ един., такъ и множ. числа: *до-*

*) Здѣсь, какъ и въ род. пад., произошло уподобленіе звуковъ: вм. *добра-его, добро-ему;* впослѣдствіи двойныя гласныя слились въ одну: *а, у, ы, и, е.*

брыихъ, *добрыимъ*. Оконч. женск. рода родит. пад. *ой* могло составиться изъ стариннаго окончанія *оя: тоя, одноя*.

Именит. пад. множ. чис. муж. рода *ьи* сохранился только въ именахъ на *ій: рыбьи*, *человѣчьи*, *слоновьи*, и употребляется для всѣхъ трехъ родовъ. Эти же имена во всѣхъ падежахъ сокращаютъ *і* въ *ь: рыбьяго*, *рыбьему* и проч. Нынѣшнее окончаніе имен. пад. множ. числа звучитъ одинаково во всѣхъ родахъ; различіе же между *ые* и *ыя* и *іе* и *ія* не филологическое, а условное. Въ рукописяхъ XV и XVI стол. оконч. *ыи*, *ые*, *ыя* употреблялись безразлично; впослѣдствіи чаще другихъ стало встрѣчаться оконч. *ыя*. Передъ Ломоносовымъ въ тридцатыхъ годахъ (XVIII ст.) въ книгахъ, издаваемыхъ Академіею Наукъ, стало появляться окончаніе *ые* для мужескаго рода въ отличіе отъ женск. и средн., которымъ оставлено оконч. *ыя*, несмотря на то, что не всѣ писатели хотѣли слѣдовать этому правилу.

Тѣ же оконч. въ склоненіяхъ приняли многія числит. и мѣстоименія.

Числительное кол. *одинъ*, переходя въ женск. и средн. родъ или въ косвенные падежи, теряетъ *и: одна*, *одно*, *одного*, *одни*, и проч., хотя *и* здѣсь принадлежитъ корню, что видно въ словѣ *инокъ* (отъ стар. *инъ—одинъ*). Въ ц.-сл. языкѣ не замѣтно этого опущенія: *единъ—едина—едино—единаго* и проч. Въ склоненіи употребляются падежныя производныя окончанія прилагательныхъ. Впрочемъ, въ родит. пад. вмѣсто *аго* у насъ постоянно пишется *ого*. Во множ. числѣ сохраняется во всѣхъ падежахъ различіе между мужск. и женск. родомъ: *одни* и *однѣ*, *одних*ъ—*однѣхъ*, но въ старыхъ рукописяхъ, равно какъ и въ народномъ говорѣ, мы не замѣчаемъ подобнаго различія: обѣ формы употреблялись безразлично и даже чаще съ оконч. *ѣ* для всѣхъ родовъ.

Два и *двѣ* представляютъ намъ имен. и вин. падежи стариннаго двойственнаго числа, котораго род. и предл. были *дву*, дат. и твор. *двѣма*. Въ современномъ склоненіи для род., дат. и предл. падежей къ прежнему *дву* прибавляются окончанія прилагательныхъ множ. числа—*двухъ*, *двумъ;* но творит. пад. получилъ окончанія *мя*, которое является и въ числительныхъ

три, четыре: *двумя*, *тремя*, *четырьмя* (четыремя). Вѣроятно, это есть древнѣйшая форма творит. падежа, которая сохранилась также въ производныхъ нарѣчіяхъ: *ливмя*, *стоймя*.

Три, *четыре* въ склоненіи также принимаютъ окончанія прилагательныхъ множ. числа (исключая твор. пад.), соединяясь съ ними съ помощію гласной *е*: *трехъ—тремъ*, *четырехъ—четыремъ* и проч.

Прочія числит. и количественныя на *ть* склоняются, какъ существительныя женскаго рода съ неродовымъ окончаніемъ *ь* въ единственномъ числѣ.

Примѣч. Въ Остромировомъ Евангеліи эти числительныя являются дѣйствительно какъ имена женск. рода: *приобрѣте другую пять талантъ*.

Этимъ же числительнымъ въ склоненіи подражаютъ и сложныя имена *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ*, *семьдесятъ*, *восемьдесятъ*, при чемъ и первыя числа *пять*, *шесть* и проч. также склоняются: *пятидесяти*, *пятьюдесятью*. Отдѣльно же склоняются *двѣсти*, *триста* и т. д., принимая окончанія множ. числа существительныхъ: *двухъ сотъ*, *двумъ стамъ*, *двумя стами*.

Спряженія. § 45. Мѣстоименные корни послужили также флексіями для спряженія глагола. Для объясненія возьмемъ первообразный глаголъ *есмь*: онъ образовался еще въ языкѣ первобытномъ, откуда захватили его всѣ народы, отдѣляясь для своей особенной жизни. Приводя ихъ въ сравненіе, мы вездѣ видимъ одинъ и тотъ же корень *ас*, *ес* *), одно и то же окончаніе *ми* (санскр. *асми*, греч. ἐσμι, обратившееся въ εἰμί, лат. esum, обрат. въ sum). Что же выражаетъ то и другое? Корень выражаетъ *бытіе*, окончаніе—первое лицо *я*. Это *ми* есть корень нашихъ мѣстоименій *меня*, *мнѣ*, *мы*, *мой*, нѣмец. mir, mich, mein, латин. mei, mihi, meus, греч. μοῦ, μοῖ и проч. словъ, которыя указываютъ только на первое лицо. Въ старорусск. языкѣ *ми* обратилось въ *мь* по стремленію сокращать окончанія.

*) Глаголъ *быть, буду,* очевидно, происходитъ отъ другого корня; въ санскритск. языкѣ онъ выразился въ bhu, персид. *буденъ*, нѣм. bin, греч. φύω, лат. fui.

Примѣч. 1. Впрочемъ, въ старыхъ русскихъ рукописяхъ встрѣчается и окончаніе *ми*, напр. въ рук. 1489 г. «далъ *есми* Юрію на тѣ подводы деньги, а велѣлъ *есми* имъ изъ Ругодива подводы наняти до Колывани (грамота къ новогородскому намѣстнику).

Окончаніе второго лица вездѣ является *си: е-си* (санс. *а-си*, лат. es, греч. дорич. ἔσσι). Въ большей части изъ нихъ *с* коренное выпало передъ окончаніемъ *с*, что̀ въ славянск. языкѣ объясняетсл нелюбовью его удваивать звуки. Это окончаніе выражаетъ не что иное, какъ *ты*—2-ое лицо, оно явственно выказывается въ греческомъ языкѣ, представляя 2-е лицо личнаго мѣстоименія (σύ).

Въ окончаніи 3-го лица вездѣ замѣчается буква *т: есть* (санс. *асти*, лат. est, греч. ἐστί). Это *т* есть корень старославянск. мѣстоим. *тъ* и нашихъ *та, то* (греч. τό, τοῦ); всѣ они употреблялись въ качествѣ указательныхъ и вмѣсто 3-го лица личнаго. Слѣд., глагольное окончаніе *т* есть указаніе на третье лицо.

Во множественномъ числѣ употребляются тѣ же буквы. Въ первомъ лицѣ *есмы* (санс. *смас* вм. *асмас*, латин. sumus вм. esumus, греч. ἔσμεν) прямо представляется мѣстоим. лич. 1-го лица множ. числа.

Примѣч. 2. Кромѣ *есмы*, во многихъ старыхъ рукописяхъ встрѣчается *есмѧ*: «мы съ тобою любви, братства и единства хотимъ и грамоту *есмѧ* свою утвержденную на то записали, какъ намъ съ тобою быти за одинъ на своихъ недруговъ, и печать *есмѧ* свою къ той грамотѣ приложили и твоему послу Юрью ту *есмѧ* грамоту явили и послали *есмѧ* къ тебѣ ту грамоту съ нашими послы». (Наказъ послу Юрью Греку отъ Іоанна III къ римск. импер. 1490 г.). Въ словѣ *есмя* юсовое *я* одного происхожденія съ *ы* (есмы), которое нерѣдко замѣняло носовой звукъ, выражающій здѣсь множественное число, подобно греческому ἔσμεν.

Для выраженія 2-го лица множ. числа *есте* (санс. *ста* вм. *аста*, лат. estis, греч. ἔστε) употребляется корень отъ славян. *ты* (санскр. *твам*, лат. и перс. tu).

Въ третьемъ лицѣ слав. *суть* (санск. *санти*, лат. sunt) утрачена коренная *е*. Здѣсь то же самое *т* употребляется для указанія на 3-ье лицо, а множественное число выражается носовымъ звукомъ *н* (an, un), который въ нашемъ языкѣ обра-

щается въ юсовое *у;* во всѣхъ древнихъ русскихъ рукописяхъ *суть* встрѣчается съ *юсомъ: сѫть.*

Примѣч. Изъ всѣхъ этихъ формъ (*есмь, еси* и пр.) въ современномъ языкѣ употребляется только одна *есть;* она весьма часто слышится и вмѣсто множеств. *суть;* у меня *есть* деньги и книги; выраженіе у *меня есть*, вмѣсто *я имѣю*, гораздо употребительнѣе въ русскомъ говорѣ.

Разобравъ такимъ образомъ всѣ лица первообразнаго глагола, мы видимъ ихъ ближайшее родство съ личными мѣстоименіями, отсюда ясно, какъ образовалось спряженіе.

Первообразный знакъ 1 лица един. чис. *м* у насъ выказывается еще въ трехъ глаголахъ: *ѣмъ, дамъ, создамъ;* присоединимъ сюда и два ц.-сл. *вѣмъ* и *имамъ;* но во всѣхъ ихъ мягкое окончаніе *мь* (ми) отвердѣло, обратившись въ *мъ* (подобно, какъ въ латин. яз. sum inquam). Въ старо-славянск. языкѣ всѣ эти глаголы (кромѣ 2 л. ед. ч. *имамь*) и въ прочихъ лицахъ принимали первообразныя окончанія: *си, ть: даси, вѣси, вѣсть.*

Такъ какъ въ буквѣ *м* заключается носовой звукъ, то очень естественно, что она не могла удержаться въ нашихъ глаголахъ и по закону нашего языка обратилась въ *у*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ смягчается въ *ю* (точно такъ же, какъ въ греч. яз. явилось ω, и въ лат. *о*). Вотъ отчего въ нашихъ старыхъ рукописяхъ мы постоянно встрѣчаемъ въ окончаніи 1-го л. наст. вр. *юсъ* (ѫ, ѭ). Итакъ, будемъ знать, что здѣсь *у* и *ю*—буквы *носовыя.* Во второмъ лицѣ первообразное окончаніе *си* смягчилось въ *ши*, вслѣдствіе постояннаго стремленія нашего языка смягчать извѣстные звуки. Наконецъ *ши* обратилось въ *шь*, точно такъ же, какъ неопредѣл. нак. *ти* въ *ть.*

Въ рукописяхъ XI, XII и XIII ст. мы встрѣчаемъ при всѣхъ глаголахъ въ 3 лицѣ какъ един., такъ и множ. ч. первообразное окончаніе *ть;* впослѣдств. въ литературн. языкѣ оно стало измѣняться въ твердое *тъ*, которое существуетъ у насъ и теперь. Въ 1-омъ лицѣ множ. ч. у насъ во всѣхъ глаголахъ уцѣлѣлъ *м*, но при немъ скрылся гласный звукъ *ы*, уступивъ свое мѣсто въ письмѣ твердому знаку *ъ.* Въ нѣкоторыхъ славян.

нарѣчіяхъ здѣсь является вмѣсто нашего *мъ* окончаніе *мо*. Во второмъ лицѣ множ. ч. и понынѣ сохранилось первообразное окончаніе. Въ третьемъ же окончанія *утъ* и *ятъ* произошли изъ ѫтъ и ѧтъ, соотвѣтствующихъ латин. unt, ent, int (видѧтъ—vident). Буква *я*, будучи здѣсь носовою, не можетъ измѣнять предыдущихъ коренныхъ согласныхъ буквъ: *куплю—купятъ* (а не куплятъ), *хотѣть—хотятъ*.

Въ старинномъ языкѣ было еще двойственное число съ оконч. *вѣ* (1 лица), *та* (м. р.), *тѣ* (ж. р. 2 и 3 лица), которое теперь у насъ забылось: *есвѣ*, *естѣ*, *еста*, *любивѣ*, *любита*, *любитѣ*.

Глаголы спрягаются неоднообразно, здѣсь замѣчается различіе: 1) въ гласной передъ личнымъ окончаніемъ, 2) въ удареніи.

Кромѣ 1 лица един. ч. и 3 множ., всѣ другія лица передъ окончаніемъ имѣютъ гласную *е* или *и*: терп*и*шь, люб*и*тъ, ид*е*мъ, по*е*те (исключ. глаголы первообразнаго спряженія на *мь*). Здѣсь нужно обратить вниманіе на соотвѣтствіе этихъ двухъ гласныхъ съ носовыми 3-го л. мн. ч. *я—а* (ѧ), *у—ю* (ѫ, ѭ). *И* употребляется въ тѣхъ глаголахъ, которые принимаютъ *я* въ 3-мъ лицѣ мн. ч.: хран*и*шь—хран*я*тъ, терп*и*шь—терп*я*тъ, сто*и*мъ—сто*я*тъ. Точно такое же соотвѣтствіе замѣчается между *е* и *у*, *ю*: дѣла*е*шь—дѣла*ю*тъ, умр*е*тъ—умр*у*тъ, зябн*е*мъ—зябн*у*тъ, кол*е*те—кол*ю*тъ. Такимъ образомъ, съ перваго же взгляда спряженіе русскихъ глаголовъ распадается на два отдѣла: въ одномъ употребляются гласные *е—у*, *ю*; въ другомъ *и—я*, *а*; первый отдѣлъ мы называемъ первымъ спряженіемъ, другой—вторымъ спряженіемъ.

Что касается до удареній, то во многихъ глаголахъ нѣтъ соотвѣтствія въ удареніяхъ между неопредѣл. наклоненіемъ, 1-мъ лицомъ един. чис. и остальными лицами: *плыть—плыву́—плыве́шь*, *держа́ть—держу́—де́ржишь*, *иска́ть—ищу́—и́щутъ*. Здѣсь удареніе переходитъ съ одного слога на другой. Есть, впрочемъ, и весьма много глаголовъ съ постояннымъ удареніемъ: *говори́ть—говорю́—говори́шь—говори́мъ—говорятъ; таи́ть—таи́шь—таи́тъ*. Удареніе во 2 и 3 лицѣ един. ч. и во всѣхъ лицахъ мн. ч. всегда держится на одномъ слогѣ, слѣд., ударе-

ніе постоянное, но оно часто отличается отъ того, какое находимъ въ 1 лицѣ един. ч. При этомъ всегда повторяется одно явленіе: удареніе можетъ переходить только съ послѣдняго слога 1 лица на предпослѣдній въ прочихъ лицахъ: *рублю—рубишь, держу—держишь, могу—мóжешь* и проч. Обратной же перемѣны, т.-е. такой, чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній, никогда не бываетъ.

Примѣч. 1. Всѣ глаголы изъ породы *и* (любить, хранить, бѣлить и проч.) принадлежатъ 2 спряженію.

2. Буква *ѣ*, выражающая происхожденіе средняго залога изъ имени, видовая *а* и слоги *ну, ыва, ива* постоянно сохраняются и въ лицахъ, какъ буквы и слоги отличительные. Всѣ такіе глаголы принадлежатъ 1 спряженію: *бѣлѣть—бѣлѣютъ, пламенѣть—пламенѣютъ, бросать—бросаютъ, кольнуть—кольнутъ* и проч. Большая часть другихъ глаголовъ изъ породы *ѣ* теряютъ свою гласную и принадлежатъ 2 спряж.: *терпѣть—терпятъ, смотрѣть—смотрятъ;* но тутъ еще трудно вывести общія правила. Къ этому же спряженію относятся глаголы, выражающіе звукъ, въ которомъ буква *а* заступила мѣсто *я,* послѣ *ж, ч, ш, щ: кричать—кричатъ, трещать—трещатъ, стучать—стучатъ, пищать—пищатъ.*

3. Глаголы, кончающіеся въ корнѣ на *и,* въ личной формѣ сокращаютъ *и* въ *ь: бить—бью, лить—льешь, шить—шьютъ.* Всѣ они перваго спряж. Въ старо-славянск. яз. *и* оставалось безъ всякаго измѣненія; у насъ только два глагола удержали ее по причинѣ стеченія согласныхъ: *гнить—гнію, почить—почіютъ.* Глаголъ *жить* принимаетъ придыхательную *в: живу;* глаголъ *брить* измѣняетъ *и* на *ѣ: брѣю.*

4. Глаголы, кончающіеся въ корнѣ на *ы,* измѣняютъ *ы* въ *о* и относятся къ 1 спряж.: *выть—вою, рыть—рою, крыть—крою, мыть—мою.* Глаголы *слыть* и *плыть* принимаютъ придыхательную *в,* силясь удержать коренной гласный звукъ: *слыву, плыву.*

5. Глаголы, имѣющіе передъ окончаніемъ слогъ *ов, ев,* измѣняютъ его на гласную *у, ю,* при чемъ соединительная *а* исчезаетъ: *ковать—кую, сновать—сную, воевать—воюю, горевать—горюю, пировать—пирую.* Здѣсь замѣчается различіе въ удареніи: въ глаголахъ, имѣющихъ слогъ *ов* коренной, удареніе постоянно падаетъ на окончаніе: *кую, сую;* въ производныхъ же глаголахъ оно падаетъ на другіе слоги.

Слѣдующіе глаголы не сокращаютъ слога *ов, ев: уповать—уповаю, здороваться—здороваются, затмевать—затмеваю, намѣреваться—намѣреваются, сомнѣваться—сомнѣваются, обуре-*

вать—обуреваю, растлевать—растлеваю. Въ глаголѣ *здороваться* слогъ *ов* принадлежитъ имени прилагательному и потому не имѣетъ права сокращаться. Прочіе глаголы перешли въ неопред. видъ изъ породы *и* однократн. вида по способу старо-слав. языка, употребляя слогъ *ев,* какъ предыхательный передъ видовою *а,* потому слѣдуютъ всѣмъ глаголамъ, удерживающимъ свою видовую примѣту.

6. Согласные, скрытые въ неопредѣл. наклон., всегда обнаруживаются въ личной формѣ: *печь—пеку—пекутъ, стричь - стригу—стригутъ, цвѣсти—цвѣтутъ, ѣсть—ѣдятъ.*

7. Въ слѣдующихъ глаголахъ замѣчается отклоненіе: *лечь—лягу, сѣсть—сяду, ѣхать—ѣду, бѣжать—бѣгу, пѣть—пою.* Коренные глаголы *стать* и *дѣть* передъ личными приращеніями становятся въ производную породу *ну: стану, дѣну.* Въ глаголѣ *дать—дадутъ* замѣчается удвоеніе коренной согласной, точно такъ, какъ и въ другихъ языкахъ, напр., въ греч. δω — δίδωμι, въ лат. do — dedi, въ санскр. *да—дадами.* Къ глаголу *дать* примыкаетъ и гл. *создать—создадутъ.*

8. Звуки *т* и *к* передъ *ю* измѣняются въ *ч,* при чемъ и самое *ю* переходитъ въ *у: хохотать—хохочутъ, искать—ищу, скакать—скачутъ.* Въ нѣкоторыхъ же глаголахъ вмѣсто *ч* является старославянское *щ: клеветать—клевещутъ, роптать—ропщутъ* и *ропчутъ.* Въ глаголѣ *слать с* смягчается въ *ш: шлютъ, мыслить—мышлю.*

Въ 1 спряженіи *е* связываетъ личныя окончанія съ корнемъ, при чемъ происходятъ обыкновенныя измѣненія *г* въ *ж, к* и *ч: читаю—читаешь, пеку—печетъ, стригу—стрижемъ* и пр. Во 2 спряж. мѣсто *е* замѣняетъ *и,* не производя никакихъ смягченій: *люблю — любишь, кричу — кричишь, лечу — летитъ, умерщвлю—умертвишь.*

Примѣч. Глаголовъ, отступившихъ въ спряженіи отъ общихъ законовъ, у насъ весьма немного.

1) брить—брѣютъ, 2) бѣжать—бѣгутъ—бѣжишь—бѣжитъ, 3) итти—иду—*шелъ,* 4) клясть—клену—*клялъ,* 5) *лечь—лягутъ,* 6) пѣть—пою, 7) *сѣсть—сяду,* 8) хотѣть—хотятъ—*хочу*—хочешь—хочетъ—хотимъ—хотите, 9) *ѣхать—ѣду,* 10) *молоть—мелю.* Отнесемъ сюда же и глаголы первообразные: *дать—дамъ—дадутъ, ѣсть—ѣмъ—ѣдятъ, создать—создамъ—создадутъ.*

Кромѣ тѣхъ личныхъ формъ глагола, о которыхъ мы уже говорили, въ русскомъ языкѣ есть еще одна форма, въ которой могутъ выражаться всѣ лица, почему и слѣдуетъ ее назвать *неопредѣленною* или *общею личною формою;* въ грамма-

тикахъ ее называютъ *повелительнымъ наклоненіемъ*; отличительный ея звукъ есть *и*, соединенный съ корнемъ глагола; но по стремленію русскаго языка сокращать конечную гласную *и*, она и здѣсь, не будучи подъ удареніемъ, переходитъ въ *ь* послѣ согласной, если только позволяетъ выговоръ, и въ *й* послѣ гласной: *колоть—коли, жалѣть—жалѣй, бросить—брось, сохнуть—сохни*. Въ послѣднемъ примѣрѣ *и* безъ ударенія не измѣнилось на *ь*, потому что *ь* послѣ двухъ согласныхъ сдѣлало бы труднымъ выговоръ. Изъ этой формы составляются новыя съ другими флексіями: *пойдите, пойдемте.*

Неправильно составились у насъ *лягъ* отъ *лечь* и *ѣшь* отъ *ѣсть*. Эту послѣднюю нельзя здѣсь принимать за опредѣленную личную форму 2 лиц. ед. числ.: *ты ѣшь*. Сходство ихъ случайное. Здѣсь *ш* перешло изъ *ж*; слѣдовало бы писать *ѣжь*, гдѣ *ж* есть не что иное, какъ смягченное коренное *д* (*ѣд*ятъ); въ ц.-слав. яз. *яждь*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Словосочетаніе.

Связь языка съ духовною дѣятельностью. § 46. Развитіе языка сливается съ духовнымъ развитіемъ народа: они взаимно другъ другу помогаютъ, и одно безъ другого совершаться не можетъ. Духовное развитіе заключается въ постоянномъ вырабатываніи новыхъ понятій, въ отыскиваніи новыхъ разнообразныхъ отношеній между понятіями, слѣд., въ пріобрѣтеніи новыхъ познаній и въ стремленіи примѣнить ихъ къ жизни. Но понятія, какъ обобщеніе представленій, не могутъ, подобно этимъ послѣднимъ, быть мыслимы образами. Для каждаго изъ нихъ долженъ быть особенный знакъ, гдѣ бы связывались въ одно всѣ общіе признаки, изъ которыхъ оно составилось. Этотъ знакъ есть названіе понятія, слово, и безъ него понятіе не можетъ опредѣлиться. Чѣмъ больше разви-

вается понятій, тѣмъ больше является и словъ. Различныя отношенія, которыя между понятіями находитъ разсудокъ, выражаются въ сужденіяхъ, а они не иначе могутъ вполнѣ опредѣлиться, какъ въ разнообразномъ сочетаніи словъ между собою, т.-е. въ развитыхъ предложеніяхъ, что уже ведетъ языкъ къ синтаксическому развитію: оно еще усиливается необходимостью выражать и отношенія между сужденіями, что ведетъ къ развитію сложныхъ предложеній и періодовъ.

Языкъ состоитъ въ тѣсной зависимости не только отъ одного мышленія, т.-е. логики, но вообще отъ всего психическаго развитія. Звуками слова я могу выражать и чувства, и волю, и всякое состояніе духа.

Внѣшнія впечатлѣнія есть первоначальный источникъ дѣятельности нашей мысли, чувства и воли. Развитіе языка и началось съ выраженія сознанныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, т.-е. ощущеній, переходящихъ по извѣстнымъ психическимъ законамъ въ представленія, чувство и волю и развивающихся въ мысль.

Выраженіе чувства. § 47. Впечатлѣнія, еще не ясно сознанныя и быстро подѣйствовавшія на нервы, выражаются невольными восклицаніями, какъ, напр., *ай*, *ой*, *ахъ*, *охъ*, *ухъ* и друг., которыя въ грамматикахъ обыкновенно называются *междометіями*. Они еще не выражаютъ ни понятія, ни отношенія между понятіями, но представляютъ только звуки, выражающіе различныя быстрыя движенія души, какъ, напр., горя, радости, угрозы, досады, удивленія, презрѣнія и проч.; большая часть коренныхъ междометій сходна во всѣхъ языкахъ, потому что въ проявленіи чувствъ человѣческая природа дѣйствуетъ вездѣ одинаково. Сюда же относятся и звукоподражательныя частицы, выражающія ощущеніе отъ быстраго впечатлѣнія на слухъ, какъ, напр., *бухъ, бацъ, брякъ, пафъ* и др.

Восклицаніями выражаемъ мы и сознанную причину быстро возбужденнаго сильнаго чувства: *бѣда! огонь! воры!* Здѣсь ощущеніе перешло въ представленіе, но еще не выразилось въ сужденіи.

Неполное предложеніе. § 48. Преобладающее въ насъ чувство нерѣдко отвлекаетъ вниманіе отъ предмета или силы, производящей это чувство, но сознанное умомъ выражается уже какъ сужденіе, хотя въ предложеніи не полномъ, какъ, напр., *страшно, досадно, обидно, весело, шумно, уютно, забавно, смѣшно, пріятно* и пр.

Такимъ же неполнымъ предложеніемъ въ русскомъ языкѣ выражаются и ощущенія физическія, при чемъ употребляются формы болѣе глагольныя, чѣмъ прилагательныя: *смеркается, вечерѣетъ, разсвѣтало, снѣжило, затрещало въ ушахъ, закружилось въ головѣ, заложило уши, бѣлѣетъ на дворѣ, ужо вамъ будетъ* и др.; въ формахъ прилагат.: *холодно, тепло, свѣжо.* Въ подобныхъ формахъ могутъ являться и предложенія довольно развитыя:

Гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается.
У лавки иногда доходитъ до давки (Крыл).

Въ древнія времена, когда вѣрили, что стихіями владѣютъ какія-то невидимыя силы, дѣйствующія противъ человѣка, могли составиться такія выраженія: *убило громомъ, занесло непогодою, разбило бурею, сломило вѣтромъ.* Здѣсь громъ, непогода, буря, вѣтеръ представляются только какъ орудія дѣйствія, и все предложеніе выражаетъ ощущеніе отъ дѣйствующей силы, не называя ея.

Мы пользуемся такими предложеніями, когда хотимъ указать на орудіе, въ которомъ скрывается и дѣйствующая сила: *солнцемъ освѣтило садъ. Мышенка запахомъ пирушки привлекло* (Крыл.). *Бѣдой отечеству грозило* (Пушк.). *То скосило градомъ, то сняло пожаромъ* (Кольц.).

Полныя предложенія. § 49. Подобныя предложенія легко могутъ переходить въ полныя, т.-е. въ такія, гдѣ дѣйствующая сила или главный предметъ со своимъ признакомъ ясно обозначаются: *громъ убилъ его, солнце освѣтило садъ, бѣда грозила отечеству.*

Обыкновенная логическая форма полнаго предложенія во всѣхъ языкахъ должна выражать полное сужденіе, т.-е. отношеніе между понятіями или предметъ съ тѣмъ признакомъ, который въ данный моментъ произвелъ особенное впечатлѣніе. Предметъ сужденія и признакъ должны выразиться въ *подлежащемъ* и *сказуемомъ: Иванъ уменъ; братъ ѣдетъ къ намъ.* Здѣсь высказывается отношеніе, какъ оно сознается говорящимъ, между Иваномъ и умомъ, братомъ и извѣстнымъ мѣстомъ. Предметомъ сужденія могутъ быть всѣ ощущенія, слѣд., и подлежащія могутъ выражаться въ разнообразныхъ формахъ, точно такъ, какъ и сказуемыя, выражающія другое понятіе, къ которому имѣетъ какое-либо отношеніе предметъ сужденія. Всѣ обобщенія или отвлеченія могутъ составить ту или другую часть сужденія:

Горе поразило меня.

Прекрасное привлекательно.

Чтеніе полезно.

Читать полезно.

Красть—грѣхъ.

Красть—стыдно.

Обманывать не слѣдовало.

Быть счастливымъ хочется всѣмъ.

То было веселье.

Была плутовка такова.

Прочь зависть.

Онъ ни гу-гу.

Ура прогремѣло отовсюду.

Подлежащее можетъ быть также сложное, т.-е. выражаться въ нѣсколькихъ словахъ:

Быть безъ грѣха—невозможно.

Онъ и она—согласная чета.

Бараны, овцы и козы были наше стадо.

Два да два—четыре.

Сотня улановъ да полсотни казаковъ будутъ его кавалерія.

Даже цѣлое предложеніе можетъ переходить въ подлежащее. «*Господи помилуй*» послышалось въ толпѣ. «*Будьте здоровы*» было обыкновенное его привѣтствіе.

Сказуемое также можетъ выражаться въ нѣсколькихъ словахъ:

Всѣ они *были съ прекраснымъ поведеніемъ.*

Безъ кошекъ сталъ купчина мой.

Въ дѣлежѣ когда *было безъ спору.*

Топоръ *пошелъ въ худыхъ.*

Куда какъ *чуденъ созданъ* свѣтъ.

Тѣ *вышли вонъ,* не только *правы,* чуть *не святы.*

Въ предложеніи должно выражаться и время или тотъ моментъ, въ который проявлялось извѣстное отношеніе между понятіями. Выраженіе этого момента принадлежитъ сказуемому, если признакъ предмета заключается въ извѣстномъ дѣйствіи, то въ этомъ случаѣ глаголъ въ личной формѣ можетъ выражать и признакъ и моментъ, въ противномъ же случаѣ сказуемое является сложнымъ: для выраженія момента, въ него входитъ какая-либо личная форма глагола *быть, бывать, стать,* съ которой соединяется другое слово для выраженія признака. Формы соединенія здѣсь весьма разнообразны: всѣ имена съ предлогомъ соединяются съ той или другой личной формой вспомогательнаго глагола и дѣлаются сказуемыми. При этомъ нужно замѣтить, что въ современномъ русскомъ языкѣ для выраженія настоящаго момента личныя формы отъ глаг. *быть* не употребляются. Вотъ примѣры соединенія изъ басенъ Крылова:

Червонецъ *былъ запачканъ и въ пыли.*

И въ лентахъ, и *въ чести* и *молодъ былъ бы онъ.*

Ларецъ *съ секретомъ,* онъ и *безъ замка.*

Слоны *въ диковинку* у насъ.

Это *къ худу.*

Каштаны не *про насъ.*

Та *замужемъ* давно.

Ихъ затѣи не *у мѣста.*

Всѣ ворота *назапоръ.*

Бѣда *надъ головой.*

Латинскіе попы съ нимъ *заодно* (Пушк.).

Глаголъ *есть* употребляется только при *логическихъ опредѣленіяхъ* понятій, но уже не въ смыслѣ настоящаго момента, а вообще всего безграничнаго времени:

Рыба *есть* животное водное.

Земля *есть* планета, планета *есть* тѣло.

Въ этомъ случаѣ логическій смыслъ не допускаетъ отдѣльнаго употребленія *былъ* или *будетъ*, но вмѣстѣ съ *есть* они могутъ быть употреблены.

Рыба *была*, *есть и будетъ* животное.

Земля *была и есть* планета.

Есть не въ смыслѣ воспомогательнаго глагола, а какъ выраженіе *бытія*, *существованія*, употребляется какъ простое сказуемое неизмѣнно для обоихъ чиселъ:

При богатствѣ *есть* также непріятства (Крыл.).

Есть упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю (Пушк.).

Сокращенныя формы предложеній. § 50. Для выраженія впечатлѣнія, сказуемое можетъ не произноситься въ рѣчи:

Бѣда со всѣхъ сторонъ.

Съ просьбой всѣ къ нему.

Онъ опять за ту же работу.

Навстрѣчу вдругъ дождь и громъ.

Самъ себя ножомъ по горлу.

Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Куда мы съ вами.

Онъ локоть на окно.

Здѣсь главная сила въ выраженіи ощущенія. *Скрытое* же сказуемое, которое не трудно возстановить по общему смыслу рѣчи, выражаетъ движеніе, представить которое предоставляется воображенію.

Точно также можетъ не произноситься подлежащее, если оно слишкомъ общее или неопредѣленное, какъ, напр., *нѣкто*, *нѣчто*, *люди*, *всѣ*, или если нужно выразить дѣйствіе, какъ ощущеніе говорящаго, не опредѣляя дѣйствующихъ лицъ:

Въ Москвѣ *прибавятъ* вѣчно втрое.

Только здѣсь и *дорожатъ* дворянствомъ.

Не въ войнѣ, а въ мирѣ *брали* лбомъ.

Стучали объ полъ не жалѣя.

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ *заговорятъ*.

Ей давно о вас *говорено* (Гриб.).

Ужъ *послано* въ догоню (Пушк.).

Въ грамматикахъ такія предложенія называются *безличными.*

Для быстроты впечатлѣнія глаголы здѣсь могутъ обращаться въ глагольныя имена, выражая уже одно ощущеніе.

Въ домѣ *стукъ*, *ходьба* (стучатъ, ходятъ), *метутъ* и *убираютъ.*

Вчера просилась спать—*отказъ* (отказали) (Гриб.).

Формы сказуемаго. § 51. Сказуемое часто выражается въ формѣ прилагательной или причастной, которыя въ русскомъ языкѣ употребляются только съ родовыми окончаніями; передавая простое ощущеніе (безъ подлежащаго), сказуемое въ этомъ случаѣ является съ окончаніемъ средняго рода ед. ч., которое собственно показываетъ отсутствіе естественнаго рода (муж. и женск.).

И *скучно* и *грустно.*

И *голодно* и *холодно.*

Смеркалось, *вечерѣло*, *разсвѣтало*, на дворѣ *потемнѣло.*

Досталось всѣмъ. *Ѣлось* и *спалось.*

Сказано и *сдѣлано.*

Въ той же формѣ является сказуемое при подлежащемъ, не имѣющемъ родового окончанія:

Учиться *необходимо.*

Встрѣтиться съ нимъ *было пріятно.*

Б здѣсь *написано.*

Ни гу-гу *раздалось* среди насъ.

Слава тебѣ Господи—*пронеслось* въ толпѣ.

При подлежащемъ съ родовымъ окончаніемъ въ именит. пад. сказуемое въ формѣ прилаг. и причаст. согласуется съ нимъ въ родѣ и числѣ, въ личной глагольной формѣ—въ числѣ и лицѣ (исключ. *есть* см. выше).

Я *буду доволенъ* судьбою.

Мы *ищемъ* счастья.

Красота *восхитительна.*

Наше бытіе *не вѣчно.*

Иногда грамматическая форма подлежащаго не согласуется

съ содержаніемъ, которое въ немъ выражается, напр., слово въ единств. числѣ выражаетъ много предметовъ (собирательное) или слово въ среднемъ родѣ представляетъ лицо мужеск. рода. Въ такомъ случаѣ сказуемое можетъ согласоваться съ подлежащимъ по смыслу *логически*, а не грамматически:

Большая *часть были* волки (Крыл.).

Отроча порфирородно въ царствѣ сѣверномъ *рожденъ* (Держав.).

Одно значительное лицо недавно *сдѣлался* значительнымъ лицомъ (Гоголь).

Его *величество былъ* здѣсь.

Поселился у насъ *объѣдало* и *опивало*.

При подлежащемъ *нѣсколько* сказуемое можетъ согласоваться съ нимъ и грамматически, и логически, т.-е. стоять въ единствен. и множ. числѣ.

Нѣсколько дамскихъ головокъ *обратилось* къ нему и *стали* называть его (Пушк.).

Во множественномъ числѣ можно поставить сказуемое при подобномъ сложномъ подлежащемъ:

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся (Крыл.).

Хозяинъ съ женой низко *кланялись* (Кольц.).

Иное согласованіе будетъ, когда слово *съ Пиладомъ*, *съ женой* будетъ дополненіемъ къ сказуемому:

Орестъ *грызется* съ Пиладомъ.

Хозяинъ кланялся *съ женой*.

Прилагательныя и причастія, употребляемыя съ двоякимъ оконч. (долгимъ и короткимъ), въ *сказуемомъ* являются съ окончаніемъ *короткимъ*, когда нужно указать на признакъ *временной*, принадлежащій только извѣстному моменту, и съ оконч. *долгимъ*, когда имѣется въ виду указать на признакъ *отличительный* или *постоянный:*

Онъ былъ *сердитъ*, когда приходилъ къ намъ (въ тѣ моменты).

Онъ былъ *сердитый* (черта его характера).

Желѣзо было *горячо* (когда его видѣли).

Желѣзо у насъ было *горячее* (постоянный, отличительный признакъ).

Тогда мы были *молоды*.

Мы были *молодые.*

Горѣвшій домъ былъ *черенъ* (тогда, когда горѣлъ).

Горѣвшій домъ былъ *черный* (и прежде того).

Она *обманута* (въ данный моментъ).

Она *обманутая* (за нею навсегда остался этотъ признакъ).

Есть признаки, которые по отношенію къ данному предмету не могутъ быть временными, какъ, напр., всемогущество по отношенію къ Богу, но тѣмъ не менѣе можно употреблять оба выраженія: *Богъ всемогущъ* и *Богъ всемогущій.* Первое означаетъ проявленіе всемогущества въ каждый моментъ, слѣд., въ дѣлахъ; во второмъ всемогущество приписывается, какъ постоянное свойство въ числѣ другихъ.

Сказуемое въ формѣ существительнаго является въ именительн. падежѣ для выраженія признака, преобладающаго въ предметѣ или *постояннаго:*

Онъ *купецъ,* онъ былъ *купецъ,* онъ будетъ *купецъ.*

Ты *дитя,* ты будешь *дитя.*

Ты будешь *царь* земли родной.

Чему *свидѣтель* въ жизни будешь (Пушк.).

Если же нужно выразить признакъ *временной,* принадлежащій извѣстному періоду времени, то сказуемое является въ творительн. пад.:

Онъ былъ мнѣ *отцомъ.* Онъ будетъ *отцомъ.*

Я вамъ *свидѣтелемъ.*

Я *гонцомъ* у барина большого (Крыл.).

Этотъ человѣкъ всегда *причиной* мнѣ ужаснаго разстройства (Гриб.).

Буду *царемъ* на Москвѣ (Пушк.).

Впрочемъ, въ отношеніи моментовъ прошедшаго и будущаго сказуемое и въ формѣ прилагательной можетъ также явиться въ творительномъ пад. для выраженія признака, отличающаго только извѣстный періодъ времени:

Ты былъ *добрымъ,* ты будешь *добрымъ.*

Онъ былъ *старымъ,* онъ будетъ *старымъ.*

Я былъ *достойнымъ,* я буду *достойнымъ.*

Но для выраженія настоящаго момента можетъ явиться только именит. пад., такъ какъ здѣсь не можетъ выразиться

цѣлый періодъ времени. Сказуемое въ формѣ существительнаго, опредѣленнаго прилагательнымъ, можетъ явиться и въ род. пад. для указанія сферы, которою обладаетъ или къ которой принадлежитъ предметъ сужденія.

Женихи *были средней руки.*

Этотъ царь совсѣмъ *иного нрава.*

Они будутъ *такой цѣны* и *красоты.*

Весь совѣтъ *тѣхъ мыслей былъ* (Крыл.).

Онъ—*могучей силы.*

Въ сказуемомъ сложномъ—изъ глагола и существительнаго или прилагательнаго—послѣднія также являются въ именит. пад. для выраженія признака *постояннаго* (прилагат. съ долгимъ оконч.), или по отношенію къ *данному моменту* (прилагат. съ короткимъ оконч.), и въ творительномъ для выраженія признака *временнаго* по отношенію къ извѣстному періоду времени:

Она *сдѣлалась больная.* Она *сдѣлалась больна.* Она *сдѣлалась больною.*

Слонъ льву еще *казался неуменъ* и *неученъ.*

Какъ самъ *остался живъ* (Крыл.).

Онъ *остался живой.* Онъ *остался живымъ.*

Вышли вонъ не только *правы,* чуть не *святы.*

Цѣлъ котелъ съ дороги *воротился* (Крыл.).

Златой вѣнецъ *тяжелъ* имъ *становился.*

Его кресла *стоятъ пустыя* (всегда) (Пушк.).

Пускай изъ насъ одинъ *найдется врагъ* исканій.

Міръ цѣлый *казался прахъ и суета* (Гриб.).

Онъ *дѣлается знатная особа.*

Съ измѣненіемъ падежей въ сказуемомъ придаемъ имъ и другіе оттѣнки въ значеніи.

Формы подлежащаго въ связи со сказуемыми. § 52. Предложенія, въ которыхъ должна выразиться *количественность,* строятся въ русскомъ языкѣ совсѣмъ особымъ образомъ: подлежащее является въ формѣ родительн. пад., а сказуемое или въ глагольной формѣ—въ 3 лицѣ ед. ч., или же въ формѣ прилагат. и причастной—въ сред. родѣ ед. ч.

Натыкано *настьстоков*.

Въ дому было *сластей* и *винъ*.

Убавилось толпы.

Трудовъ поуменьшилось.

За мною только лишь и *дѣла*.

Только и *рѣчей пошло,* что про орла (Крыл.).

Отъ этихъ приставовъ только и *толку*.

У меня *достанетъ силы*.

Съ меня *довольно сего сознанья* (Пушк.).

Ѣзды до царства было три мѣсяца.

Будетъ товаровъ на десять подводъ (Народ. сказ.).

При этомъ нерѣдко употребляется опредѣлит. мѣстоим. *весь* въ род. пад.; въ родѣ же и числѣ оно или *согласуется съ именемъ*, которому требуется количественное опредѣленіе: *всей ѣзды было* три мѣсяца, *всѣхъ товаровъ* на десять подводъ, или является *независимо,* обозначая *сумму: всего* ѣзды было три мѣсяца, *всего товаровъ* на десять подводъ, отъ этихъ приставовъ *всего* только и толку, собакъ *всего* сбѣжалось съ полсотни.

Количества *раздѣлительныя* или *приблизительныя,* выражаясь предлогами *по, близъ, около, отъ—до,* также могутъ являться въ смыслѣ подлежащаго и соединяются со сказуемымъ по общему правилу:

Приходило по три работника.

Каждую ночь *пропадаетъ по яблочку* (Народ. сказ.).

Было близъ семи часовъ.

Прибыло около сотни.

Засохло отъ пятидесяти до шестидесяти деревъ.

Но является *отъ пяти до десяти человѣкъ.*

Мѣстоим. *всего* можетъ являться и здѣсь: *всего* по яблочку, *всего* около сотни.

Сложное подлежащее мѣстоим. *что* въ смыслѣ *сколько, какая часть* представляетъ имя также въ род. пад.:

Что въ ней *прибыли.*

Что дурного было въ немъ.

Что бывало *разговору.*

Если въ сложномъ подлежащемъ числительное *количествен-*

ное соединяется съ именемъ *извѣстнымъ*, опредѣленнымъ, тогда сказуемое ставится во *множественномъ* числѣ; если же рѣчь идетъ о предметахъ *неизвѣстныхъ какихъ-нибудь* или выдѣленныхъ, какъ часть изъ цѣлаго, то сказуемое является въ среднемъ родѣ ед. ч.

Четыре мои сестры вышли замужъ.

Десять деревъ украдено (неопредѣленныхъ).

Пятью хлѣбами и тремя рыбами *насыщено пять тысячъ человѣкъ* (неопредѣл.).

Три добрые парня пошли въ солдаты (извѣстные).

Три парня пошли въ солдаты (какихъ-то).

Отрядъ *составляли двѣсти пятьдесятъ одинъ солдатъ* (опредѣл.).

Наберется двадцать двѣ бабы (какихъ-то).

Они двое пришли (извѣстн.).

Ихъ двое пришло (неиз.).

Предложенія отрицательныя. § 53. Въ отрицательныхъ предложеніяхъ подлежащее, указывая на предметъ *опредѣленный, извѣстный*, является въ именит. пад., и сказуемое съ нимъ согласуется, а указывая на предметъ *неопредѣленный*, оно выражается въ формѣ родит. пад., и тогда глагольн. сказуемое по общему правилу принимаетъ окончаніе 3 лица ед. ч., причастное же—оконч. сред. род. ед. ч.

Не проходилъ день (извѣстный). Не проходило дня (ни одного).

Не нашлись карты (извѣстныя). Не нашлось картъ (никакихъ).

Не бывали жданные гости (которыхъ ожидали).

Не бывало жданныхъ гостей (никакихъ не ждали).

Не будетъ вашъ другъ. Не будетъ друга.

Не будетъ у васъ Иванъ Ивановичъ (извѣстное лицо).

Не будетъ у васъ Ивана Ивановича (не будетъ другого такого же, похожаго на него).

Не приготовлено всего платья (какое есть).

Не приготовлено все платье (приготовлена только часть его).

Нѣтъ много человѣкъ (есть немного).

Нѣтъ многихъ человѣкъ (въ счетѣ недостаетъ много).

При *нѣтъ* обыкновенно является форма род. пад.; при отрицат. прошедшемъ и будущ. врем. (былъ и будетъ) для выраженія совершеннаго небытія подлежащія мѣстоим. личн. являются въ род. пад.

Меня не было на свѣтѣ.

Его не было въ живыхъ.

Васъ не будетъ среди насъ.

Насъ не будетъ среди васъ.

Въ отрицательныхъ предложеніяхъ частица *не* является передъ словомъ, выражающимъ отрицательное понятіе:

Не на радость прочитали вы книгу.

На радость *не* прочитали вы книгу.

На радость прочитали *не* вы книгу.

На радость прочитали вы *не* книгу.

Отрицаніе, повторенное при однородныхъ словахъ, соединенныхъ союзомъ *и*, выражается частицею *ни:*

Ни читаетъ, *ни* пишетъ (не читаетъ и не пишетъ).

Ни слава, *ни* счастье привлекали его (не слава и не счастье).

Послѣ отрицательнаго сказуемаго при другихъ однородныхъ словахъ повторяется отрицаніе въ формѣ *ни*:

Я *не* встрѣчалъ *ни* брата, *ни* сестры (брата и сестры), *ни* въ домѣ, *ни* въ саду, *ни* вчера, *ни* сегодня.

Отрицательные отвѣты на вопросы *кто, что, какой, который, гдѣ, куда, когда, сколько* требуютъ двойного отрицанія: *не* при сказуемомъ и *ни* при мѣстоименіи и нарѣчіи:

Кто считалъ? никто *не* считалъ.

Гдѣ и когда было? нигдѣ, *ни*когда *не* было.

Что васъ заботитъ? *ни*что насъ *не* заботитъ.

Какого счастья вы ищете? *ни*какого счастья *не* ищемъ.

Который пріѣхалъ? *ни*который *не* пріѣхалъ.

Сколько ихъ было? нисколько *не* было.

Въ выраженіяхъ *не видно ни крошки, не утаилъ ни соринки* и подобн. *ни* могло остаться отъ пропуска словъ *одного* или *какого*: не видно *ни одной* крошки, не утаилъ *никакой* соринки.

Есть предложенія, которыя могутъ только по формѣ на-

зваться отрицательными, а не по содержанію, такъ какъ въ нихъ выражается не отрицаніе понятія, а, напротивъ, усиленное качество или дѣйствіе:

Онъ выбралъ что *ни лучшую* птицу (превосх. степень—что не есть лучшую).

Какъ смерть моя *ни зла* (какой нѣтъ злѣе — превосход. степень).

Отколь *ни взялся* ястребъ злой (откуда нельзя ожидать — мгновенно, быстро).

Какъ *ни старайся* (старайся какъ нельзя болѣе).

Что вы *ни начнете* (все, что начнете).

«Ни» употребляется также для выраженія неопредѣленнаго предположенія: *какой бы ни было, что бы ни было, кто бы ни былъ, какъ бы ни случилось, что бы ни говорили, гдѣ бы ни искали, куда бы ни пошли, когда бы ни встрѣтили.*

Неопредѣленное наклон. съ дательнымъ падежомъ. § 54. Желая выразить нѣчто неизбѣжное, необходимое или желанное, предполагаемое, возможное въ нашемъ сознаніи, но еще не проявившееся въ дѣйствительности, мы строимъ предложенія совсѣмъ особеннымъ образомъ: неопредѣленное наклоненіе здѣсь соединяется съ лицомъ въ дательномъ пад. и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ предложеніе, при чемъ по смыслу предполагается будущее время:

Врядъ *царю Борису сдержать* вѣнецъ на умной головѣ. (Пушк.).

Намъ не за кѣмъ *смотрѣть*.

Мнѣ ли молодцу *жить* за печкою (Кольц.).

Не *расти травѣ* послѣ осени, *не цвѣсти цвѣтамъ* зимой по снѣгу (Кольц.).

Ужъ чужихъ имѣній *мнѣ не знать* (Гриб.).

Ужъ *мнѣ* въ васъ, палатушки, *не бывати*,
Отъ своего царя ласкова слова *не слыхати*. (Нар. п.).

Тебѣ, Ермаку, *быть повѣшену*,
А *намъ*, казакамъ, *переловленнымъ*. (Нар. п.).

Быть грому великому, идти дождю стрѣлами (слово о Полк. Игор.).

При этомъ нерѣдко не произносится мѣстоим. личное, какъ выраженіе лица, къ которому должно относиться предполагаемое дѣйствіе:

Сказать (*мнѣ*) вамъ сонъ.

Рѣчь завести (*вамъ*) о генеральшѣ.

Посравнить, да посмотрѣть (*намъ*) вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій (Гриб.).

Лишь сани подъ него подвесть (*мнѣ*) (Крыл.).

Хотя въ такихъ выраженіяхъ обыкновенно предполагается будущее время, но для большей силы иногда въ нихъ является и глаголъ *будетъ.*

Что мнѣ *будетъ* дѣлать?

Какъ и гдѣ-то, братцы, *намъ* зимовать *будетъ?*

Ужъ *тебѣ* ли горемъ поля не *насѣяти*,

Горючьми слезами моря не *наполнити*.

Ужъ царя *тебѣ* не *поднять будетъ* (Нар. п.).

Когда же предполагаемое дѣйствіе предоставляется сознанію въ прошедшемъ, то является глаголъ *было:*

Что намъ *было* дѣлать?

Намъ *было* погибнуть.

Здѣсь неопредѣленное наклоненіе является какъ подлежащее. Подобное же происходитъ, если мы захотимъ выразить особенно и самую возможность или необходимость, какъ признакъ дѣйствія, слѣд., въ смыслѣ сказуемаго:

Сто разъ вамъ *(должно)* повторять.

Что ему (*нужно)* дѣлать?

Гдѣ кому *(можно)* ѣхать?

Куда (*слѣдуетъ)* выйти?

Такъ какъ одно изъ назначеній дательнаго падежа выражать лицо, отъ котораго должно идти направленіе дѣйствія, то потому и въ предложеніяхъ возможности и необходимости лицо является въ дательномъ падежѣ.

Если же нужно выразить не предполагаемую возможность или необходимость дѣйствія, а лицо, которое должно было или будетъ совершать дѣйствіе, то это лицо и является *подлежащимъ;* тогда и *неопредѣл. наклон.* обращается въ *сказуемое:*

Сто разъ *я буду* вамъ *повторять.*
Сто разъ *я долженъ былъ повторять.*
Я ль буду жить за печью?
Трава *не можетъ расти* послѣ осени.

Вопросительныя предложенія. § 55. Предложеніе, въ которомъ выражается вопросъ, называется вопросительнымъ. Вопросъ дѣлается или особымъ тономъ голоса надъ тѣмъ словомъ, на которое ожидается отвѣтъ, или мѣстоименіемъ вопросительнымъ, или мѣстоименными нарѣчіями *куда*, *откуда, гдѣ, когда* и проч., или, наконецъ, союзами *ли*, *развѣ*, *неужели*, *или*. Вопросы прямые и косвенные мы любимъ выражать въ формѣ дательнаго съ неопредѣлен. накл.:

Неужто для друзей *не сдѣлать мнѣ* ни шагу? (Гриб.).
Говорить ли вамъ это?
Какъ *открыть* его *(ему)*, не догадался (Крыл.).
Думаетъ, что *ему дѣлать*, не знаетъ, куда *выдти.*
Приказалъ сдѣлать серебряныя цѣпи, на чемъ *повѣсить (ему)* гробъ (Нар. сказ.).

Ли (ль) соединяется всегда съ тѣмъ словомъ, на которое требуется отвѣтъ и которое по большей части выставляется первымъ въ предложеніи. Этотъ союзъ выражаетъ желаніе удостовѣриться въ фактѣ: *пришелъ ли онъ? онъ ли пришелъ? тогда ли онъ пришелъ?* Въ связи же съ отрицаніемъ *не* онъ выражаетъ вопросъ, соединенный съ *предложеніемъ не пришелъ ли онъ? не онъ ли пришелъ?*

Развѣ выражаетъ вопросъ, соединенный съ *сомнѣніемъ: развѣ онъ не приходилъ? развѣ ему придти?*

Неужели — вопросъ, соединенный съ *удивленіемъ: неужели онъ придетъ? неужели онъ не придетъ?*

Или — вопросъ, соединенный съ *ожиданіемъ противоположнаго отвѣта: или вы не знаете его? или я не человѣкъ?*

Для выраженія вопроса или удивленія вмѣсто *какой, какая* у насъ нерѣдко употребляется при существ. *что за*: *что за шейка, что за глазки? Что тамъ за домы?* (Крыл.).

За можетъ отдѣляться нѣсколькими словами отъ *что*, которое по большей части занимаетъ первое мѣсто въ предложе-

ніи: *Что это была за птица? Что мнѣ до этого за дѣло? Что здѣсь у васъ за край?*

Но отъ существительнаго *за* отдѣляется только однимъ прилагательнымъ: *что была у васъ здѣсь за прелестная птица?*

Примѣч. При склоненіи имени *за* остается безъ измѣненія: *что* за *прелестную птицу видѣлъ я!* Только въ предложномъ падежѣ имя не употребляется съ этою частицею. Хотя она должна назваться предлогомъ, но почему она является здѣсь почти со всѣми падежами—это остается у насъ пока не разрѣшеннымъ грамматическимъ вопросомъ.

Предложенія желательныя, условныя, повелительныя. § 56. Для выраженія приказанія сказуемое является въ формѣ, называемой въ грамматикахъ *повелительнымъ* наклон. Непремѣнная воля, какъ неизбѣжная необходимость, находитъ себѣ выраженіе въ формѣ *дательнаго съ неопредѣл. наклон.: Сдѣлать* это, не *смѣть* ходить (вамъ). *Идти* и *принести* (тебѣ).

Союзъ *пусть, пускай* выражаетъ *приказаніе, предположеніе: пусть онъ читаетъ, пусть читаетъ онъ. Пусть я посватаюсь* (Гриб.).

Такъ какъ эти понудительныя частицы составились изъ глагола *пустить, пускать*, то иногда въ зависимость отъ нихъ ставится подлежащее, выраженное мѣстоим. личн. 3 лица; оно является въ *винительн.* пад.:

Пусть *его живетъ* (Пусти его жить).

Пусть *ее спитъ* (Пусти ее спать).

Пускай *ихъ бранятся* (Пускай ихъ браниться).

Хоть выражаетъ *уступку* или послѣднюю *крайнюю мѣру: хоть почитаю книгу, хоть книгу почитаю, хоть я почитаю. Хоть пожилъ въ волю.* Оба эти союза соединяются съ тѣмъ словомъ, къ которому относится желаніе, предположеніе и проч.

Частица *бы* (происшедшая отъ древней глагольной формы *быхъ, бысть, быхомъ* и проч.) соединяется или съ причастной формой на *лъ*, или съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, которое иногда не произносится. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, она употребляется для выраженія *желанія, предположенія.*

Дружно бы взяться намъ за дѣло. Домой бы идти намъ, а вамъ бы въ гости. Все бы вамъ ходить по гостямъ. Пришелъ бы онъ ко мнѣ.

Вотъ васъ *бы* съ тетушкою *свесть* (Гриб.).

Вотъ *бы нашему братцу жениться* (Нар. ск.).

Во фразѣ *бы* можетъ занимать мѣсто по усмотрѣнію говорящаго, но если случится союзъ, то онъ обыкновенно притягиваетъ ее къ себѣ: *если бы, чтобы, дабы, какъ бы, пусть бы, хоть бы. Если бы, хоть бы* съ причастной формой выражаетъ *желаніе. Если бъ пришелъ онъ ко мнѣ! хоть бы дали ему что-нибудь;* съ неопредѣленнымъ накл.—*предположеніе цѣли: если бъ придти ему ко мнѣ, хоть бы дать ему что-нибудь.*

Чтобъ выражаетъ *желаніе* или *указаніе желанной цѣли: чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ придти ему ко мнѣ, чтобъ вамъ было на здоровье!* Сказать, *чтобъ не забыть.* Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть, *чтобъ* всѣхъ знакомыхъ *перечесть* (Гриб.).

Пусть бы—допущеніе *возможности, предположеніе: пусть бы пришелъ онъ ко мнѣ.*

Бы съ причастной формой при отрицаніи выражаетъ *опасеніе: не пришелъ бы онъ ко мнѣ. Не сдѣлали бы они чего-нибудь.*

Понужденіе къ дѣйствію или къ достиженію цѣли, равно усиленное дѣйствіе иногда выражается словами: *дай, давай, ну,* которыя вмѣстѣ съ неопредѣл. наклон. глагола составляютъ сказуемое для всѣхъ лицъ и чиселъ:

Пастухи *давай* его прочь *гнать.*

Кто посмѣлѣй *дай сѣсть* къ нему бочкомъ.

Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ (Крыл.).

И *давай пахать* землю плугомъ, да кривой сохой *перепахивать* (Кольц.).

Лягушка *ну топорщиться, пыхтѣть* и *надуваться.*

Моська *ну* на него *метаться* и *лаять,* и *визжать* и *рваться.*

Новые друзья *ну обниматься, ну цѣловаться* (Крыл.).

Глаголъ при слов. *дай, давай* можетъ быть и въ 1 лицѣ наст. и будущ. времени:

Дай попытаюсь, дай попытаемся.

Давай буду ѣсть, давай будемъ ѣсть.

Частица *ну* иногда не высказывается, и тогда сказуемымъ остается одно неопредѣленное наклоненіе при именит. пад.

Лиса туда сюда *метаться*.

Онъ кувыркаться, кататься и *кутаться*, и *завиваться* (Крыл.).

Они своего сына *уговаривать* (Нар. ск.).

Подчиненіе словъ. § 57. Предметъ сужденія и признакъ, приписываемый ему въ данный моментъ, не всегда могутъ быть выражены ясно, точно и полно, каждый въ одномъ словѣ; они требуютъ разныхъ поясненій, которыя и являются въ другихъ словахъ, становясь въ *грамматическое подчиненіе* къ первымъ; подчиненіе состоитъ въ формѣ, которую слово принимаетъ въ данномъ случаѣ или которая вызывается вопросомъ, требующимъ того или другого поясненія. Эти разнообразные вопросы могутъ быть трехъ родовъ:

1) *Вопросы косвенныхъ падежей*, требующіе *дополненія* къ глаголу.

2) *Вопросы мѣстоименные (какой, который)*, требующіе *опредѣленія* имени.

3) *Вопросы нарѣчій (куда, гдѣ, когда, какъ)*, требующіе указанія особаго *обстоятельства* при дѣйствіи или проявленіи признака.

Такъ какъ съ родительнымъ падежомъ соединяется понятіе объ *исключеніи, отдѣленіи* и отсюда объ *отрицаніи, превосходствѣ*, то поэтому вездѣ, гдѣ нужно выразить такое понятіе, при глаголѣ является дополненіе въ родительномъ падежѣ: они убѣгаютъ *зла*, я лишился *наслѣдства*, они боятся *враговъ*, не вижу *ничего*.

Какъ для выраженія неопредѣленности родительный пад. является вмѣсто именит. въ подлежащемъ, такъ онъ является вмѣсто винительнаго въ дополненіи при глаголѣ:

Это придаетъ мнѣ *силы* (нѣсколько—неопред.). Съ винит.: *силу*—извѣстную, опредѣленную.

Онъ искалъ *жены* (женщину, чтобъ жениться на ней). Съ винит.: *жену*—извѣстную личность.

Точно такъ же: искалъ *работы* (какая бы пришлась) и искалъ *работу* (опредѣленную).

Родительнымъ же падежомъ выражается и неопредѣленное количество или исключеніе части изъ цѣлаго:

Подали *воды*. Заняли *денегъ*. Добрыя вѣсти прибавятъ *чести*. Набрался *какихъ-то новыхъ правилъ*.

Съ винит. пад.: подали *воду*, заняли *деньги*, количественное выраженіе пропадаетъ, и является опредѣленность предмета: *извѣстную воду, извѣстныя деньги*.

Если предлогъ сообщаетъ глаголу значеніе *количественное*, то дополненіе къ нему является не въ винительномъ, а въ родит. пад.:

*На*толокъ *кирпича*, тогда какъ «толокъ *кирпичъ»; на*рубить *вздору* и «рубить *вздоръ»; на*купить *вещей* и «купить *вещи»*.

Такъ какъ винительнымъ падежомъ вообще обозначаютъ *мѣру* или *предѣлы дѣйствія*, то отсюда въ отрицательныхъ предложеніяхъ является колебаніе между родительн. и винительн. пад. какъ у писателей, такъ и въ народномъ языкѣ; съ отрицаніемъ связывается родит. падеж., но съ отрицаніемъ все же не уничтожается выраженіе мѣры и предѣла, выраженіе, съ которымъ связывается винит. пад.

Я не нашелъ *карты*, я не нашелъ *карту*.

Онъ не спалъ *всей ночи*, онъ не спалъ *всю ночь*.

Но чаще отрицаніе перевѣшиваетъ, и родит. пад. въ этомъ случаѣ употребительнѣе винительн.

Онъ *не* шелъ *двадцати верстъ*.

Хлѣбъ *не* вѣситъ *полуфунта*.

Не любитъ баловать *народа своего*.

Не съ кѣмъ молвить *слова* (Крыл.).

При числительномъ количественномъ имени также является родит. падежъ, при чемъ выказываются слѣдующія особенности:

а) При *два*, *три*, *четыре* имя предмета, какъ подлежащее, принимаетъ форму род. пад. ед. ч.: *два человѣка*, *двѣ жены*, *три окна*, *четыре дома*, а какъ дополненіе является въ множественномъ числѣ въ томъ падежѣ, какого требуетъ глаголъ: *двухъ человѣкъ*, *двумя женами*, *въ двухъ окнахъ*.

Примѣч. Окончаніе муж. род. *а* (человѣка) могло бы навести на мысль, что оно есть остатокъ стараго двойственнаго числа, но это

не оправдывается женскимъ и среднимъ родомъ, которые для двойственнаго числа имѣли оконч. *ѣ*, а не *а* и не *ы*.

b) При прочихъ числительныхъ количественныхъ въ именит. и винит. пад. имя является въ формѣ род. пад. мн. ч., а въ другихъ косвенныхъ пад. склоняется съ числит., какъ съ прилагательнымъ: *пять человѣкъ*, *пяти человѣкъ*, *пятью человѣками*.

с) *Сорокъ*, *девяносто*, *сто*, соединяясь съ именемъ, въ косвенныхъ падежахъ постоянно остаются въ формѣ род. пад.: Онъ отдался *сорока человѣкамъ;* восхваленъ *девяноста женами;* разошелся *во ста рубляхъ*.

Имя предмета въ винительномъ падежѣ, какъ дополненіе, является обыкновенно въ глаголѣ дѣйствительномъ, указывая предѣлы дѣйствія или опредѣленную его сферу:

Тучи носятъ *воду*,

Вода поитъ *землю*,

Земля *плодъ* приноситъ.

Вездѣ дѣйствіе ограничивается предѣлами извѣстнаго предмета: Я писалъ *письмо*, т.-е. мое дѣйствіе ограничивалось письмомъ.

Прилагательныя сказуемыя *слышно*, *видно*, выражая ощущеніе, сохраняютъ значеніе дѣйствительнаго глагола и потому соединяются также съ винительнымъ падежомъ:

Слышно за версту *проказу* (Крыл.).

Видно сокола по полету.

При сказуемомъ *надобно*, *надо* часто скрывается подлежащее *имѣть*, чѣмъ и объясняется при немъ винительный падежъ:

Расходы надобно (имѣть) большіе (Крыл.).

Надо (имѣть) *кровь* опять горячую.

Надо силу, силу прежнюю,

Надо волю безотмѣнную (Кольц.).

Если нужно выразить *цѣль*, къ которой направляется движеніе или дѣйствіе, то имя цѣли является въ дательномъ падежѣ:

Дайте *мнѣ* кусокъ хлѣба.

Господь вразумилъ меня *книжному искусству* (цѣль вразумленія—книжн. искусство).

Долгъ завѣщанъ *мнѣ*, грѣшному (Пушк.).

Предметъ, какъ бы притягивающій къ себѣ другой предметъ или дѣйствіе, чувство или ощущеніе отъ другого, принимаетъ значеніе цѣли, и имя его также является въ дательномъ падежѣ:

Онъ подчиняется *мнѣ*.

Послушны *волѣ своенравной* (Пушк.).

Это принадлежитъ *мнѣ*.

Книгамъ врагъ—врагъ *просвѣщенью*.

Они судьи *всему*.

День памятный *всему народу*.

Что *нищему грошъ*, то *богатому рубль* (ощущеніе отъ того и другого предм.).

Мнѣ досадно видѣть васъ.

Вамъ необходимо сдѣлать это (вы или ваша необходимость—цѣль дѣла).

Здѣсь не мѣсто *такимъ рѣчамъ*.

Дательный падежъ иногда можетъ замѣняться предлогомъ *для*, также выражающимъ *цѣль* или направленіе дѣйствія:

Сдѣлайте *для меня* (мнѣ).

Здѣсь не мѣсто *для такихъ рѣчей*.

День памятный *для всего народа*.

Что *для богатаго, то для нищаго*.

Примѣч. Въ старинномъ языкѣ на вопросъ *съ какою цѣлью, для чего, куда* имя, какъ выраженіе цѣли, ставилось въ дательн. пад.:

«Приведе Володиміръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыа *Кыеву*» (въ Кіевъ) (Новгородск. лѣтоп.).

Избивая гуси и лебеди *завтраку, и обѣду, и ужину* (для завтрака... Слово о Пол. Иг.). *Чему* (для чего), Господине, насильно вѣеши (тамъ же).

Въ старинномъ же языкѣ употреблялся дательный *независимый*, или самостоятельный, т.-е. придаточное предложеніе, въ которомъ подлежащее и сказуемое ставились въ дательныхъ пад., подобно какъ въ латинск. *творительный*, а въ греческомъ *родительный* самостоятельный; въ лѣтописяхъ: «И придоша (Половцы) въ монастырь печерскій, *намъ сущимъ* по кельямъ *почивающимъ*».

Ломоносовъ полагалъ, что въ *высокихъ стихахъ* поэты могутъ

употреблять такіе обороты, а впослѣдствіи Жуковскій дѣйствительно иногда прибѣгалъ къ нимъ:

Кругомъ *взгроможденному морю*, видитъ (судно) какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.

Если нужно выразить *силу*, *средства* или *орудіе*, которыя употреблены предметомъ для дѣйствія и которыми приведенъ предметъ въ извѣстное состояніе, тогда является *творительный падежъ:*

Онъ писалъ *однимъ перомъ.*

Дѣлалъ какъ будто *не своими руками.*

Хлѣбъ побитъ *градомъ.*

Онъ раззоренъ *пожаромъ.*

Бѣдой отечеству грозятъ.

Нами дерево такъ пышно и кудряво (Кр.).

Лицо, которымъ совершено дѣйствіе, здѣсь идетъ наравнѣ съ орудіемъ:

Домъ купленъ *моимъ отцомъ.*

Астрономами вычисляется разстояніе отъ земли до солнца.

Когда нужно выразить орудіе, въ которомъ скрывается и дѣйствующая сила, то творит. пад. является *логическимъ* подлежащимъ въ предложеніи: какъ, напр., *скосило градомъ, сняло пожаромъ, грозило бѣдой* (см.).

Особое значеніе падежей *творительн.* и *винительн.* сообщаетъ выраженію при однихъ и тѣхъ же глаголахъ и особые оттѣнки:

Вертитъ *хвостомъ* (хвостъ употребляется какъ орудіе дѣйствія, чтобы выразить извѣстныя чувства).

Вертитъ *хвостъ* (производитъ дѣйствіе надъ хвостомъ).

Пожертвовалъ *домомъ*, чтобы развести садъ (средство для цѣли).

Пожертвовалъ *домъ* для помѣщенія училища (отдалъ домъ подъ училище).

Въ первомъ случаѣ домъ смѣнился садомъ, во второмъ домъ остался для извѣстнаго назначенія.

Подобное же различіе представляется и въ выраженіяхъ:

Бросалъ *каменья* въ воду. Бросалъ *каменьями* въ людей.

Вертитъ *очками* (Кр.). Вертитъ *очки.*

Развелъ *руками* отъ удивленья. Развелъ *руки* во снѣ.

Качаетъ *головой.* Качаетъ *голову.*

Онъ руководилъ *мною* въ работѣ. Онъ руководилъ *меня.*

Нельзя также смѣшивать *родительн.* пад. съ творительн. при однихъ и тѣхъ же глаголахъ:

Я гнушаюсь *зломъ* (какъ средствомъ для дѣйствія).

Я гнушаюсь *зла* (отвращаюсь отъ него,—согласно съ общимъ значеніемъ род. пад.).

Имена съ предлогами могутъ также служить дополненіями къ глаголу (см. употребленіе предлоговъ).

Какъ дополненіе, можетъ быть и слово въ формѣ *неопредѣленнаго наклоненія* при сказуемомъ, выражающемъ стремленіе, желаніе:

Я *хочу писать.*

Я *желаю видѣть* его.

Я *люблю читать.*

Онъ *идетъ гулять.*

Мы *стремимся доставить* ему счастье.

Они *пытались покорить* его.

Онъ способенъ *разсердить насъ.*

Она готова *служить* намъ.

Ты воленъ *сдѣлать* это.

Выраженіе обстоятельствъ. § 58. Обстоятельства или условія, при которыхъ признакъ проявился въ предметѣ или съ которыми сознанъ нами въ понятіи, находятъ себѣ выраженіе въ нарѣчіяхъ, въ нѣкоторыхъ падежахъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи по вопросамъ: *гдѣ, куда, когда, какъ, съ какой цѣлью* или *для чего, зачѣмъ, по какой причинѣ* или *отчего, почему* и др.

Различные вопросы указываютъ и на существованіе различныхъ условій, при которыхъ проявляется признакъ: *мѣсто, время, качество, образъ дѣйствія, цѣль, причина.*

Изъ падежей чаще другихъ является творительный для выраженія *образа дѣйствія* и *мѣста,* иногда *времени.*

Домъ *зеленью* расписанъ (Гриб.).

Повстрѣчалъ медвѣдя *носомъ* къ носу (Кр.).

Сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ (Нар. ск.).

Поетъ *соловьемъ* и рыщетъ *волкомъ.*

Ѣли *руками.*

Шелъ *лѣсомъ, не путемъ, не дорогою.*

Онъ былъ изгнанникъ *младенцемъ* (въ младенческую пору).

Мы нашли его *здоровымъ* (когда онъ былъ здоровъ).

Я видѣлъ его *плывущимъ* по рѣкѣ (когда плылъ).

Велъ противника *раненнымъ* и почти *военноплѣннымъ* (послѣ того, какъ былъ раненъ) (Пушк.).

Употребленіе предлоговъ. § 59. Именами съ предлогами чаще всего выражаются различныя обстоятельства.

Первоначальное назначеніе предлоговъ указывать на отношеніе предметовъ къ извѣстному пространству, отношеніе, которое бываетъ чрезвычайно разнообразно. При глаголѣ предлогъ не является отдѣльно, а всегда съ нимъ сливается въ одно слово; напротивъ, при существительныхъ встрѣчаемъ его и отдѣльно, и слитно. Отдѣльно, когда предлогъ означаетъ простое отношеніе,—въ этомъ случаѣ онъ требуетъ отъ имени опредѣленнаго косвеннаго падежа. Слитно—при именахъ, происшедшихъ отъ предложныхъ глаголовъ: *входить—входъ, оправить—оправка.* Здѣсь предлогъ уже не можетъ имѣть вліянія на падежъ, а существительное вмѣстѣ съ нимъ, какъ одно слово, принимаетъ всѣ падежи.

Не всѣ предлоги въ русск. яз. управляютъ падежами, т.-е. употребляются отдѣльно при именахъ: нѣкоторые являются не иначе какъ слитно со словами, такъ, *воз* (взо, вз), *вы, низ, пере, раз* (роз) не соединяются съ отдѣльными падежами.

Впрочемъ, въ старомъ языкѣ *воз* управлялъ винительн. пад.: напр., *злая воз-благая, благодать воз-благодать.* Древнее нарѣчіе *вскую* составилось изъ *воз* и вин. пад. мѣстоим. *кая: возкую* или *взкую:* зачѣмъ.

Примѣч. Въ предлогѣ *вы* звукъ *ы* родственъ носовому звуку, поэтому, перейдя въ нарѣчіе, онъ обратился въ *он: вонъ, внѣ.* Предлогъ *роз* принадлежитъ русскому языку—*роздыхъ, розговѣнье,* а *раз* какъ русск., такъ ц.-слав.

По падежамъ предлоги распредѣлились весьма логически.

Тѣ, которые выражаютъ исключенiе, удаленiе, пребыванiе *внѣ* какого мѣста, соединились съ *родит. пад.: безъ, кромѣ, изъ, отъ, мимо, противъ, возлѣ* или *подлѣ, до, для, у.*

Предлоги *изъ* и *отъ* выражаютъ начальную точку отправленiя—*откуда*, но первый показываетъ движенiе *изнутри*, второй—отъ поверхности, наружной стороны предмета: вышелъ *изъ города*, пошелъ *отъ города*. Такъ какъ съ началомъ соединяется причина, основанiе, то отсюда метафорически эти предлоги принимаютъ значенiе основанiя, причины, повода: *дѣлаетъ это изъ выгоды; гуляетъ отъ скуки; умеръ отъ раны.*

Предлогу *отъ* соотвѣтствуетъ *до*, какъ выраженiе противоположной границы или *конца: отъ города до города.* Метафорическое ихъ употребленiе видно и въ слѣдующихъ примѣрахъ: *отъ слова до слова*, что *до меня касается.*

Примѣч. Первоначально и предлогъ *для* выражалъ причину, изъ которой выходитъ дѣйствiе. Въ этомъ значенiи нерѣдко употребляли его и наши писатели XVIII ст., напр., у Ломоносова: «Единородство славянъ съ сарматами, чуди со скиѳами, *для многихъ ясныхъ доказательствъ*, неоспоримо; *для многихъ такихъ доказательствъ*». У Карамзина: «Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходу обѣдъ и ужинъ и *для того*, конечно, простите моему прiятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ прiятною миною» (Грам. Бусл. ст. 311). Это же значенiе имѣлъ и предлогъ *ради*, который у насъ теперь рѣдко употребляется, а въ народныхъ пѣсняхъ оба они соединяются: *для-ради* рожденья богатырскаго. Такъ какъ съ причиною иногда сливается и цѣль, то отсюда предлогъ *для* сталъ употребляться метафорически для выраженiя цѣли: онъ сдѣлалъ *для отца, для мѣры стиха.* По этому самому и выраженiя съ предлогомъ *для* иногда замѣняются дат. пад., такъ какъ съ нимъ соединяется значенiе цѣли: *для Бога—Богу; для васъ—вамъ.*

Предлоги *мимо* и *противъ* выражаютъ черту, параллельную извѣстной границѣ; изъ нихъ первымъ выражается движенiе: *идетъ мимо* города; вторымъ—пребыванiе: *остановился противъ города.*

Предлоги *подлѣ, возлѣ, у* выражаютъ близкое соприкосновенiе съ границею и потому нерѣдко смѣшиваются въ употребленiи—*живетъ подлѣ города, возлѣ города, у города.* Судя по происхожденiю *возлѣ* (возъ—на) и *подлѣ* (подъ), первоначально эти предлоги показывали двѣ противоположныя границы (сверху и

снизу), но теперь это различіе забылось. Съ предлогомъ *у* соединяется больше связи съ тѣми предѣлами, о которыхъ говорится; отсюда *у* употребляется тамъ, гдѣ нужно выразить извѣстные предѣлы владѣнія, силы, средства: *у города есть большіе капиталы и земли* (т.-е. во владѣніи, во власти города); *у насъ были гости* (т.-е. въ тѣхъ предѣлахъ, которыми ограничивается наша власть); *я остановился у пріятеля* (т.-е. въ его квартирѣ); *возьмите у насъ* (то, чтò въ нашихъ рукахъ, въ нашей власти); *у насъ запляшутъ лѣсъ и горы* (т.-е. въ нашей власти сдѣлать, чтобъ заплясали).

Примѣч. Отсюда *у* и при нѣкоторыхъ глаголахъ сообщаетъ имъ значеніе *вводить въ извѣстныя границы: усовѣщевать* (приводить въ предѣлы совѣсти), *усмирять* (въ предѣлы мира), *установить, уложить, убить, убаюкать* и проч.

Съ однимъ *дательнымъ* пад. соединяется лишь предлогъ *къ*, выражающій стремленіе къ мѣсту, какъ *къ цѣли: иду къ городу, къ горѣ*. Онъ болѣе употребляется для указанія внѣшней стороны предмета, къ которому направлено дѣйствіе: *къ крыльцу подъѣхала карета; шляпа вамъ къ лицу*,—и метафорически для указанія направленія чувства:

Самъ Богъ возбудитъ жаръ *къ искусствамъ* (Гриб.).

Любовь *къ наукамъ* одушевляетъ его.

Почувствовалъ *къ нему* жалость.

Не все равно сказать: *я послалъ ему письмо* и *я послалъ къ нему письмо*. Первое выражаетъ, что письмо писано тому, къ кому послано, второе, что оно только къ нему направлено, писано можетъ быть и не ему. *Я сдѣлалъ ему запросъ* (ему лично) и *я сдѣлалъ къ нему запросъ* (запросъ, который долженъ пройти чрезъ его руки). *Отдавали его душу къ Якову въ рай* (Нар. пѣс.) значитъ—*въ рай, гдѣ находится Яковъ*. *Отдавали его душу Якову въ рай* значило бы: отдавали въ руки Якова. *Молитву творитъ ко Господу* (мысленно возносится туда, гдѣ пребываетъ Господь). *Молитву творитъ Господу* (проситъ, умоляетъ Его).

Другіе предлоги, когда ими нужно выразить ограниченіе какого-либо стремленія, *предѣлъ* его, стремленіе *куда*, соединяются съ *винительн*. пад., таковы: *въ, за, на, о, подъ, предъ:*

иду въ поле, на гору, за гору, подъ гору, бьется объ уголъ, предстанетъ предъ царя. Тѣ же самые предлоги, когда нужно выразить пребываніе *гдѣ*, распредѣлились между двумя падежами: *творительнымъ: за, подъ, предъ* и *предложнымъ* (или мѣстнымъ): *въ, на, о.* Прибавимъ еще къ творительн. *надъ* и къ предложному *при.*

Разсматривая тѣ и другіе предлоги, мы находимъ, что одни изъ нихъ указываютъ на отношеніе къ какой-либо границѣ: *птица летаетъ за горою, надъ горою, подъ горою, предъ горою;* другіе же на тѣсную связь съ извѣстнымъ мѣстомъ, *прикосновеніе* къ нему: работаетъ *въ домѣ, на домѣ, при домѣ.*

За показываетъ отношеніе къ задней сторонѣ предмета, *передъ*—къ передней, *подъ*—къ нижней, *надъ*—къ верхней. Отсюда метафорич. значеніе *надъ*—господство или власть: *я властвую надъ городомъ, взялъ верхъ надъ ними, смѣется надъ вами, сбылось надо мной.*

Судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, можно полагать, что *за* въ старину соединялся и съ родит. пад.: *заутра, за добра ума.*

Предлогъ *о* (объ), выражая отношеніе къ *окружности, объему,* въ предложн. пад. сталъ выражать вообще *соприкосновеніе* къ предмету даже мысленное: *говорю о домѣ, думаю о наукѣ, забочусь о правдѣ.*

Предлогъ *между (межъ),* соединившійся съ родительн. пад. какъ выраженіе *внѣ* извѣстныхъ предѣловъ *(между горъ),* сталъ соединяться и съ творит., такъ какъ имъ указывается и на отношеніе къ извѣстнымъ границамъ (между горами). Впрочемъ, можно полагать, что первоначально съ родит. выражалось *движеніе,* а съ творит. *пребываніе: иду межъ деревъ, стою межъ деревьями.* Точно также предлогъ *сквозь,* соединяясь прежде съ родит. пад. какъ выраженіе стремленія *изъ чего (сквозь слезъ),* теперь соединяется съ винит., выражая въ то же время *предѣлы* дѣйствія *(сквозь слезы).*

Такіе же предѣлы выражаютъ предлоги *черезъ* и *про,* соединяясь только съ винительн. пад.: *перехожу черезъ гору, говорю про васъ.*

Примѣч. По требованію мысли стали переносить предлоги отъ значенія мѣста къ значенію *времени, причины, цѣли* и вообще упо-

треблять ихъ въ метафорическомъ смыслѣ: болѣзнь обратилась *въ горячку;* онъ лежалъ *въ горячкѣ;* весь *въ ранахъ;* нарядилась *въ новое платье;* была *въ новомъ платьѣ;* взялъ еще *въ долгъ,* когда весь *въ долгу;* купилъ *въ три дорога;* весь *въ отца;* ковали *въ три молота;* онъ *въ бородѣ* и *въ усахъ;* пришелъ *на праздникъ; на прощанье; на часъ; на одну ногу;* купилъ *на рубль;* пойдетъ *за грибами;* работаю *за него;* беру *за труды;* не успѣлъ *за недосугомъ; за своею* подписью; получилъ *задаромъ; за два года;* жилъ *подъ Москвой; подъ самый праздникъ;* мнѣ не *подъ силу; подъ часъ* бываю радъ гостямъ; пляшу *подъ музыку* и друг.

Съ предлогомъ *въ* иногда соединяется старинная форма винительн. пад. множ. числа, сходная съ именительн. пад.: *онъ постриженъ въ монахи. Приписанъ въ мѣщане. Она пошла въ служанки. Его записали въ нерадивые. Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари* (Гриб.). *Мнѣ только бы досталось въ генералы* (Гриб.). *Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ* (Гриб.). Такое сочетаніе употребляется тогда, когда хотятъ выразить стремленіе пристать, присоединить или присоединиться къ извѣстному разряду предметовъ (сословію, классу, отдѣлу, средѣ, числу). Если же нужно выразить пребываніе въ извѣстномъ разряду, то предл. *въ* соединяется съ предложн. пад. множ. ч.: *онъ былъ въ монахахъ. Она жила въ служанкахъ. Это платье у него въ праздничныхъ. Онъ числится въ живыхъ. Пошелъ топоръ въ худыхъ* (т.-е. сталъ считаться въ числѣ худыхъ). (Крыл.).

Для выраженія единичнаго представленія употребляется именит. и творит. пад.: *онъ былъ монахъ* или *монахомъ. Это платье у него праздничное* или *праздничнымъ. Она жила служанкою.*

Предлогъ *съ* вообще даетъ понятіе *о связи.* Соединяясь съ *родит. пад.*, онъ долженъ, конечно, по смыслу этого падежа выражать нарушеніе связи двухъ предметовъ, слѣд., и точку отправленія дѣйствія: *онъ снялъ картину со стѣны, поднялъ мѣшокъ съ полу и спустился съ лѣстницы* (нарушилъ связь предмета со стѣною и поломъ). *Чтобы ты съ моей руки разжился* (Крыл.). *Не главный ли доходъ твой съ нивы* (нива— исходная точка дохода). (Крыл.). *Съ той поры лишь вѣдаю блаженство* (Пушк.). *Съ радости-веселья* хмѣлемъ *кудри вьются,*

ни съ какой заботы онѣ не сѣкутся (радость, забота—причина, исходная точка дѣйствія) (Кольц.).

Тотъ же предлогъ съ винит. пад. долженъ выражать связь двухъ предметовъ или дѣйствія предмета съ пространствомъ и временемъ вслѣдствіе мѣры, слѣд., *по сходству, по сравненію: право, былъ онъ съ гору* (Крыл.). *Прошелъ съ версту. Онъ на службѣ съ мѣсяцъ будетъ.*

Съ творит. пад. *съ* выражаетъ простое *соединеніе* съ предметомъ или пространствомъ времени: *онъ ходитъ съ братомъ, а тотъ всегда съ книгами. Пришелъ ко мнѣ съ жалобой и со слезами. Хочетъ отдыхать съ каждой верстой. Мы съ торжествомъ вступили въ городъ. Съ годами дѣлается умнѣе.*

Общее значеніе предлога *по—послѣдовательность, поступательность* въ движеніи.

Съ *дательнымъ* пад. онъ показываетъ поступательность по отношенію *къ мѣсту: быстро бѣжимъ по полямъ. Какъ по морю синему плыла лебедь съ лебедятами* (нар. п.); послѣдовательность по отношенію *къ цѣли: ходитъ и стрѣляетъ по голубямъ*; отсюда вытекаетъ *согласіе* съ чѣмъ, *сообразность: онъ мнѣ пришелся по нраву, все это сдѣлано по закону, онъ освобожденъ по рѣшенію суда; распредѣленіе: считайте по верстамъ, числюсь по архивамъ* (Гриб.), *всѣмъ сестрамъ по серьгамъ* (посл.), *по утрамъ ходитъ на службу, по вечерамъ въ гости; причина: сидитъ дома по болѣзни.*

Съ винительн. пад. тотъ же предлогъ выражаетъ послѣдовательность дѣйствія, движенія или роста предмета по отношенію къ извѣстной *мѣрѣ: онъ мнѣ по плечо, воды прибыло по эту черту, спитъ по сю пору;* или къ извѣстнымъ *предѣламъ: мы ходимъ по грибы и по ягоды; нѣсколько разъ посылать по тебя.*

Съ предлож. пад. *по* означаетъ послѣдовательность *во времени: случилось это въ пятидесятый годъ по Рождествѣ Христовѣ; онъ все плачетъ по отцѣ; по рѣшеніи суда онъ уѣхалъ.*

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ предлож. падежъ смѣшивается съ дательн., особенно въ мѣстоименіяхъ: *почемъ* (по чему) *вы купили? по рублю! Чуденъ мостъ, по коемъ* (по коему) *мы пойдемъ* (Крыл.).

Для выраженія количественнаго распредѣленія встрѣчается случайность: одни количеств. соединяются съ *по* въ дательномъ пад.: *по одному*, *по пяти*, *по шести* и пр.; другія въ винительн.: *по два*, *по три*, *по четыре*, *по двое*, *по трое*.

Въ сложныхъ предлогахъ падежомъ управляетъ первый изъ нихъ: *изъ-подъ дерева*, *изъ-за дома*, *на-из-усть*.

Сливаясь съ глаголами, предлоги въ то же время повторяются передъ именами: *дойти до* мѣста, *на*вьючить *на* лошадь, *в*летѣть *въ* окно, *с*ходить *съ* лѣстницы, *подой*ти *подъ* крышу, *над*сматривать *надъ* дѣтьми, *от*орвать *отъ* работы, *из*влечь *изъ* книги. Предлогамъ, которые не употребляются отдѣльно, соотвѣтствуютъ слѣдующіе отдѣльные: *воз—на: вознесся на* небо, *взо*шелъ *на* гору; *раз—на*: *раз*дѣлилъ *на* части, *раз*рѣзалъ *на* куски; *вы—изъ: вы*шелъ *изъ* дому, *вы*ѣхалъ *изъ* города; *пере—черезъ*: *пере*скочилъ *черезъ* заборъ, *пере*бросилъ *черезъ* голову; *про—сквозь: про*шелъ *сквозь* огонь и воду; *при—къ*: *при*шелъ *ко* мнѣ, *при*плылъ *къ* городу, *при*шилъ *къ* шляпѣ. Такое повтореніе предлога бываетъ только тогда, когда онъ сохраняетъ при глаголѣ свое первоначальное значеніе. Въ старинномъ русск. яз. было употребительно повтореніе предлога и передъ прилагательными, *во* стольномъ *во* городѣ, *во* Кіевѣ (Древн. русск. стих.), *на* Славени *на* дунайскіе (Нест.); послаша *по* Ярослава *по* Всеволодиця, *по* Гюргіевъ внукъ (Новг. лѣт.). Въ простонародномъ говорѣ и теперь слышится такое же повтореніе.

Выраженіе времени. § 60. Время, какъ сознанный моментъ проявленія признака, въ русскомъ языкѣ выражается въ глаголѣ, а особые при этомъ оттѣнки или обстоятельства или отношенія между разными моментами выражаются особыми словами.

Въ личныхъ формахъ глагола у насъ обыкновенно выражается время *настоящее* и *будущее*. Значеніе времени опредѣляется не всегда формою, а часто смысломъ, такъ какъ въ русск. яз. одна и та же форма выражаетъ и то, и другое время, напр.: *образую*, *велю*, *казню*, *женю*, *ночую* и пр.

Пустое сердце бьется ровно.

Въ рукахъ *не дрогнетъ* (наст.) пистолетъ (Лерм.).

Глаголы предложные однократные въ этой формѣ въ отдѣльномъ употребленіи имѣютъ, повидимому, смыслъ будущаго времени, напр.: *взойдетъ*, *встрепенется*, *пройдетъ*, *помчится*, *остановится*, *поведетъ*, *наклонится* и мн. др.; но въ связи съ другими словами они могутъ выражать и настоящее время:

Солнце красное *взойдетъ*,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное *пройдетъ*,
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ (Пушк.).
То вдругъ *помчится* легче птицы,
То *остановится*—глядитъ...
То черной бровью *поведетъ*,
То вдругъ *наклонится* немножко (Лерм.).

Или въ народныхъ пѣсняхъ:

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную,
Беретъ погонялку, *пощупаетъ* сумочку—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее—*не сворохнется*,
Хватитъ съ коня рукою—не *подымется*.
Махнетъ Илейка ручкой правою,
Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю.

Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ личная форма *махнетъ*, *поскользитъ*, имѣетъ значеніе даже *прошедшаго* времени, согласно съ *палъ*. Подобное же и въ другомъ примѣрѣ:

А и *будетъ* столъ во полустолѣ,
А и *будетъ* пиръ во полупирѣ.

Будетъ имѣетъ смыслъ *былъ*.

Въ повѣствовательной рѣчи эта форма часто употребляется въ смыслѣ прошедш. врем., какъ въ другихъ языкахъ форма настоящ. вр.

Въ глаголахъ *неопредѣл. вида* будущее время выражается *неопредѣленнымъ наклон.* съ глаголомъ *буду*, *будешь* и пр. или

стану, *станешь* и пр. Этотъ послѣдній глаголъ указываетъ начало дѣйствія и такъ какъ въ будущемъ чаще всего нужно бываетъ указать только на начало, а не на самый процессъ дѣйствія, то въ однократныхъ глаголахъ для выраженія будущаго мы охотнѣе употребляемъ такіе предложные глаголы, которые указываютъ на начало, какъ, напр., *покачу*, *поплыву*, *пойду*, *буду катить*, *буду плыть*, *буду идти*.

Примѣч. Въ старинномъ языкѣ употреблялись всѣ краткія причастныя формы съ вспомогат. глаг. *быть* для выраженія разныхъ моментовъ прошедшаго времени (описательн. формы); у Нестора: *бѣша бо* Угри *ходяще* аки Половци. И пріѣха на мѣсто, идѣже *бяху лежаще* кости его. Въ другихъ лѣтоп.: Ростиславъ *сошелъ есть* въ Литву. Татарове *вышли суть* изъ земли Угорской. Въ Словѣ о Полк. Иг.: а *быхъ не слала* къ нему слезъ на море рано. Изъ всѣхъ этихъ формъ съ XIV ст. форма на *лъ* стала брать явный перевѣсъ надъ прочими и наконецъ совершенно ихъ вытѣснила. Глаголъ *есть* стали выпускать и такимъ образомъ причастною формою стали выражать прошед. вр. для всѣхъ лицъ: *я*, *ты*, *онъ видѣлъ*, *мы*, *вы*, *они видѣли*. Изъ другой формы (для выраженія желанія или условія) вспомогательн. гл. *быхъ* (*видѣлъ быхъ*, *видѣли быхомъ*, *видѣли быша*) у насъ обратился въ *бы* для всѣхъ лицъ одинаково: *видѣлъ бы*, *видѣли бы*.

Въ нашемъ языкѣ составляются еще другія описательныя формы для выраженія разныхъ оттѣнковъ прошедшаго времени—съ причастной формой глагола быть и притомъ въ средн. родѣ: *ходилъ было*, *всталъ было*, *ходилъ бывало*, *вставалъ бывало*, *хожу бывало*, *хаживалъ бывало*, *встаю бывало*, *встану бывало*.

Въ областномъ говорѣ мы слышимъ описательную форму, не принятую въ нашемъ литературномъ языкѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ plusquamperfectum другихъ языковъ: она составляется изъ причастной формы на *вши* съ глаг. *былъ*; *былъ вставши*, *былъ пришедши*. Впрочемъ, употребляется и безъ *былъ* для выраженія настоящаго времени: *онъ вставши*, *она пришедши*. Подобное же встрѣчаемъ и въ старыхъ рукописяхъ: вѣдяше, яко жьню, удуже не *сѣявъ*, и сбираю, удуже не *расточивъ* (рук. XIII ст.).

Для выраженія моментовъ времени употребляются всѣ косвенные падежи:

Родительнымъ пад. выражается исключеніе извѣстной части изъ времени, принимаемаго за единицу: *я былъ въ деревнѣ прошлаго года* (извѣстное время изъ прошлаго года); *кончилъ работу перваго января* (перваго числа мѣсяца въ извѣстный моментъ). *Вчера* (род. пад. отъ вечеръ), *сегодня* и *завтра* (за-утра) мы свободны. Тотъ же падежъ употребляется при отрицаніи: *не досыпала ночей* (Крыл.).

Родительный съ предл. *съ, отъ* выражаетъ исходный моментъ дѣйствія, съ предл. *до*—послѣдній моментъ: *ихъ часть была съ утра и до глубокой ночи, рукъ не покладывая, прясть* (Крыл.). *Письмо писано отъ 20 числа.*

Дательн. пад. съ предлогомъ *къ* выражаетъ приближеніе къ извѣстному времени, какъ *къ цѣли: погода къ осени дождливѣй, а люди къ старости болтливѣй...*

Винительный пад. безъ предлога выражаетъ мѣру времени, *сколько* продолжалось дѣйствіе: *хирѣла сутки, пируетъ дни и ночи.* Съ предлогомъ *въ*—моментъ или время, когда производится или кончается все дѣйствіе; въ *первую ночь пошелъ средній братъ; имъ что расти было въ три года, а они въ три дня растутъ* (народн. ск.). *Захирѣла въ сутки.* Кончилъ работу *въ двадцать* минутъ. Поэтому при глаголѣ вида совершеннаго всегда ставится вин. пад. съ предл. *въ.*

Другіе предлоги съ винит. пад. вносятъ свое значеніе для опредѣленія времени: *онъ приходитъ черезъ день. Станетъ на нашъ вѣкъ. Я дожидался его съ часъ, который показался мнѣ за годъ.*

Творительный пад. безъ предлога выражаетъ неопредѣленные моменты изъ указаннаго періода времени: *встрѣчался мнѣ ранней и поздней зарей, порой холодной зимней* (нѣкоторые моменты изъ всего этого времени). *Прошлой осенью я за Грунюшку долго сватался* (Кольц.).

Ночью видѣлъ онъ какъ *днемъ* (Жук.).

Лѣтомъ спалъ на солнцѣ.

Годомъ бѣдствуетъ, *годомъ* счастливъ.

Тотъ же падежъ съ предл. *съ* показываетъ связь дѣйствія съ извѣстнымъ временемъ: *встаетъ съ зарей, съ годами дѣлается умнѣе.*

Предложный пад. съ предл. *въ, о,* подобно творительному,

выражаетъ неопредѣленный моментъ въ извѣстный періодъ времени: *ты еще въ запрошломъ лѣтѣ мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ.* (Крыл.). *Когда-то о веснѣ* звѣрями въ надсмотрщики медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями (Крыл). *Въ будущемъ году мы увидимся. Онъ ложится спать въ двѣнадцатомъ часу.*

Для выраженія момента въ языкѣ выработались извѣстныя выраженія, въ которыхъ можно употреблять только творит. или только предлож. пад.: *я работаю днемъ* (но не въ днѣ), *ложусь спать въ двѣнадцатомъ часу* (но не двѣнадцатымъ часомъ). Въ иныхъ же выраженіяхъ одинъ падежъ можетъ замѣняться другимъ: *работаю ночью и работаю въ ночи.*

Опредѣленія. § 61. Каждое сужденіе въ свою очередь можетъ стать предметомъ новаго сужденія или обратиться въ признакъ другого понятія. Въ этомъ случаѣ первое сказуемое становится опредѣленіемъ *подлежащаго*, или *сказуемаго*, или *дополненія.*

Небо *ясно*, а *ясное* небо—прекрасно; солнце блеститъ на *небѣ ясномъ.*

Домъ—отцовскій; *отцовскій* домъ каменный; *каменный отцовскій* домъ сгорѣлъ, *сгорѣвшій каменный отцовскій* домъ былъ старъ.

Книга—моего дѣда; книга *моего дѣда* поучительна. Я читаю *поучительную книгу моего дѣда.*

Садъ—съ фруктовыми деревьями; садъ *съ фруктовыми деревьями* содержится чисто. Забота его—большая; *его большая забота*—садъ съ фруктовыми деревьями.

Отсюда видно, что опредѣленіе, выражая качество, свойство или отличительный признакъ, сознанный въ предметѣ прежде, чѣмъ состоялось другое о немъ сужденіе, или прежде чѣмъ сознано новое его отношеніе къ другому предмету, можетъ являться въ разныхъ формахъ. Въ формѣ прилагательнаго оно употребляется съ долгимъ окончаніемъ (если у прилагательнаго окончаніе двоякое) и согласуется съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Примѣч. Въ старо-русскомъ языкѣ ходили оба окончанія безразлично; въ древнихъ рукописяхъ опредѣлительныя слова даже чаще

встрѣчаются съ короткими окончаніями, что донынѣ сохранилось въ языкѣ нашихъ народныхъ пѣсенъ: мать *сыра* земля, *бѣлъ ясенъ* соколъ, *красна* дѣвица, или въ Словѣ о Полк. Иг.: *черленъ* стягъ, *бѣла* хоругвь, *сребрено* стружіе храброму Святославичу.

Если предметъ безродный, то прилагательное является въ среднемъ родѣ един. ч. въ томъ падежѣ, который требуется смысломъ.

Громкое ура раздалось кругомъ. Этотъ крикъ былъ *громкое* ура, *раздавшееся* кругомъ. Было что-то пріятное *въ томъ громкомъ* ура, раздавшемся кругомъ.

Робкое «Слава тебѣ, Господи» послышалось въ толпѣ.

Чувство сказалось *въ робкомъ* «Слава тебѣ, Господи».

Прилагательное при числительномъ *два*, *три*, *четыре*, *оба*, *полтора* ставится въ именит. пад. множ. ч., если рѣчь идетъ объ извѣстныхъ опредѣленныхъ предметахъ:

Два добрые друга помогли мнѣ.

Присланы мнѣ *назначенные полтора* хлѣба.

Если же предметы неопредѣленные или неизвѣстные, то прилагательныя ставятся *въ род. пад.* множ. ч.:

Пришло *четыре дюжихъ* работника и *три больныхъ*.

Отстало отъ войска *два слабыхъ* солдата (какихъ-то).

Въ косвенныхъ падеж., кромѣ винит., числительное и прилагательное согласуется съ именемъ, а винительн. по общему правилу сходенъ съ именит. или родит.

При соединеніи сложнаго количества съ именемъ только одно послѣднее число переводится въ порядковое и согласуется съ именемъ:

Тысяча восемьсотъ семьдесятъ *пятый годъ*.

Опредѣлительное слово существительное, согласуясь въ падежѣ съ именемъ предмета, называется *приложеніемъ*:

Славный полководецъ, Суворовъ воевалъ въ Италіи.

Существительное, какъ опредѣленіе, въ формѣ *родит.* пад. является:

1) Когда нужно опредѣлить предметъ по принадлежности на вопросъ *чей:* деньги *вашего отца* украдены, владѣнія *русскаго народа* обширны.

Примѣч. Родительный падежъ имени легко можетъ переходить

въ прилагательное, но въ такомъ случаѣ, если при немъ нѣтъ опредѣлительнаго слова: домъ *отца—отцовскій* домъ.

Русскій языкъ даже предпочитаетъ эти послѣднія выраженія.

Мѣстоим. *свой* нельзя смѣшивать съ *его, ихъ*. Первое можетъ относиться ко всѣмъ тремъ лицамъ и всегда выражаетъ принадлежность подлежащаго; вторыя выражаютъ принадлежность посторонняго предмета, но не подлежащаго:

Онъ живетъ *въ своемъ* домѣ въ сосѣдствѣ съ *его* дядею.

2) Когда нужно опредѣлить предметъ особымъ качествомъ на вопросъ *какой:* сестра *милосердія*, мужъ *битвы* и *совѣта* (Пушк.), человѣкъ *зрѣлыхъ лѣтъ*. Свѣча *воску яраго*. Потолокъ *черныхъ соболей* (нар. пѣсн.). Женихи *средней руки*. Зло не такъ *большой руки* (Крыл.).

Примѣч. Въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ для выраженія *исключенія* или *отдѣленія* нерѣдко употребляется предлогъ *изъ* тамъ, гдѣ прежде ставили одинъ родит. пад., напр.: *Ты какихъ родовъ? Я города Кіева.* Старица Ѳеодосья *Давыдовыхъ.* Князь Иванъ Ивановичъ *Добрянскихъ князей.* По отцѣ *Скотининыхъ.* Который *ихъ?* Кто *людей?*

3) Когда нужно опредѣлить предметъ сравненіемъ:
У него брови *черна соболя*, глаза *ясна сокола* (Нар. пѣсн.).

Примѣч. При прилагательномъ или нарѣчіи сравнительной степени, имя предмета, съ которымъ сравнивается другой предметъ, является въ род. пад.: алмазъ блеститъ ярче *звѣзды;* онъ умнѣе *тебя.* Эти выраженія тожественны съ другими сложными: алмазъ блеститъ *ярче, чѣмъ звѣзда;* онъ *умнѣе, чѣмъ ты,* т. е. алмазъ блеститъ *ярче того, чѣмъ блеститъ звѣзда;* онъ *умнѣе того, чѣмъ уменъ ты.* Иногда подобныя выраженія обращаются въ мѣстоим. притяжательныя или въ прилагательныя: *онъ сдѣлалъ умнѣе, чѣмъ сдѣлалъ ты*—онъ сдѣлалъ умнѣе *твоего. Онъ составилъ состояніе скорѣе, чѣмъ составилъ братъ*—онъ составилъ состояніе *скорѣе братняго.*

Родительный пад. иногда замѣняется дательнымъ, что̀ видно изъ слѣдующихъ выраженій: онъ отецъ *Петра*—онъ отецъ *Петру;* другъ *Андрея*—другъ *Андрею;* онъ построилъ домъ *Иванова*—домъ *Иванову;* или въ Остроміровомъ еванг.: началъ умывати нозѣ *ученикомъ,* нѣси другъ *Кесареви.* Господи *небеси* (вм. небесе) и земли.

Различіе здѣсь объясняется значеніемъ дательнаго пад.,

которымъ выражается принятіе чувства или ощущенія, направленіе дѣйствія: слуга *вашего брата* (по должности), слуга *вашему брату* (по отношеніямъ, въ какія себя поставилъ къ вашему брату). Въ этомъ случаѣ опредѣленіе переходитъ въ дополненіе. Точно также мѣстоим. притяжательное замѣняется дательнымъ пад. личнаго мѣстоименія, если нужно указать на стремленіе или цѣль предмета по отношенію къ другому лицу: онъ *мой* братъ (братъ по имени, по родству) — онъ *мнѣ* братъ (по чувствамъ, ко мнѣ направленнымъ); они не *мои* сосѣди (по мѣсту жительства)— они не сосѣди *мнѣ* (по неравнымъ отношеніямъ и по чувствамъ, которыя мнѣ выказываются).

4) Родительный падежъ служитъ также опредѣленіемъ *общаго* признака въ такихъ выраженіяхъ: *полонъ надеждъ, достоинъ похвалы.*

Для опредѣленія орудія, средства или силы, черезъ которыя проявляется общее количество въ предметѣ, является падежъ *творительный.*

Богаты или *когтемъ* или *зубомъ.*
Дородствомъ, ростомъ великанъ (Крыл.).
Прямизною стана, *лицомъ* и *голосомъ* герой (Гриб.).
Онъ слабъ *тѣломъ* и *духомъ.*
Большой *ростомъ* не всегда силенъ *умомъ.*
Красивый *лицомъ,* да не красивый *нравомъ.*

Для выраженія усиленія одного и того же качества также употребляется *творительн.* пад.: грязь *грязью,* дуракъ *дуракомъ,* свинья *свиньей* (Крыл.).

Существительныя съ предлогами также могутъ служить опредѣленіями: любовь *къ отечеству*—священна, флагъ *надъ домомъ* означаетъ присутствіе господина, сосѣдство *съ вами*— пріятно. Лѣстница *во второй этажъ* развалилась. Онъ задумался *о книгѣ съ планами и картинами.* Я принесу жалобу *на васъ.*

Опредѣленіе состоянія. § 62. Для опредѣленія извѣстнаго состоянія съ именами соединяются глаголы *быть, стать* при посредствѣ *родит., дател., творит.* пад. и *предлоговъ:*

Онъ хочетъ *быть добраго нрава.*

Вы не любите *быть чужихъ мыслей.*

Она можетъ *стать независимою.*

Мы надѣялись *стать богатыми.*

Онъ любитъ *быть въ гостяхъ.*

Ты стараешься *быть на примѣтѣ.*

Человѣкъ ищетъ *быть среди людей.*

Она мечтаетъ *быть замужемъ.*

Въ этомъ случаѣ прилагательныя при глаг. *быть* и *стать* согласуются въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ; впрочемъ, иногда встрѣчается согласованіе и въ падежѣ, т.-е. вмѣсто творит. является *именит.* пад.

Ты хочешь *быть богатъ* (Крыл.).

Долженъ ты *достоинъ быть* успѣха своего (Пушк.).

Онъ надѣялся *быть живъ.*

Они надѣялись *быть живы.*

Она умѣетъ *быть привѣтлива.*

Подобныя выраженія съ глаг. *быть* и *стать* могутъ быть и подлежащими:

Желательно *быть добраго нрава.*

Пріятно *быть богатымъ.*

Быть привѣтливою—ея старанье.

Глаголы *быть, стать* съ *дательн. пад.* могутъ быть только въ смыслѣ подлежащаго и сказуем. въ соединеніи съ другимъ дательн. пад. *лица:*

Зачѣмъ же *быть* (вамъ) такъ *не воздержну* на языкъ.

Въ презрѣньи къ людямъ такъ *не скрыту* (Гриб.).

Можно *быть* (ему) *добру* ко всѣмъ.

Тебѣ, Ермаку, быть тамъ *повѣшену*,

А намъ, казакамъ, *переловленнымъ.*

По правой сторонѣ ѣхать—*быть убитому*,

По лѣвой—*быть самому голодному* (нар. сказ.).

Нужно отличать соединеніе глаг. *быть, стать* съ *именит.* или *творительн.* пад. и съ *нарѣчіемъ:* яма *была глубоко* (на глубокомъ мѣстѣ)—на вопросъ *гдѣ;* яма *была глубока, глубокою* (самая яма отличалась глубиною) на вопросъ *какая;* мы *будемъ дружно* (жить не ссорясь) на вопросъ *какъ;* мы *будемъ дружны*,

дружными (отличительнымъ нашимъ чувствомъ будетъ дружба) на вопросъ *какіе, какими:*

Не *бывъ дружны*, мы могли тамъ *быть дружно*.

Видоизмѣненіе предложеній. § 63. Для выраженія отношеній говорящаго къ предмету рѣчи въ русскомъ яз. употребляются разные обороты.

Если говорящій обращаетъ особенное вниманіе не столько на дѣйствующее лицо, сколько на самое дѣйствіе, какъ бы обратившееся въ качество другого, то употребляетъ *страдательные обороты рѣчи*, при чемъ причастныя формы сказуемаго ставятся въ среднемъ родѣ ед. ч., если подлежащее скрыто:

Всѣ его любятъ—*онъ* всѣми *любимъ*.

Разстояніе считали—*разстояніе считано*.

Послали въ догоню—*послано* въ догоню: ужъ давно о васъ говорили—о васъ *говорено*.

Разница между страдательнымъ и прямымъ оборотомъ та, что въ первомъ выражается дѣйствіе одного, обратившееся въ *качество* другого предмета: онъ всѣми *любимъ* и *почитаемъ*; во второмъ же *дѣйствіе*, направленное на другой предметъ—(его всѣ *любятъ*), или поставившее предметъ въ извѣстное состояніе (*онъ* всѣми *почитается*).

Нѣкоторыя прилагательныя способны принимать смыслъ причастія, особенно когда нужно выразить признакъ какъ бы самостоятельно безъ прямого отношенія къ дѣйствующему лицу; тогда краткая форма прилагательн., принимая средній родъ, заступаетъ мѣсто причастій: *полно*, *можно*, *надобно*, *прилично*, *замѣтно*, *довольно*, *видно*, *слышно*. Послѣднія два слова, какъ мы уже видѣли, соединяются даже съ винит. и родит. пад. подобно глаголу: *видно лѣсъ, не видно лѣса, слышно музыку, не слышно музыки*.

Нѣкоторыя изъ такихъ выраженій могутъ принять и смыслъ страдательный, если винительный пад. обратить въ именит., т.-е. въ подлежащее, съ которымъ и согласуются сказуемыя по общему правилу: *виденъ лѣсъ*, *слышна музыка*, *слышна проказа* за версту (слышно проказу—Крыл.), *виденъ соколъ* по по-

лету (видно сокола), *надобны большiе* расходы (надобно расходы), *надобна кровь горячая* (надо кровь горячую—Кольц.).

Особенность этихъ выраженiй состоитъ въ томъ, что лицо здѣсь остается въ *дательн.* пад., какъ лицо, принимающее ощущенiе: слышна *намъ* проказа, виденъ соколъ *каждому;* тогда какъ при чистыхъ причастныхъ формахъ лицо является въ творит. пад. какъ сила, поставившая предметъ въ данное состоянiе или производящая дѣйствiе:

Виденъ *мною* соколъ.
Написано *вами* письмо.
Лѣнивые *имъ* наказаны.

Народныя пѣсни въ особенности любятъ самостоятельное выраженiе дѣйствiя, какъ качества лица, посредствомъ прилагательн. или причастной формы въ среднемъ родѣ:

У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ *послужено,*
На печи было *полежано,*
Съ кнутомъ за свиньями *похожено,*
Много цвѣтного платья *поношено,*
По подоконью онучей было *попрошено,*
И сахарнаго куска *поѣдено,*
У ребятъ корокъ *поотнимано,*
На добрыхъ коняхъ *поѣзжено.*

Ощущенiе, производимое въ человѣкѣ особымъ состоянiемъ его духа, или невольное расположенiе лица къ дѣйствiю выражаются предложенiями особаго вида: лицо является въ *дательномъ* пад., какъ предметъ, къ которому направляется дѣйствiе, а самое дѣйствiе выражается какъ бы самостоятельно производимое не вполнѣ сознанною силою.

Мнѣ зѣвается (вм. я зѣваю), т.-е. во мнѣ есть какая-то сила, подчиняющая себѣ мою волю, заставляющая меня зѣвать какъ бы противъ воли—и не хотѣлъ бы зѣвать, да *зѣвается.*

Точно то же представляютъ и выраженiя: *вамъ спится, ему пляшется, мнѣ вѣрится и плачется* (Лерм.), *тебѣ хотѣлось, имъ писалось* и пр. Конечно, причастная форма здѣсь должна явиться въ сред. родѣ.

Если сила, производящая ощущеніе, ясно сознается, тогда является и дѣйствительное подлежащее въ формѣ *мѣстоим. указательн.: мнѣ видѣлось то же, что̀ и вамъ, намъ не вѣрится то, что̀ вы сказали;* или въ формѣ *неопредѣлен. наклоненія: ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось* даже *подняться вверхъ, не хотѣлось растворять* окна (Гог.).

Иногда предложеніе составляется въ формѣ обращенія говорящаго ко 2 лицу, хотя собственно опредѣленнаго лица и не имѣется въ виду. Такой способъ выраженія употребляется тамъ, гдѣ представляются *общіе выводы* или правила для жизни въ видѣ совѣта или предостереженія, какъ въ нашихъ пословицахъ, или размышленія, которое можетъ быть отнесено къ каждому въ извѣстномъ положеніи:

Берись за то, къ чему *ты сроденъ.*

Пой лучше хорошо щегленкомъ, чѣмъ дурно соловьемъ (Крыл.).

Тише *ѣдешь*—дальше *будешь.*

Не посѣешь—не пожнешь (посл.).

Въ комъ *не сыщешь* пятенъ.

Когда жъ *постранствуешь*, воротишься домой,

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Пофилософствуй—умъ вскружится,

То *бережешься*, то обѣдъ,

Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится (Гриб.).

Здѣсь второе лицо какъ бы воображаемое, къ которому и дѣлается обращеніе.

Слитныя предложенія. § 64. Нѣсколько сужденій, въ которыхъ сознается что-либо общее, выражаются въ предложеніи, которое называется слитнымъ:

Онъ и она живутъ и веселятся лѣтомъ въ деревнѣ, а зимой въ городѣ.

Отдѣльныя сужденія, изъ которыхъ составилось это слитное предложеніе, слѣдующія:

Онъ живетъ лѣтомъ въ деревнѣ.

Онъ живетъ зимой въ городѣ.

Онъ веселится лѣтомъ въ деревнѣ.

Онъ веселится зимой въ городѣ.

Она живетъ лѣтомъ въ деревнѣ.
Она живетъ зимой въ городѣ.
Она веселится лѣтомъ въ деревнѣ.
Она веселится зимой въ городѣ.

Двѣ одинакія части слитнаго предложенія обыкновенно соединяются какимъ-либо союзомъ, смотря по ихъ отношенію между собою (см. употребл. союзовъ въ сложн. предл.). Если же явится болѣе двухъ одинаковыхъ частей, то союзомъ соединяется только послѣдняя часть: *въ гостяхъ были я, мой братъ, ваша сестра и его дядя.*

Въ слитномъ предложеніи слѣдуетъ обратить вниманіе на соединеніе сказуемаго съ подлежащими.

Если два или нѣсколько подлежащихъ представляютъ разныя лица, то глагольное сказуемое даетъ предпочтеніе первому лицу передъ прочими, второму передъ третьимъ въ формѣ множественнаго числа.

Я, ты и *братъ* твой *пойдемъ* въ городъ.
Ты и *твоя сестра прочитаете* книгу.

Впрочемъ, при двухъ или нѣсколькихъ подлежащихъ сказуемое является не всегда во множеств. числѣ: оно предпочитаетъ единственное, когда выражаемый имъ признакъ нужно отнести отдѣльно къ каждому предмету:

Гдѣ *дѣлся* и совѣтъ, и ладъ?
На языкѣ *легка* и ласка, и услуга (Крыл.).
Насъ *провожаетъ* стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья (Гриб.).

Въ послѣднемъ примѣрѣ сказуемое согласуется съ первымъ подлежащимъ. Можно поставить сказуемое и во множ. числѣ при одномъ подлежащемъ въ един. ч., соединенномъ съ другимъ именемъ предлогомъ *съ*, которымъ въ этомъ случаѣ замѣняется союзъ *и*:

Съ *Пиладомъ мой Орестъ грызутся* (Крыл.).
Имъ *хозяинъ съ женой* низко *кланялись*,
Со двора *повели* въ свѣтлу горенку (Кольц.).

Но при этомъ нужно различать нѣкоторыя тонкости въ смыслѣ. Сказуемое во множ. ч. представляетъ совокупное дѣйствіе, но не подчиненное одно другому, а самостоятельное для

каждаго лица: Иванъ съ Петромъ *пріѣдутъ*—значитъ: Иванъ и Петръ пріѣдутъ *вмѣстѣ*. Сказуемое въ един. ч. означаетъ, что дѣйствіе одного независимо и подчиняетъ себѣ дѣйствіе другого или ставитъ его въ зависимость отъ себя: Иванъ съ Петромъ *пріѣдетъ*, значитъ: Иванъ привезетъ Петра.

Я съ тобою *пойду* учиться, значитъ: я пойду съ тобою, чтобы учить тебя или чтобы учиться у тебя. Ты со мной *пойдетъ* учиться, т.-е. пойдешь учить меня или будешь у меня учиться. Мы съ тобой *пойдемъ* учиться, т.-е. я и ты вмѣстѣ будемъ учиться. Я съ вами *пойду* въ поле—я васъ возьму въ поле или я пойду вмѣстѣ съ вами, но не подчиняя себя вашимъ цѣлямъ. Мы съ вами *пойдемъ* въ поле—мы пойдемъ вмѣстѣ для однихъ цѣлей или на равныхъ правахъ.

Сказуемое во множ. ч. при подлежащихъ, соединенныхъ союз. *и*, выражаетъ дѣйствіе не совокупное: Иванъ и Петръ пріѣдутъ въ Москву—пріѣдутъ не вмѣстѣ, въ разное время.

Опредѣленіе въ формѣ прилагат. является во мн. ч. при нѣсколькихъ именахъ въ един. ч.: *добрые* отецъ и мать поспѣшили къ нему или добрые отецъ съ матерью поспѣшили къ нему.

Если у двухъ подлежащихъ, соединенныхъ предлогомъ *съ*, общее опредѣленіе, то глагольное сказуемое является всегда во множ. числѣ, какъ въ послѣдн. примѣрѣ.

Сложныя предложенія. § 65. Наши сужденія становятся въ различныя отношенія между собою вслѣдствіе тожества или противоположности, или сравненія, или подчиненія и пр., что все и выражается въ связи предложеній. Связь является двоякая: *внутренняя*, или *логическая* и *внѣшняя*, или *грамматическая*. Иногда предложенія грамматически не связываются, довольствуясь только одной логической связью, т.-е. одной общею мыслію, которая въ нихъ развивается, какъ, напр., «Длинными сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса, кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи, весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ, нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля — все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки и

тонкій тусклый туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ нами» (Тург.).

Грамматическое соединеніе предложеній составляетъ *сложныя предложенія.* Части сложнаго предложенія составляютъ предложенія *главныя* и *придаточныя.* Вторыя выражаютъ сужденія, имѣющія смыслъ подлежащаго или сказуемаго, или опредѣленія, или дополненія, или обстоятельства, т.-е. одна изъ частей предложенія выражается цѣлымъ сужденіемъ, которое въ формѣ предложенія и ставится въ зависимость отъ главнаго. Эта зависимость называется *подчиненіемъ.*

Союзы. § 66. Предложенія связываются между собою *союзами;* одни изъ нихъ могутъ связывать только главныя съ главными, придаточныя съ придаточн., другіе же служатъ для связи подчиненной, т.-е. придаточныхъ съ ихъ главными.

Примѣч. Одни изъ союзовъ коренные, или первообразные: *а, да, же, и. ли, но,* другіе произведены отъ разныхъ частей рѣчи—отъ глаголовъ: *буде* (буди), *пусть, пускай* (пустить, пускать), *хотя* (хотѣть), отъ числит. или мѣстоим.: *однако* (одинакъ), *то, что,* отъ нарѣчій: *когда, тогда, сколь,—столь, впрочемъ,* третьи составлены изъ двухъ и трехъ словъ и, слѣдовательно, могутъ назваться сложными: *будто, дабы, ежели, или, неужели,чтобы, потому, потому что, затѣмъ что, итакъ* и др.

Союзы употребляются одни и тѣ же какъ и въ слитныхъ, такъ и въ сложныхъ предложеніяхъ. Для простого соединенія, гдѣ не требуется выразить какихъ-либо особыхъ отношеній, служитъ обыкновенно союзъ *и,* который можетъ повторяться передъ каждымъ предложеніемъ или передъ каждымъ однороднымъ членомъ слитнаго предложенія, если нужно обратить вниманіе на каждое изъ нихъ въ отдѣльности: *и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы* (Пушк.).

Примѣч. Союзъ *и* употребляется не только для того, чтобы соединять два предложенія или двѣ однородныя части слитнаго предложенія (подлежащее съ подлежащимъ сказуемое со сказуемымъ), но и для другихъ цѣлей: иногда онъ является между подлежащимъ и сказуемымъ для большаго подтвержденія признака, въ которомъ могло бы быть какое-либо сомнѣніе, или съ которымъ соединялось

ожиданіе: *вотъ мы и пришли; хотя слоновъ и умная порода* (т. е. порода и умная), *однако же въ семьѣ не безъ урода* (Крыл.).

Иногда этотъ же союзъ является въ срединѣ фразы въ смыслѣ *прибавленія—также, еще, при этомъ: басню эту можно бы и болѣ пояснить* (Крыл.), *пришли вы и ко мнѣ;* иногда для выраженія *слѣдствія: Гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры* (вслѣдствіе того, что пастухъ дуракъ). *Имъ по дѣломъ была и честь* (честь, какъ слѣдствіе ихъ дѣлъ) (Крыл.). *Онъ приказалъ, что и было исполнено* (исполненіе было слѣдствіемъ приказанія). Иногда *и* выражаетъ связь съ высказаннымъ или невысказаннымъ желаніемъ: *вотъ и мы пришли* (слѣдствіе чьего-либо желанія), *вы не хотѣли, мы и не пришли.*

Когда изъ нѣсколькихъ предполагаемыхъ признаковъ или явленій допускается только одно, тогда является сочетаніе раздѣлительное, и союзъ, для того употребляемый, называется раздѣлительнымъ—*или, либо*, который можетъ также повторяться: *этотъ столъ или дубовый, или березовый; или онъ останется, или меня не будетъ; или самъ придетъ, или пришлетъ письмо; либо дождикъ, либо снѣгъ.*

Для соединенія двухъ противоположныхъ вопросовъ употребляется тотъ же союзъ: *быть или не быть? придете или не придете?* Онъ же употребляется для выраженія тожества: *вся Галлія, или нынѣшняя Франція, была покорена римлянами.*

Соединяются главныя предложенія также повторяемыми нарѣчіями *гдѣ, тамъ*, которыя принимаютъ смыслъ союза: *гдѣ озими разрыты, гдѣ мельницы посорваны и смыты* (Крыл.), *тамъ свалилась береза, тамъ пригнута къ землѣ рожь;* или повторяемымъ мѣстоименнымъ союзомъ *то: муха то надъ носомъ юлитъ у коренной, то лобъ укуситъ пристяжной, то вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится* (Крыл.).

Для выраженія послѣдовательности во времени употребляются нарѣчія *сперва, потомъ, далѣе, наконецъ;* для выраженія *счета — во-первыхъ, во-вторыхъ* и пр.; для выраженія слѣдствія изъ предыдущаго—*заключительные* союзы: *слѣдовательно, посему, поэтому, и такъ: ходятъ черныя тучи, слѣдовательно, нужно опасаться дождя.*

Сужденія, въ которыхъ выражается какая-либо противоположность, соединяются союзомъ *но: съ нимъ изъ окна въ окно*

жилъ въ хижинѣ бѣднякъ-сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ. Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутитъ (Крыл.). *Я хотѣлъ работать, но мнѣ помѣшали.*

Если сужденія выражаютъ распредѣленіе предметовъ, признаковъ или дѣйствій, то соединяются союзомъ *а: я пошелъ въ садъ, а онъ въ рощу, я вышелъ на улицу, а онъ остановился. Его мать, а моя тетка была удивительная женщина. Одинъ пишетъ, другой читаетъ, а третій говоритъ.*

Если при такомъ соединеніи и является иногда противоположность, то она только кажущаяся, а не дѣйствительная: она представляется или въ неодинакихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, или въ неодинакихъ признакахъ, или въ отрицаніи одного признака и въ замѣнѣ его другимъ: *мы не разбойники, а слуги царскіе. Они напали на непріятеля, а тотъ обратился въ бѣгство.* Здѣсь имѣется въ виду представить два неодинакія явленія, находящіяся въ тѣсной связи между собою. Въ выраженіи же: «они напали на непріятеля, *но* были отражены»—указывается дѣйствительная противоположность явленій—нападеніе и отраженіе.

Союзомъ *же* выражается *включеніе* предмета или признака въ извѣстный кругъ по тѣсной ихъ связи: *онъ такой же, какъ и всѣ; онъ такой же, какъ былъ и прежде; онъ сапожникъ, онъ же и портной, онъ же и обойщикъ.*

Иногда и здѣсь представляется противоположность, но также кажущаяся: *мы сѣли въ лодку, онъ же* (бывшій въ нашемъ обществѣ) *остался на берегу*,—противоположность лишь въ неодинакихъ дѣйствіяхъ. *Я говорилъ о васъ много, смѣяться же* (включать смѣхъ) не думалъ—противоположность только въ отрицаніи.

Примѣч. Союзъ *же* при повелѣніи выражаетъ повтореніе: *дайте же мнѣ книгу.*

Союзомъ *да* выражается прибавленіе предмета къ предмету, признака къ признаку, явленія къ явленію, по тѣсной ихъ связи между собою, хотя бы въ нихъ и представлялась кажущаяся противоположность: *оно не столь хоть видно, да сытно. Вотъ я какъ захочу, да полечу. Нашъ воевода въ родню былъ толстъ, да не въ родню былъ простъ* (Крыл.). *Два да три—*

пять. Я думалъ писать къ вамъ, да онъ удержалъ меня. Знай себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ (Тург.).

Союзы *но, а, да* часто противополагаются уступительнымъ союзамъ *хотя, пусть: пусть онъ геній, а все же человѣкъ; онъ человѣкъ, хотя и геній. Хотя при нуждѣ намъ услуга дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться. Пусть такъ, а все чуденъ и мостъ. Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ, да самъ пастухъ дуракъ* (Крыл.).

Придаточныя предложенія. § 67. Придаточныя предложенія соединяются съ главнымъ мѣстоименіемъ *кто, что, какой, который, чей* и союзами *что, чтобъ, хоть, когда, куда, гдѣ, какъ, если* и др. Всѣ они вызываются другими мѣстоименіями, нарѣчіями и союзами, находящимися или подразумѣваемыми въ главномъ предложеніи:

Тотъ—который, кто: не видалъ (того) *человѣка, о которомъ вы говорили (опредѣл.), тотъ, кого вы посылали (опредѣл.), не пришелъ.*

То—что: скажи (то) *чему ученъ ты, что ты знаешь (дополн.). Въ чемъ толку не поймутъ (опред.), то все у нихъ пустякъ. Однимъ лишь* (тѣмъ) *откупщикъ страдаетъ, что онъ не досыпаетъ (дополн.).*

Такъ—что: Такое хвастовство показалось такъ забавно, что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка (Крыл.).

Тотъ, этотъ—что: А этого не смыслитъ неучъ сей, что онъ обязанъ намъ почтеньемъ. У людей тотъ порокъ, что всему дивиться станутъ (Крыл.).

Такой, таковой—что: на баранѣ томъ такой тулупъ былъ прекосматый, что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ затѣйникъ нашъ крылатый (Крыл.).

Стадо таково, что трудно перечесть (Крыл.).

Столько, столь—что: меня все столько огорчаетъ, что даже мнѣ и пища не вкусна. Онъ столь важенъ, что не подступись.

То, для того, на то, за тѣмъ, о томъ, столько, такъ—чтобы: вздумала кота она просить (о томъ), *чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту. Мнѣ нужно то, чтобъ вы слушались.*

Смотри (на то), *чтобы не осрамиться.*

Чтобъ онъ не могъ летать (для того), *ему всѣ крылья окарнали. Какъ съ сосѣдомъ сладить* (для того), *чтобъ отъ пьнья его отвадить.*

Чтобы мышиный родъ ему не повредилъ, такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.

Тотъ, этотъ, тогда—когда: это честь большая для овецъ, когда ты ихъ изволишь кушать (Кр.).

Гдѣ возрастъ тотъ невинный, когда бывало въ вечеръ длинный мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ (Гриб.). *Мнѣ не смѣшно* (то или тогда), *когда малярь негодный мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля* (Пушк.). *Какъ садить въ тѣ лѣта, когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта* (Крыл.).

Онъ предсказывалъ это тогда, когда о томъ никто еще не думалъ. Всѣ молчали (тогда), *когда онъ говорилъ.*

То, того, о томъ, такъ—какъ: я до него не зналъ (того), *какъ худо спятъ. Послушай басню ты о томъ, какъ больно левъ за спѣсь наказанъ комаромъ* (Крыл.). *Я слышалъ* (то), *какъ онъ читаетъ.*

Дѣлайте такъ, какъ вамъ велятъ. Сердитое Каспійское море (такъ), *какъ ворона крыло, чернѣлося вдали* (Крыл.).

Если придаточное предложеніе стоитъ впереди главнаго съ союзами *хоть, если, ежели*, то въ главномъ являются союзы *то, такъ*, которые, впрочемъ, во многихъ случаяхъ могутъ и скрываться: *Хоть ты ангелъ будь, такъ не минуешь съ ними драки. Хоть иногда онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда. Ежели людей не стало, такъ ужъ лукавый виноватъ. Если отступишь отъ закона, то онъ и покараетъ тебя. Если жизнь тебя обманетъ* (то), *не печалься, не сердись.*

Придаточное предложеніе съ союзомъ *что, чтобъ* составляетъ нерѣдко подлежащее главнаго предложенія, какъ бы поясняя скрытое въ главномъ мѣстоименіе *то: чуть вѣрится ему* (то), *что то не сонъ* (Крыл.). *Мнѣ снилося* (то), *что лѣстница крутая вела меня на башню* (Пушк.). *Кому извѣстно* (то), *что найду я воротясь* (Гриб.). *Какъ у насъ-то было въ матушкѣ каменной Москвѣ* (то), *что поймали добраго молодца безвиннаго, безъ поличнаго* (Нар. п.). *Случалось ли* (то), *чтобъ*

вы, смѣясь или въ печали, ошибкою добро о комъ-нибудь сказали (Гриб.).

При такомъ соединеніи иногда и союзъ *что* выпускается: *бываетъ* (то, что), моего счастливѣе везетъ. *Забавно* (то, что), *дался имъ голосъ мой* (Гриб.). *Придетъ* (то, что) *съ голоду пропасть намъ наконецъ* (Крыл.). *Пришлось* (то, что) *и онъ поклонился намъ.*

Особенно такое соединеніе употребляется съ глаголами *бывало, было: Бывало* (то, что) *въ вечеръ длинный мы съ вами явимся, исчезнемъ здѣсь и тамъ* (Гриб.). *Бывало* (то, что), *за примѣръ тебя смиренства кажутъ* (Крыл.). *Придетъ бывало посмотрѣть на насъ* (бывало то, что придетъ...) *Онъ было написалъ письмо* (было то, что онъ написалъ...).

Въ этомъ случаѣ *было* означаетъ намѣреніе, хотя и исполненное, но не достигшее цѣли, а *бывало* указываетъ на повтореніе дѣйствія: оба глагола такъ тѣсно связываются съ сказуемымъ другого предложенія, что въ письмѣ даже не отдѣляются никакимъ знакомъ.

Иногда главное предложеніе съ придаточнымъ, выражающимъ обстоятельство цѣли, такъ сокращается, что изъ перваго остается только подлежащее, а изъ второго сказуемое: *я чтобъ работать, а онъ чтобъ спать* (т.-е. я направляюсь къ тому, чтобъ работать, а онъ направляется къ тому, чтобы спать). *Иванъ чтобъ играть, а Петръ чтобъ плясать. Мы чтобы въ домъ, а онъ чтобъ изъ дому. Онѣ чтобъ на утекъ* (онѣ думаютъ о томъ, чтобъ имъ утечь) (Крыл.).

Иногда даже выпускается и признакъ придаточнаго предложенія *чтобы: я работать, а онъ—спать; Иванъ играть, а Петръ плясать.*

Когда придаточное предложеніе нужно поставить впереди главнаго, то союзъ *что* пропадаетъ, и тогда придаточное занимаетъ мѣсто подлежащаго, а главное—мѣсто сказуемаго: *бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ* (то, что бываетъ хуже, съ рукъ сойдетъ). *Васъ насмѣшило—меня опечалило* (то, что васъ насмѣшило, меня опечалило). *Кошкѣ игрушки—мышкѣ слезки* (то, что кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки).

Когда придаточное предложеніе опредѣляетъ имя *цѣлью*, то союзъ *чтобъ* опускается, и сложное предложеніе принимаетъ

форму простого: *настала минута* (для той цѣли, чтобы) *покаяться. Ваша воля* (на то, чтобы) *идти и не идти. Охота* (на то, чтобы) *странствовать напала на него. Голосиста* (на то, чтобы) *спорить. Удалъ* (на то, чтобъ) *обманывать. Пора* (для того, чтобъ) *ѣхать.*

При такомъ сокращеніи придаточнаго предложенія неопредѣленное наклоненіе иногда относится даже къ нарѣчію: *душу мнѣ некогда очистить покаяньемъ* (Пушк.).

Придаточное предл. дополнительное иногда сокращается, выпуская союзъ *что* и обращая глаголъ съ подлежащимъ въ неопредѣлен. накл. съ винительнымъ падеж. или съ дательн.

Быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ (Держ.). Онъ чаетъ, что будетъ вѣченъ.

Тебя душа моя *быть* чаетъ (Держ.). Душа чаетъ, что ты существуешь.

Имъ печатный *каждый листъ быть* кажется святымъ (Дмитр.)—имъ кажется, что каждый печатный листъ святой.

Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ *(намъ) быть* и въ чинѣ (Гриб.)—потребуютъ, чтобы мы были съ имѣньемъ.

Урекалъ онъ *насъ быть* христіанами и холопами.

Татаръ величалъ людьми вольными.

Никому *какъ быть* неподручными (Народ. пѣсн.).

Иногда глаголъ *быть* совсѣмъ опускается:

Я полагала *васъ* (быть) далеко отъ Москвы (Гриб.)—полагала, что вы далеко отъ Москвы.

Возможность сокращать придаточныя предложенія производитъ разнообразныя ихъ формы, какъ напр.:

Что ни слово, то спасибо—спасибо на каждое слово, какое скажетъ; что ни скажетъ, то насмѣшитъ,—насмѣшитъ всѣмъ, что скажетъ.

У него что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа (Крыл.).—у него расправа каждый разъ, какъ завтракъ...

У насъ въ посадѣ только и воруютъ, что воеводскіе (Островск.)—и воруютъ только тѣ, что воеводскіе.

Мы только что написали—было только то, что мы написали.

Даромъ что былъ въ гостяхъ—даромъ было то, что былъ въ гостяхъ.

Жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку (Крыл.)—жизнь пошла такая, что хоть кинуться въ рѣку.

Пришло хоть ноги протянуть (Крыл.)—пришло то, что хоть ноги протянуть.

Веселье хоть куда—хоть куда хочешь, угодно.

При выраженіи причины союзъ *потому что* часто выпускается, и придаточное предложеніе принимаетъ видъ главнаго:

Тишина водворилась невозмутимая: (потому что) стали читать самое занимательное мѣсто.

Для выраженія сравненія при выборѣ цѣли придаточное предложеніе является въ формѣ неопредѣлен. накл. съ дат. пад., который часто выпускается, и съ творительн. *чѣмъ:*

Лучше вѣрнаго держаться, *чѣмъ* за обманчивой надеждою *гоняться* (Крыл.).

Легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.

Чѣмъ кумушекъ считать *трудиться,*

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться (Крыл.).

Здѣсь мѣстоим. чѣмъ вызывается сравнительн. *лучше того, легче того, скорѣй того.*

Условіе выражается въ придаточн. предл. съ союзомъ или безъ союза. Союзъ *если, ежели,* можетъ соединяться со всѣми временами независимо отъ времени въ главномъ предложеніи:

Если жизнь тебя обманетъ, не печалься.

Если жизнь тебя обманываетъ, не печалься.

Если жизнь тебя обманула, не печалься.

Если я такъ распорядился, то вамъ слѣдуетъ помнить.

Если я такъ распорядился, то вамъ слѣдовало помнить.

Если вы въ ссорѣ, то помиритесь.

Если вы были въ ссорѣ, то можете помириться.

Союзъ *еслибы* выражаетъ предполагаемое условіе и вызывается предположеніемъ, выраженнымъ въ главномъ предложеніи частицею *бы*, которая можетъ соединяться или съ причастной формой *лъ*, или съ неопредѣлен. наклоненіемъ:

Вы *удивились* бы, *еслибы увидѣли* его.

Еслибы онъ сказалъ слово, *я бы пришелъ* къ нему.

Быть бы ему въ живыхъ, *еслибы не* такой случай.

При неопредѣл. накл. съ част. *бы* въ придат. пред. союзъ *если* можетъ пропасть:

Придти бы ему къ намъ, мы бы порадовали его.

Крикнуть бы погромче, вы были бы спасены.

Безъ союза условіе выражается также въ формѣ повелительн. наклоненія:

Пофилософствуй — умъ вскружится (Гриб.) — *если пофилософствуешь*, то умъ...

Отецъ родной убейся — все равно (Гриб.) — *если убьется* родной отецъ, все равно, или еслибъ убился родной отецъ, было бъ все равно.

Случись кому назвать его — бѣда (Гриб.)—*если случится* кому назвать его—бѣда.

Не служитъ онъ, по *захоти* (еслибъ захотѣлъ), такъ былъ бы дѣловой.

Только *кинь* (если кинуть) имъ кость, такъ что твои собаки. (Крыл.).

Съ тою же формою глагола могутъ соединяться союзы *хоть, какъ, пускай:*

Другой *хоть* прытче *будь,* надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ *слыви*,
А въ семью не включимъ... (Гриб.).

Хоть на кого изъ васъ *садись,* оба пропадете (Нар. сказ.).

Какъ ни старайся и ни служи, заслуга будетъ та же (Нар. сказ.).

Если въ главномъ и условномъ придаточномъ предложеніи выражаются дѣйствія или состоянія современныя, то происходитъ такое соединеніе:

Поспѣшишь (если—то), людей насмѣшишь (Посл.).

На погибель идти—пѣсни пѣть соловьемъ (Кольц.).

Оробѣлъ—пропалъ, смѣлъ—съѣлъ (Тург.).

Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
На Казань идти—грозенъ царь стоитъ (Нар. пѣс.).

Условіе иногда выражается косвеннымъ вопросомъ съ частицею *ль,* если представляется *современность* въ обоихъ предложеніяхъ:

Пріятель ли (если) къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ (Крыл.).
Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль (если) въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную твержу я наизусть (Лермон.).
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ (Пушк.).

Мѣстоименіе указательное *тотъ*, *такой* вызываетъ мѣстоимен. относительное: *который*, *какой*, *кто*, *чей* въ придаточномъ предложеніи, но при этомъ само мѣст. указ. часто скрывается.

Мы свой знатный родъ ведемъ отъ *тѣхъ* гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ (Крыл.).
На свѣтѣ *кто* силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ (Крыл.).

Дворовый вѣрный песъ Барбосъ (тотъ), *который* барскую усердно службу несъ, увидѣлъ старую свою знакомку.

Держися званія (того), *въ которомъ* ты рожденъ (Крыл.).

Былъ конь (такой), *какого* и въ табунахъ на рѣдкость отъискать.

Гдѣ первый грозный нашъ учитель (тотъ),
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на особенности согласованія: мѣстоим. *который*, *какой* согласуется въ родѣ и числѣ съ тѣмъ именемъ, къ которому относится указат. *тотъ;* падежъ же принимаютъ, смотря по зависимости ихъ въ предложеніи. Такой же зависимостью опредѣляется и падежъ мѣстоим. *кто:*

Рады мы *тому* молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться.
Въ *комъ* есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ.

Мѣстоим. *чей* во всемъ согласуется съ именемъ, къ которому относится въ придаточномъ предложеніи.

Вмѣсто *который* иногда употребляется *что:* того самаго, *что* былъ комендантомъ (Пушк.).

Замѣчательно въ нашемъ старинномъ языкѣ употребленіе мѣстоим. относительнаго *который:* оно, подобно вопросительному, является съ тѣмъ существительнымъ, къ которому должно бы было относиться: «и вздѣвая на себя шубу соболиную, *которой шубѣ* цѣна три тысячи», «приказали казнить и вѣшати (тѣхъ), *которые мужики* были главные въ Угличѣ», «и *которые старцы*, при церкви живутъ (тѣмъ), даетъ золотой казны не считаючи», «а *которые* остались *люди* похужѣе на другой сторонѣ, они (тѣ) въ пещеру убиралися», «а дается на церковное строеніе, *которыя церкви* бываютъ разорены».

Остатокъ такого употребленія мы встрѣчаемъ въ нашихъ дѣловыхъ бумагахъ, гдѣ для большей ясности при относит. мѣст. *который* ставится и его существительное.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ встрѣчается нѣчто подобное въ выраженіяхъ: мужикъ простакъ, *какихъ* вездѣ не мало (Крыл.), т.-е. *какихъ простаковъ* вездѣ не мало, такой былъ мужикъ.

Онъ не такой, *какихъ* (людей) тысячи.

Она женщина, *какими* богато не каждое общество, т.-е. какими женщинами богато не каждое общество, такая она женщина.

Если мѣстоим. *который*, *какой*, *кто* будетъ въ именит. пад. или при дѣйствит. глаг. въ винит. и родит., то оно можетъ исчезать, и глаголъ въ такомъ случаѣ обращается въ причастіе, согласуясь во всемъ съ именемъ, къ которому относились мѣстоименія, конечно, если глаголъ можетъ обратиться въ причастіе соотвѣтственно со своимъ временемъ, т.-е. если онъ не выражаетъ будущаго времени или условія съ частицею *бы*, для которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго причастія. Такія предложенія съ причастіями называются *сокращенными:*

Крыловъ написалъ двѣ комедіи, *игранныя* на театрѣ—которыя были играны на театрѣ.

Отецъ Крылова, *служившій* въ войскѣ (который служилъ въ войскѣ), умеръ рано.

Человѣка, *думающаго* только о себѣ (который думаетъ), называютъ эгоистомъ.

Ваша сестра, *любимая* всѣми (которую всѣ любятъ), счастлива.

Если въ главномъ и придаточномъ пред. выражается современность дѣйствія, то причастіе является въ формѣ настоящаго времени, хотя бы главное сказуемое представляло время прошедшее:

Я встрѣтилъ вашу сестру, *которая быстро выздоравливала—быстро выздоравливающую.*

Придаточное предложеніе съ подлежащимъ *кто, который*, сократившись въ причастіе, можетъ сдѣлаться подлежащимъ главнаго:

Тотъ, *кто* много *учился*, долженъ бы быть мудрымъ—много *учившійся* долженъ бы быть мудрымъ.

Говорятъ о ней тѣ, *которые видѣли* ее—говорятъ о ней *видѣвшіе* ее.

Точно также придаточное съ мѣстоим. *что* въ именит. и винительн. пад. при сокращеніи можетъ обратиться въ дополненіе къ сказуемому главнаго предложенія:

Никто не знаетъ того, *что будетъ*—никто не знаетъ *будущаго.*

Хотѣлъ бы я знать все, *что* теперь *происходитъ* въ Москвѣ—*все происходящее* въ Москвѣ.

Придаточныя предложенія съ сказуемымъ прилагательнымъ могутъ также обращаться въ подлежащія и дополненія главнаго предложенія:

Кто богатъ познаніями, тотъ часто бѣденъ деньгами—*богатый* познаніями часто бѣденъ деньгами.

Кто старъ, не догонитъ того, *кто молодъ—старый* не догонитъ *молодого—старому* не догнать *молодого.*

Употребленіе дѣепричастія. § 68. Придаточныя предложенія съ *союзами* или со словами, принявшими значеніе союзовъ: *когда, между тѣмъ какъ, послѣ того какъ, въ то время какъ, потому что, такъ какъ, тѣмъ что* могутъ сокращаться, переводя сказуемое глагольное въ форму *дѣепричастія:*

Считаю вас неспособнымъ на такое дѣло, *потому что уважаю васъ*—*уважая васъ*, считаю неспособнымъ на такое дѣло.

Она стала выполнять долгъ матери *тѣмъ, что питала ихъ молокомъ*—выполнять долгъ матери, *питая* ихъ молокомъ.

Вы не думали о томъ, *когда говорили*—*говоря*, вы не думали о томъ.

Дѣепричастіе *будучи*, *бывши* иногда скрывается, при чемъ прилагательныя или причастія могутъ принять долгое окончаніе: *будучи старъ и боленъ*, онъ никого не принималъ—*старый* и *больной*, онъ никого не принималъ.

Бывъ всѣми ненавидимъ, онъ жилъ уединенно—*ненавидимый всѣми* онъ жилъ уединенно.

Дѣепричастія глаголовъ совершеннаго вида чаще принимаютъ форму съ оконч. *ая*, *я*, *а* (дѣлая, храня, пиша) и выражаютъ дѣйствіе или состояніе современное другому, высказанному въ главномъ предложеніи. Дѣепричастія же глаголовъ совершеннаго вида одинаково пользуются обѣими формами, какъ на *я*, *а*, такъ и на *вши*, *ши*, *въ*, и выражаютъ дѣйствіе или состояніе, предшествовавшее тому, которое выражено въ главномъ предложеніи:

Со стороны *прибывъ* далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ.
И, *выбравши* вѣтвистый дубъ высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.

Значеніе оконч. *я* и *учи* (ючи) совершенно одинаковое: они выражаютъ неопредѣленную продолжительность дѣйствія, тогда какъ, напротивъ, оконч. *въ* означаетъ опредѣленность. Поэтому первымъ окончаніемъ чаще всего приходится означать настоящее время, такъ какъ въ его продолжительности всего болѣе неопредѣленности, а вторымъ, т.-е. *въ*—прошедшее, въ которомъ уже вполнѣ опредѣлилось дѣйствіе концомъ его. Потому и глаголы, продолжительность которыхъ уже опредѣлилась или однократнымъ видомъ, или предлогомъ, могутъ одновременно принимать и ту и другую форму: *увидя*, *увидавъ*, *придя*, *пришедъ*, *бросяя*, *бросивъ*. У Ломоносова:

Земныхъ *оставя* низость мѣстъ,

Злыхъ совѣты *раззоря*. (Ода II).

У Фонвизина: *завезя* жену домой, ѣздилъ я въ университетъ. Фейерверкъ, *будучи* повторенъ, кончилъ свое торжество свѣтлой недѣли.

У Карамзина: почтенный старецъ сидѣлъ, *приставя* къ уху мѣдную трубку. Гулялъ, *будучи* погруженъ въ пріятную задумчивость.

У Дмитріева: И прибылъ наконецъ калѣкою домой, *таща* свое крыло и волочивши ноги.

У Жуковскаго: *будучи* призванъ на престолъ отцовскій.

У Крылова: волкъ *ѣвши* никогда костей не разбираетъ.

У Пушкина: *будучи* отрѣзанъ отовсюду.

Въ народныхъ пѣсняхъ: къ чему ты рано садъ расцвѣтаешь, *расцвѣтавши* садъ засыхаешь. Не хвались-ко ты въ городъ *ѣхавши*, а похвастай-ко *выѣхавши* (Грам. Бусл.).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ не имѣется въ виду указанія времени, а только опредѣленная продолжительность.

Въ современной рѣчи обыкновенно наблюдаютъ, чтобы дѣепричастіе имѣло то же самое подлежащее, какое въ главномъ предложеніи; но въ старину было и другое его опредѣленіе: «бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ, *обручався;* потомъ протопопъ и свадебный чинъ царя и царицу поздравляютъ, *вѣнчався* (Котошихинъ).

То же независимое дѣепричастіе слышится и въ народномъ языкѣ: *не учась* въ попы не ставятъ; бобы не грибы: не *посѣявъ*, не взойдутъ. *Осѣдлавши*-отъ добрыхъ коней, наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.

Подобное же употребленіе попадается иногда и у новѣйшихъ писателей:

У Крылова: *увидя* то, на мысли волку вспало.

Видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется, *пророчество* почти всегда мнѣ удается.

У Пушкина: велѣно было идти въ Оренбургъ, *зарывая* и *потопляя* тяжести. *Имѣя* право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ.

Въ современномъ языкѣ подобный оборотъ рѣчи допускается

при главномъ предложенiи, въ которомъ подлежащее скрыто, какъ у Крылова: *увидя* то, на мысли волку вспало, или при неопредѣленномъ наклоненiи, которое замѣняетъ полное придаточное предложенiе: я запретилъ ему читать *лежа* и писать *стоя*—чтобы онъ читалъ *лежа* и писалъ *стоя*.

Опущенiе союзовъ. § 69. Сокращенiе придаточныхъ предложенiй съ опущенiемъ союзовъ можетъ быть разнообразное; такъ, сказуемое можетъ обращаться въ неопредѣленное наклоненiе съ дательн. пад.: приказано, *чтобы вы сдѣлали* это,—приказано *вамъ сдѣлать* это, или въ имя существительн. отглагольное: вы думаете, *что можете загладить* свою ошибку—вы думаете *о возможности* загладить свою ошибку.

Въ сравнительныхъ предложенiяхъ также могутъ выпускаться союзы:

Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣгородѣ людей не выбити (*какъ-такъ*).
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
А у молодцевъ думушки прибыло (Др. рус. стих.).

Вводныя предложенiя и слова. § 70. Кромѣ главныхъ и придаточныхъ предложенiй, въ рѣчи являются еще предложенiя или особыя слова, которыя называются *вводными*. Они показываютъ отношенiе говорящаго къ мысли главнаго предложенiя, отношенiе, которое бываетъ весьма разнообразно.

Говорящiй можетъ быть увѣренъ въ истинности высказываемой мысли, или можетъ предполагать ея истинность или вѣроятность, или сомнѣваться въ дѣйствительности высказываемаго, или передавать чужую мысль и проч. Вотъ примѣры:

Вѣроятно, онъ очень усталъ.
Можетъ быть, дѣло такъ бы и кончилось.
Что это, *говоритъ рѣкѣ сосѣднiй прудъ*,
Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ.
Ну что жъ, *онъ думаетъ*, въ своемъ добрѣ я властенъ.
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ (Крыл.).

Вводныя предложенiя грамматически ничѣмъ не связы-

ваются съ главнымъ и по формѣ совершенно съ нимъ сходны; они даже могутъ обращаться въ главныя и подчинять себѣ всѣ прочія, обращая ихъ въ придаточныя:

Ты, *сказываютъ*, пѣть великій мастерище—*сказываютъ*, что ты пѣть великій мастерище.

Большая часть въ немъ, *правда*, были волки (Крыл.) — правда то, что большая часть въ немъ...

Къ вводнымъ словамъ должно относить и звательный падежъ, показывающій, къ кому говорящій относитъ свою рѣчь, или въ какихъ отношеніяхъ говорящій ко второму лицу:

Дописываю свой трудъ, *пріятель мой.*

Сосѣдка, то-то сторона!

Братъ Григорій, ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ (Пушк.).

Сочиненія В. Я. Стоюнина.

Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы. Пятое изданіе. 1879 г. Ц. 75 к.

Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ, русскимъ и иностраннымъ. Восьмое изданіе. 1910 г. Ц. 60 к.

О преподаваніи русской литературы. Седьмое изданіе. 1908 г. Ц. 1 р 75 к.

Хрестоматія къ «Руководству для теоретическаго изученія литературы». Въ двухъ частяхъ. 1879 г. Ц. 1 р. 20 к.

Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ средне-учебныхъ завед. Четвертое изданіе. 1900 г. Ц. 80 к.

Руководство для преподавателей по «Русской классной хрестоматіи». Второе изданіе. 1889 г. Ц. 50 к.

Высшій курсъ русской грамматики. Седьмое изданіе. 1914 г. Ц. 70 к.

Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. 1874 г. Ц. 85 к.

Русскій синтаксисъ. Ц. 35 к.

Педагогическія сочиненія. Третье изд. 1911 г. Ц. 3 р.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:

1) **Александръ Семеновичъ Шишковъ.** 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

2) **Пушкинъ.** Второе изд. 1906 г. Ц 1 р. 25 к.

